

DK

130

.P754

1861

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723

Semevskii, Mikhail Ivanovich.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ВЪ ПЕРВОМЪ ВЫДАВАНІИ

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1861

МИХАИЛА СЕМЕВСКАГО

ПЕТЕРБУРГЪ

1861

DK 130
P7S4
1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ , 19 апрѣля 1861 года

Ценсоръ *Е. Волковъ*

Оттиски изъ журнала «Время».

A.E. #2812

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

(род. 12 октября 1664, ум. 13 октября 1723)

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

I

Б Р А КЪ.

По мѣрѣ того какъ росъ и мужалъ великій Петръ, Софья Алексѣевна яснѣе и яснѣе видѣла непрочность своего положенія; въ тайныхъ совѣтахъ съ Василиемъ Голицынымъ она тщательно обдумывала планъ удержанія за собою господства надъ братьями и власти надъ Россіей.

Мысль объ удаленіи Петра отъ престола, даже объ убіеніи царственного юноши рано стала туманить голову сестры; не разъ сообщала она объ этомъ своему фавориту, но князь Василій Васильевичъ благоразумно удерживалъ ее отъ преступленія, а для упроченія на ея главѣ короны предложилъ женить Ивана Алексѣевича. Царь Иванъ былъ отъ природы *скорбенъ* главою (т. е. глупъ), косолапычентъ, страдалъ цынгой, плохо видѣлъ, и на восемнадцатомъ году отъ рожденія, разслабленный, обремененный немощью духа и тѣла, служилъ предметомъ сожалѣнія и даже насмѣшекъ бояръ, его окружавшихъ... Женихъ онъ былъ плохой, но, весь во власти Софьи, онъ не противился ея желанію.

Правительница была увѣрена, что Иванъ явится неспособнымъ къ брачной жизни; тогда она принудитъ невѣстку вступить съ кѣмъ-нибудь «въ тайную связь» и подаритъ такимъ образомъ супруга дѣтми. Предполагалось, что съ появленіемъ ихъ Петръ бу-

детъ совершенно устранивъ отъ престола, Софья навсегда овладѣтъ и Ивановъ, и Россіей; а если въ послѣдствіи со стороны дѣтей большого явится желаніе властвовать именемъ отца, то правительница не затруднится доказать поступокъ царьцы, заточить ее въ монастырь, объявить дѣтей незаконными, а *скорбнаго* отца женить на другой, которая своимъ безплодіемъ покажетъ немощь вѣнценосца и справедливость заточенія первой супруги. Желая имѣть всему дѣлу поддержку въ духовенствѣ, Софья рѣшилась возвестить на патриаршій престолъ архимандрита Сильвестра Медвѣдева, своего умнаго и дѣятельнаго пособника.

На сколько достовѣренъ этотъ обширный замыселъ, переданный греческимъ историкомъ Θεοδοзи (1) и нѣкоторыми другими писателями, рѣшить трудно; но нѣтъ сомнѣнія, что свадьба Ивана была задумана Софьей и болѣе или менѣе входила въ черту ея дѣйствій противъ Петра.

Женихъ былъ готовъ, дѣло было за невѣстой. По обычаю священной старины, въ царскіе терема свезли дочерей высшей московской аристократіи. Засуетились ихъ родители, закипѣли страсти придворныхъ честолюбцевъ, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; всѣ ждали его выбора. Былъ ли онъ заранѣе рѣшенъ Софьей или представлялся на произволь жениха, — неизвѣстно; какъ бы то ни было, но въ толпѣ юныхъ боярышень подслѣповатья очу Ивана остановилась на круглолицой, полной Прасковьѣ Салтыковой.

Подобные выборы невѣсть, по разсказамъ иноземцевъ, бывали прежде гораздо сложнѣе: боярышнямъ, свезеннымъ на выборку, отводили покои, каждой отдѣльно; угощали всѣхъ за однимъ столомъ, увеселяли разными забавами. Царь присматривался къ нимъ, прислушивался къ ихъ бесѣдамъ, заговаривалъ самъ, осматривалъ по ночамъ, кто какъ спитъ — спокойно или безпокойно, и наконецъ, *воспылавъ страстію*, отдавалъ избранной платокъ и перстень, а остальныхъ щедро одаривалъ платьями и разными вещами, затѣмъ распускалъ по домамъ. На этотъ разъ воля Софьи и немощь Ивана упростили дѣло, и двадцатилѣтняя Прасковья безъ дальнѣйшихъ испытаній наречена невѣстой восемнадцатилѣтняго царя Ивана (онъ род. 28 августа 1666 г.).

Впрочемъ, если вѣрять портрету, «скомпонованному» по портрету, хранящемуся въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то невѣста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы

(1) Θεοδοзи, Житіе Петра Великаго. Переводъ съ греческаго. Москва. 1788 г. с. 48, 64, 68.

густыми косами ниспадали на круглыя плечи; круглый подбородокъ, ямки на щекахъ, косички, красиво завитыя на невысокомъ лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень милосвдую.

Свадьба совершена была со всѣми церемоіями, которыми обыкновенно сопровождались подобныя торжества.

8 января 1684 года, наканунѣ вѣнчанія, былъ у царя столъ для боярѣ, боярынь, родственниковъ и свойственниковъ отца и невѣсты. Иванъ съ Прасковьей сидѣли за особымъ столомъ. Царскій духовникъ, протопопъ, благословилъ жениха и невѣсту, велѣлъ имъ поцѣловаться, а бояре и боярыни подыались съ поздравленіями; послѣ стола невѣста отпущена домой, и гости разъѣхались.

9 Января 1684 года, въ среду, Иванъ провелъ все утро въ соборахъ: отслужилъ молебенъ; на гробахъ державныхъ предковъ отправилъ пѣнье, приложился къ святынямъ и просилъ у Патріарха благословенья на брачную жизнь.

Между тѣмъ кончились приготовленія: уборка палатъ, свадебныхъ столовъ, разставленіе яствъ и проч. и проч., и торжество началось съ выполненіемъ тѣхъ мельчайшихъ обычаевъ, которые освящены были въ глазахъ дѣйствующихъ лицъ давностью лѣтъ и вѣковымъ употребленіемъ.

Многіе изъ этихъ обычаевъ, по отношенію къ настоящей свадьбѣ, были ничто иное, какъ выполненіе пустой формальности; такъ напримѣръ, Прасковья равнодушно могла слушать поученіе вѣнчавшаго ихъ патріарха: «. . . у мужа будь въ послушаніи, другъ на друга не гнѣвайтесь, покорно выноси гнѣвъ супруга, если онъ за какую нибудь вину поучитъ тебя слегка жезломъ, такъ какъ онъ глава въ домѣ, и проч.» Прасковья не могла не знать, въ какомъ положеніи эта глава, на сколько она въ состояніи была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не изъ любви и уваженія къ жениху, а потому, что ей и въ голову не должна была придти мысль объ отказѣ: этотъ бракъ возвышалъ ея родителей, родныхъ и наконецъ высоко ставилъ ее самое надъ остальными боярынями и боярышнями.

Обрядъ вѣнчанія въ соборной церкви совершалъ патріархъ Іоакимъ съ ключаремъ и тремя діаконами. Звонъ былъ въ большой новый колоколъ, а съ пришествія государя въ соборъ во всѣ колокола, и не умолкалъ до молебна (1).

Послѣ вѣнчанія и свадебнаго стола, именитые гости, проведя царя и царицу въ опочивальню, усѣлись за столъ, выжидая часъ

(1) Древн. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 196, 197.

боевой, когда дружка принесетъ вѣсть, что у царя доброе совершилось...

«А на утро слѣдующаго дня, какъ велось это обыкновенно, царю и царицѣ готовили мыльни разныя, и ходилъ царь въ мыльню, и по выходѣ изъ нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велѣно было сохранять постельничему... А какъ царица пошла въ мыльню и съ нею ближнія жоны, и осматривали ея сорочку, а осмотра сорочку, показали сродственнымъ жонамъ немногимъ для того, что ея дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицину, и простыни, собравъ вмѣстѣ, сохранили въ тайное мѣсто» и проч.

Нѣтъ причинъ думать, чтобъ всѣ эти формальности не были выполнены, притомъ выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мѣрѣ по наружности, было «въ добромъ совершеніи» и вся родня новой царицы ликовали въ царскихъ теремахъ за свадебными столами; на дворѣ и по сѣнямъ музыканты играли въ трубы, били въ литавры, и пылали разложенные въ различныхъ мѣстахъ на улицахъ и на дворахъ костры: то была плуминація.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежатъ къ древнѣйшимъ и именитѣйшимъ фамиліямъ. Происхожденіе Салтыковыхъ восходитъ къ XIII вѣку. Предокъ ихъ Михайло Прушанинъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Новгородъ; отъ него пошли въ пятомъ колѣнѣ Морозовы, Чоголовы, Шестовы и друг.; а въ восьмомъ колѣнѣ отъ Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важныя роли на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщахъ; многіе изъ нихъ были самыми довѣренными и приближенными лицами московскихъ государей. Такъ мы видимъ Андрея Салтыкова оружейничимъ и любимцемъ великаго князя Василья Ивановича; братъ его, Василій Салтыковъ оборонилъ Опочку отъ Константина Острожскаго. Двое Салтыковыхъ пали въ Ливонскихъ походахъ; двое были именитыми боярами при дворѣ Грознаго; племянникъ ихъ — окольничимъ и любимцемъ Годунова; Борисъ Михайловичъ Салтыковъ весьма важнымъ лицомъ при царѣ Михаилѣ, а братъ его, Михаилъ — кравчимъ, окольничимъ и любимцемъ царя Алексѣя, при дворѣ котораго четверо Салтыковыхъ были боярами.

Одинъ изъ Салтыковыхъ, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ, по прозванью Кривой, принималъ значительное участіе въ смутахъ при Лжедмитріѣ, былъ главнымъ подвижникомъ польской партіи и въ 1612 году уѣхалъ съ сыновьями въ Польшу, гдѣ былъ щедро одаренъ королемъ Сигизмундомъ. Сынъ его, Федоръ Михайловичъ, выстрѣилъ въ отцовскихъ жалованныхъ помѣстьяхъ, близъ Доро-

гобужа, православный монастырь и, принявъ санъ инока съ именемъ Сергія, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ распространителемъ раскола (ум. въ 1655 году); братъ его Петръ былъ дѣломъ царицы Прасковьи, отецъ которой *Александръ* при царѣ Алексѣѣ, съ завоеваніемъ Смоленска, принялъ русское подданство. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ былъ въ Енисейскѣ комендантомъ, откуда вызванъ Софьей Алексѣвной.

Не смотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ея прадѣдъ и дѣдъ были измѣнники отечества, все-таки фамилія Салтыковыхъ была славна заслугами многихъ изъ своихъ представителей; ни въ одной изъ фамилій не было столько бояръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительница одобрила выборъ брата, а можетъ быть и сама сдѣлала его. А. Салтыковъ незадолго до свадьбы сдѣланъ правителемъ и воеводою города Кіева (1). Счастливый родитель тогда же былъ возведенъ въ санъ боярина, съ повелѣніемъ перемѣнить имя: вмѣсто Александра онъ наименованъ Оедоромъ (2), вѣроятно въ честь имени покойнаго государя. Переименованный Салтыковъ былъ два раза женатъ: отъ перваго брака съ какой-то Катериной Оедоровной родился сынъ Василій Оедоровичъ и двѣ дочери — Прасковья и Настасья Оедоровны. Второю женою ихъ родителя была — Анна Михайловна Татищева (ум. 1702 года) (3). Шесть Салтыковыхъ были боярами и занимали важныя должности при дворѣ царей Ивана и Петра; одинъ изъ нихъ убитъ, по ошибкѣ, стрѣльцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать изъ членовъ этой фамиліи владѣли въ то время въ Россіи большими населенными имѣніями.

Семейныя связи новой царицы были весьма значительны: такъ при посредствѣ браковъ своихъ дядей, также роднаго и двоюродныхъ братьевъ, она была въ родствѣ съ Трубецкими, Прозоровскими, Стрѣшневыми, Куракиными, Долгорукими и друг. Родная сестра ея Настасья вышла впоследствии за-мужъ за знаменитаго князя-кесаря Ивана Оедоровича Ромодановскаго.

Всѣ эти связи чрезвычайно важны въ біографіи Прасковьи: онѣ служатъ разъясненіемъ того значенія и почота, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворѣ Петра; ея же родствомъ объясняются многія событія, съ которыми мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ.

(1) *И. Закревскій*: Лѣт. и оп. гор. Кіева. Чт. Об. Ист. 1858, т. II, с. 245.

(2) *Дневникъ Гордона*.

(3) *Ки. П. В. Долгорукій*: Рос. Род. кн. 1855, ч. II, с. 68—83.

Много говорить о воспитаніи Прасковьи намъ не приходится; то не было воспитаніе, а питаніе: ее выкормили полною, статною, съ высокою грудью, открытымъ лицомъ и длинною косою; затѣмъ выучили довольно плохо русской грамотѣ (она и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, не была мастерница писать); остальное же довершили семейныя преданія и обычаи. Она выросла въ предразсудкахъ и суевѣрїи; вѣрила колдунамъ, чудесамъ, вѣщунамъ, и строго выполняла пустые обряды, не вникая въ ихъ сущность и значеніе.

Идя по стопамъ своихъ предковъ и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религіи: нѣкоторые изъ ея родныхъ постригались въ монахи, умирали схимниками, — и вотъ Прасковья очень чтитъ духовенство, дружилась съ монахами, вела переписку съ нѣкоторыми митрополитами, ѣздитъ къ нимъ и разсылала подарки. Съ выходомъ замужъ жизнь ея пошла обычной колеей: вмѣстѣ съ державнымъ супругомъ она выполняла церковныя требы, не пропускала ни одной службы, посѣщала монастыри, дѣлала вклады, участвовала въ крестныхъ ходахъ, раздавала милостыню нищей братьи и колодникамъ (1).

Жила она съ мужемъ, по обычаю, въ разныхъ покояхъ, гдѣ посѣщали ее время отъ времени боярыни, ближніе люди и многочисленная родня.

«И на праздники господскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, повѣствуетъ Котошихинъ, царь и царица опочиваютъ въ покояхъ порознь; а когда случится быти опочивать имъ вмѣстѣ, и въ то время царь посылаетъ по царицу, велитъ быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь опочиваютъ вмѣстѣ, и на утро ходятъ въ мыльню порознь, и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ...»

Нѣтъ сомнѣнія, что все это выполняли царь и царица, — но дѣтей, какъ и ожидала Софья, не было... Прошло пять лѣтъ брачной жизни, и во все это время только разъ мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потомъ рассказывала: «при царѣ-де Иванѣ пучило у меня животъ съ годъ и я чаяла себя весь годъ брюхата, да такъ и изошло...» (2).

Однакожь въ концѣ 1688 года для всего двора сдѣлалось извѣстно, что царица Прасковья «очреватѣла». Немошный царь былъ счастливъ, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видѣвшіе въ этой беременности слѣдствіе интригъ и козней прави-

(1) Др. Рос. Вивліюф. изд. 2, т. XI, с. 177, 178, 179, 331, 332. — Дворц. разряды т. IV, с. 842 и друг.

(2) Госуд. Арх. карт. 7, писм. ц. Прасковьи 1719 г., л. 12.

тельницы. Пропикая въ ея замыслы ⁽¹⁾, Наталья Кирилловна убѣдила сына вступить въ бракъ; 27 января 1689 года Петръ обвѣчался съ А. О. Лопухиной. — 21-го марта того же года, въ четвергъ ночью, ц. Прасковья разрѣшилась отъ бремени — дочерью. Рано утромъ благовѣсть Успенскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ о приращеніи царственнаго семейства; власти съѣхались, пришло царь — и патріархъ отслужилъ молебень.

Въ поведѣльникъ, 25 марта, поворожденная окрещена въ Чудовѣ монастырѣ именемъ *Марьи*; службу совершалъ Патріархъ; воспріемниками были — царь Петръ и тетка его, Татьяна Михайловна.

Последній фактъ, какъ повидимому ни незначителенъ онъ, однако возбуждаетъ вопросъ: почему воспріемницей не была Софья Алексѣевна? Была ли она недовольна роженіемъ племянницы вмѣсто племянника, или Прасковья, не лишенная природнаго ума и прозорливости, провидѣвъ будущую участь правительницы, заискивала въ Петрѣ и въ уважаемой имъ теткѣ?

Впрочемъ за столомъ, ради роженія Марьи, въ четвергъ 18 апрѣля, въ Грановитой палатѣ вмѣстѣ съ Патріархомъ, царемъ Иваномъ и другими была Софья; сидѣли по чину, слушали чтеніе патріаршаго канархиста, а послѣ стола; «отдѣйствовавъ Пречистую, пили задравныя чави» ⁽²⁾.

Съ этого времени не проходило почти года, чтобъ царица Прасковья не радовала мужа роженіемъ дочери. Такимъ образомъ, 4 июня 1690 года родилась царевна, 20 числа ее крестилъ именемъ Оелосыи архимандритъ Чудова монастыря; воспріемниками были Петръ и ц. Татьяна, но на обѣденномъ кушаньи ради роженія, 4 июля, былъ только одинъ царь Иванъ и пилъ задравную чашу съ духовенствомъ ⁽³⁾.

29 октября 1692 года рано по утру Прасковья родила новую царевну; съ радостною вѣстью поспѣшилъ къ патріарху болиринъ Оелдоръ Петровичъ Салтыковъ; святѣйшій послѣ благовѣсту служилъ литургію и дарилъ посланнаго. Во второмъ часу по-полудни пріѣхалъ изъ Преображенскаго Петръ, и государи многолѣтіе пѣли и знаменовались. 8 ноября прежніе воспріемники были при крещеніи царевны *Катерины* въ Чудовомъ монастырѣ, а два дня спустя былъ по этому случаю радостный столъ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Голицовъ, изд. 2, т. I, с. 49. — *Өведози* с. 66, 71.

⁽²⁾ Др. Рос. Вивлюф, изд. второе, ч. 11, с. 182—183.

⁽³⁾ Др. Рос. Вивлюф, изд. второе, т. XI, с. 186—187.

⁽⁴⁾ Тамъ же с. 188—189.

28 янв. 1693 года родилась царевна Анна; въ слѣдующемъ 1694 году 24 сентября царица разрѣшилась послѣдней дочерью: то была царевна *Прасковья*.

Такая плодовитость благовѣрной супруги радовала Ивана Алексѣевича; но родительское сердце большого претерпѣвало также и утраты: изъ пяти дочерей онъ скоро лишился двухъ старшихъ, Марьи и Федосьи (сконч. 13 февр. 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершеніи погребальныхъ обрядовъ въ Вознесенскомъ монастырѣ присутствовали отецъ и мать ⁽¹⁾.

Супруги и послѣ паденія Софьи не играли никакой роли въ управленіи Россіей: Иванъ по скорби главы, Прасковья по ежегодной беременности ни мало не мѣшались въ дѣла, которыми управляли отъ имени юнаго еще Петра его родственники и совѣтники, какъ Русскіе, такъ и иноземцы. За Иваномъ оставался только одинъ титулъ; имя его упоминалось во всѣхъ актахъ государственныхъ; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ царедворцевъ, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ полномъ царскомъ облаченіи, наконецъ участвовалъ въ торжественныхъ пріемахъ пословъ, либо въ церковныхъ празднествахъ. Нельзя согласиться съ г. Устряловымъ въ томъ, что Петръ нѣжно любилъ и глубоко уважалъ своего брата ⁽²⁾. По крайней мѣрѣ письма Петра къ Ивану ничего не заключаютъ въ себѣ особенно-нѣжнаго: эти письма не болѣе, какъ обыкновенныя родственныя посланія, кромѣ впрочемъ одного, въ которомъ Петръ требуетъ устранить отъ правленія «засорное лицо» — Софью ⁽³⁾.

Что Петръ не заявлялъ брату глубокаго уваженія, видно ужъ изъ того, что при крещеніи обоихъ сыновей его, Алексѣя Петровича 23 февр. 1690 г. и Александра Петровича 1 ноября 1692 г., Иванъ Алексѣевичъ не былъ приглашонъ въ воспріемники. Въ первый разъ былъ воспріемникомъ Патріархъ Іоакимъ съ царицей Татьяной Михайловной, а во второй — келарь Троицкій съ царевной Натальей ⁽⁴⁾.

Между тѣмъ ежегодное рожденіе дочерей у ц. Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ея мужа оправилось; напротивъ, въ 1696 году царь Иванъ, достигая тридцатилѣтняго возраста, хотя не обнаруживалъ признаковъ смертельной болѣзни, но уже

(1) Тамъ же с. 203—204, 210—211, 236, 240.

(2) Истор. Петр. Вел. 1858, т II, с. 264, 265.

(3) Тамъ же — 77, 408. — У Голикова см. разглагольствованія «о нѣжной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двухъ братьевъ», т. I. с. 92—93, 235.

(4) Др. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, с. 184 и 188.

таилъ се въ своей груди. 6 января онъ ходилъ въ торжественномъ облаченіи за крестами изъ Успенскаго собора на іорданъ, устроепную на Москвѣ рѣкѣ; день былъ чрезвычайно теплый, совершенно весенній, былъ дождь и молнія ⁽¹⁾; царь былъ съ непокрытой головой, промочилъ ноги и сильно простудился. 21 января Иванъ былъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на панихидѣ по царицѣ Натальѣ Кириловнѣ; 26 января въ день имении сестры своей, царевны Маріи Алексѣевны, слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви Иоанна Предтечи; по окончаніи службы принималъ въ передней палатѣ обычныя поздравленія, жаловалъ ближнихъ людей фряжскими винами, а стрѣлецкихъ полковниковъ и гостей водкою, а чрезъ три дня его ужъ не стало: онъ умеръ скоропостижно ⁽²⁾ 29 января 1696 года, въ-третьемъ часу по-полудни.

Послѣ обычной торжественной церемоніи, на другой же день тѣло Ивана Алексѣевича было отнесено въ соборъ Михаила Архангела; въ теченіе шести недѣль каждый день по десяти царедворцевъ охраняли гробницу. Ивана похоронили подлѣ царя Федора, позади перваго столба на лѣвой сторонѣ.

Въ скоромъ времени новый ударъ поразилъ Прасковью: потерявъ мужа, она лишилась и отца. Федоръ Самтыковъ скончался 2 февраля 1697 года.

II

ЖИЗНЬ ВЪ МОСКВѢ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Прасковья осталась съ тремя малютками, но печалей и заботъ ей не предстояло много. Петръ оказывалъ невѣсткѣ уваженіе, выполнялъ ея просьбы; для управленія хозяйствомъ и для удовлетворенія ея нуждъ отдалъ въ полное распоряженіе В. А. Юшкова и предоставилъ выбрать мѣсто жительства. Невѣстка, какъ владѣтельница села Измайлова, выбрала его своею резиденціею.

Эта старинная подмосковная вотчина дома Романовыхъ состояла изъ села, дворцовыхъ зданій съ двумя церквами и звѣринца съ садами, прудами и мельницами.

Царица-помѣщица занимала громаднѣй, по тому времени, дворецъ; онъ былъ на острову, окруженный прудами и рѣчкой Сереб-

(1) Желябужскій, с. 61.

(2) *Туманскій*, Рос. Магаз. III, с. 77—89 дворц. запiski. *Дневн. Гордона*. — *Желябужскій*, изд. 1840, с. 63—279, *Др. Р. Вцел.* ч. 11, стр. 228.

ровкою; въ длину дворецъ вытягивался на 122 саж., въ ширину на 84 саж., съ двухъ сторонъ готическія башни служили воротами на широкій дворъ; голландскіе часы съ курантами украшали одинъ изъ вѣздовъ. Покои были въ одно жильё, маленькіе, низменные, со сводами и съ толстыми рѣшетками въ окнахъ. Въ нихъ размѣщались сотни челядинцевъ, составлявшихъ дворъ и свиту царицы; тутъ же были кладовыя, поварни, медоварни и винныя погреба. На южной сторонѣ дворца надстроены были огромныя брусчатые хоромы съ теремами. Онѣ примыкали къ двухъэтажной дворцовой церкви, въ которой на хорахъ обыкновенно ставала царица и царицы.

У дворца, на холмѣ, подымался памятникъ благочестія царя Алексѣя, величественный каменный соборъ о пяти главахъ, крытый гонтомъ; съ высокими крыльцами и окнами съ слюдяными оконницами; у подошвы холма колокольня или вѣрнѣе башня съ подъѣздными воротами и тутъ же на Серебровскомъ пруду была каменная мельница Серебриха; башня славна была тѣмъ, что въ ея средней палатѣ нѣкогда съѣзжалась царская дума; здѣсь былъ судъ и расправа, и неподалеку, близъ стараго звѣринца, у съѣзжей избы стояла висѣлица; нечего и говорить, что при новой помѣщицѣ великій Петръ часто посѣщалъ Измайлово и висѣлица не была праздна...

Вся обстановка Измайлова была чисто царская, со всѣми возможными удобствами, даже роскошью. Кромѣ названнаго дворца, на берегу Серебровки были еще деревянныя хоромы; подлѣ нихъ разбиты были регулярный и виноградный сады; кромѣ того, въ звѣринцѣ были сады съ прудомъ, на которомъ водились царскія птицы — лебеди.

Сады были богаты всякаго рода растеніями: фруктовыми деревьями, цѣлебными травами и кореньями. На птичьемъ дворѣ, кромѣ лебедей, водились павлины, китайскіе гуси, англійскія куры, утки; на скотномъ дворѣ насчитывались сотни головъ домашняго скота. Въ старомъ дворцовомъ звѣринцѣ были олени, кабаны, лисобразы, ослы, лошаки и проч.

Было гдѣ погулять, побѣгать и поиграть подроставшимъ царевнамъ: всюду онѣ встрѣчали просторъ, раздолье, полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ. Маменька жила зажиточною помѣщицей: у нея подъ рукой было все, что нужно для самаго обширнаго хозяйства: всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штатъ прислуги были къ ихъ услугамъ. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угощала ихъ, и жизнь текла въ довольствѣ, сытно и тепло,

вполнѣ соотвѣтственно развитію и потребностямъ измайловскихъ обитательницъ.

За царевнами укаживало множество мамушекъ и нянекъ; онѣ гуляли съ ними въ тѣнистыхъ садахъ, посѣщали хозяйственныя заведенія, стеклянный заводъ, славный своимъ издѣліями; молились по церквамъ, забавлялись на прудахъ, которыхъ насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щукъ и стерлядей съ золотыми сережками и сзывали рыбъ на кормъ по колокольчику. Подрастая, онѣ привыкали въ теремахъ своихъ къ шитью и вышиванью шолкомъ и золотомъ, но рукодѣлье не далось имъ; покрайней мѣрѣ вѣтъ извѣстій, чтобъ какая-нибудь изъ трехъ сестеръ сдѣлалась искусницей въ этомъ дѣлѣ.

Церковный праздникъ и царскій день ознаменовывался стгономъ крестьянъ и крестьянокъ на широкой дворъ для собственнаго веселья и для забавы помѣщицы съ ея чадами: выставлялось пиво, вино, заводились хороводы, сбѣгались толпы мальчишекъ — и царевны разлавали имъ пряники, куски избойвы маковой, денежки и подушки (1)...

Свѣтлая сторона жизни матери-помѣщицы ярко рисуется передъ нами; но она не помѣшаетъ намъ перевернуть медаль — заглянуть и на черную сторону того же патріархальнаго быта, гдѣ самоуправство и жестокость кляли столь густыя тѣни и не на такія лица, какова была Прасковья.

Но эту сторону ея характера мы еще увидимъ, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы приравливаясь къ обстоятельствамъ. Являя приверженность къ старинѣ, она въ то же время умѣла угодить Петру. Она не входила въ сношенія съ нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонниковъ. Имѣя возможность часто навѣщать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась отъ этихъ свиданій и не входила ни въ какія козни (2).

Казни стрѣльцовъ и грозная опала, поразившая царскихъ сестеръ въ октябрѣ 1698 года, еще болѣе сдѣлали царицу осторожною въ отношеніи къ петровскимъ реформамъ; не отрѣшаясь вполнѣ отъ святой для нея старины, она въ тоже время дѣлала рядъ уступокъ требованіямъ новаго времени, и дѣлала это не по принужденію, а единственно изъ желанія сохранить расположеніе мо-

(1) Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ. М. 1837 г. — О хозяйственныхъ заведеніяхъ въ с. Измайловѣ, ст. А. Машовскаго въ Землед. Журналѣ. М. 1824, № II. — Также Русс. Старина, М. ч. 4.

(2) Устр. т. III, с. 156.

парха. Такъ, дѣло первой важности — воспитаніе дѣтей своихъ она поручила иноземцамъ: при дочеряхъ ея въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка и гувернера рано является заѣзжій нѣмецъ, Іоганъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго впоследствии кабинетъ-министра (¹) Но это близкое родство съ человѣкомъ замѣчательнымъ не отразилось на умѣ Іогана Христофора. Это былъ нѣмецъ бездарный, ни къ чему неспособный (²). Петръ не употребилъ его къ какому-либо важному дѣлу, и даже Андрей Остерманъ, при всемъ своемъ значеніи, не находилъ возможнымъ дать ходъ Іогану. «Старшій Остерманъ, такъ отзывались люди, близко его знавшіе, былъ величайшій глупецъ, что не мѣшало ему однако считать себя человѣкомъ съ большими способностями, вслѣдствіе чего онъ всегда говорилъ загадками. Жилъ онъ очень удивленно и не пользовался уваженіемъ (³).»

Но онъ былъ нѣмецъ, нѣмецъ молчаливый, важный, преисполненный сознаниемъ собственного достоинства; нѣмцы были въ ходу, нѣмцы были въ силѣ, нѣмцы считались воспитателями наследника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтобы вручить воспитаніе дочерей Іогану. На сколько въ немъ было педагогическихкихъ способностей, Прасковья не могла знать, а Петръ, не успѣвавшій приглядѣть за обученіемъ собственнаго сына, не имѣлъ времени полюбопытствовать о воспитаніи племянницъ. При нихъ былъ нѣмецъ: мать и дядя, а болѣе всего самъ наставникъ, были спокойны и довольны.

Но кромѣ нѣмца, для полного развитія дочерей необходимымъ былъ французъ, и царица позаботилась принавать въ 1703 году француза Стефана Рамбурха.

Рамбурху обѣщано 300 руб. въ годъ съ тѣмъ, что бы онъ всѣхъ трехъ царевенъ «танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго». За аккуратное вознагражденіе учителя поручился Остерманъ.

Новый наставникъ, какъ видно изъ собственноручныхъ его писемъ, зналъ французскій языкъ довольно плохо, но это не мѣшало ему обучать царевенъ втеченіе пяти лѣтъ, до 1708 года. «Зачало и

(¹) Генрихъ-Іоганъ-Фридрихъ Остерманъ былъ представленъ царицѣ своимъ братомъ педагогомъ. — Какъ тебя зовутъ? спросила Прасковья. — Генрихъ, отвѣчалъ нѣмецъ, сынъ Івана. — И такъ, продолжала Прасковья, ты долженъ называться Андреемъ Ивановичемъ.

(²) *Russische Günstlinge*. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 83—85.

(³) *Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même*. Paris, 1788.

основаніе французскаго языка» не привились царевнамъ: ни одна изъ нихъ не овладѣла языкомъ на столько, чтобъ писать, даже и объяснялись на немъ плохо. Что же касается до танцевъ, то къ нимъ онѣ оказались положительно неспособными, въ особенности царевна Прасковья, съ малолѣтства дѣвушка слабая и болѣзненная; живѣе и подвижнѣе была Катерина.

Кто былъ виноватъ въ неуспѣхахъ царевенъ — онѣ ли сами, попечительная ли мамаша, или учителя, — неизвѣстно; извѣстно только то, что учителямъ стараться было не изъ чего. Рамбурхъ втеченіе пяти лѣтъ ни разу не получилъ слѣдуемаго жалованья, не увидѣлъ его и потомъ послѣ «долголѣтнихъ докукъ царицѣ, царевнамъ и государю» (1).

Бѣдному французу было трудно что-нибудь получить отъ бережливой царицы; только одна ревность къ церкви и ея служителямъ вызывали Прасковью на подарки духовенству и церковные вклады. Такимъ образомъ спальникъ царицы, Юшковъ, лицо близкое, выбранное царевной Софьей, по порученію госпожи, развозилъ дары святителямъ Дмитрію Ростовскому (2), митрополитамъ, Иларіону Суздальскому, епископу Ростовскому Досифею и другимъ.

«Великой государынѣ, благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ, Прасковѣ Ѳеодоровнѣ, вашъ государскій богомолецъ, смиренный Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, всесвятаго Бога моля, челомъ бьетъ» (3).

«Во извѣстіе тебѣ, великая государыня, благовѣрная царица и великая княгиня, Параскева Ѳеодоровна, доношу, что октября 18 дня отъ вашей государской пресвѣтлости спальникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ въ Ростовѣ вашу государскую милость мнѣ возвѣстилъ, и жалованье: презрядныя водки въ четырехъ сосудахъ стеклянныхъ, именуемыхъ бутылкахъ, и капусту красную три кочана объявилъ и вручилъ. Азъ же, смиренный, такую вашу государскую къ себѣ милость и выше именованное жалованье пріяхъ, благодарственно и смиренно челомъ бую. И кушаю въ здравіе, про ваше государское здравіе. И за сіе ваше государское милостивое ко мнѣ, богомольцу вашему, жалованье долженствую азъ о вашемъ го-

(1) Его жалобы и челобитныя въ Госуд. Арх. при Мин. Ин. Дѣль. Каб. II, пол., к. 65, л. 726; к. 69, л. 118 и 119.

(2) Древн. Росс. Вивлюф., изданіе 2, т. XVII, с. 67. Въ запискахъ Дмитрія Ростовскаго между прочимъ отмѣчено: «20 января 1708 г. въ Ростовѣ была благовѣрная государыня, царица Прасковья Ѳеодоровна, а съ ней была Ирина Володиміровна Курбатова съ Имеретинскимъ царевичемъ» и проч.

(3) Годъ и число неизвѣстны. Др. Рос. Вивл. XVII. с. 69.

сударскомъ многолѣтномъ здравіи премилостиваго Господа Бога молити всегда.»

Вообще надо сказать, что царица обмѣнивалась письмами со многими представителями именитѣйшаго духовенства; но эти письма ограничивались увѣдомленіемъ о посылкѣ того или другого гостинца и просьбой благословенія и молитвъ. Иерархи за первое благодарили, благословляли — и обѣщали молиться... Впрочемъ попадаются и въ этой корреспонденціи письма довольно интересныя. Такъ напр. въ 1708 г. царица ходатайствовала у Дмитрія Ростовскаго за одного попа, пособника раскола. Вотъ что отвѣчалъ святитель 9 ноября того же года.

«Изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовать о отставномъ вдовомъ попѣ, Давидѣ, села Курбы, дѣлъ его не вѣдая, чтобъ ему прощенью быть и на своемъ мѣстѣ жить попрежнему. И я, богомолецъ вашъ, вашему царскому величеству о томъ попѣ творю извѣстно, что тотъ попъ, уже тому назадъ прошло годовъ два, какъ онъ отъ курбовской церкви отставленъ, а священства не отлученъ, аще и достоинъ былъ отлученія, и велѣно ему постричься, въ коемъ себѣ избереть монастырѣ, понеже грамота государская у насъ есть, чтобъ вдовыхъ поповъ постригать; и по той грамотѣ постричься ему велѣли. А на его мѣсто того жъ часа поставихомъ попа иного, иже и до нынѣ тамо священнодѣйствуетъ безъ порока. А вдовый попъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и раскольническое противленіе церкви нашей православной, и за хуленіе книгъ новоисправныхъ, и развращеніе людей простыхъ въ прелесть раскольническую, и за лживыя его чудеса, и хуленіе на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Тольской, о чемъ все подробно розыскивали. Былъ въ то время въ Ярославлѣ бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусня-Пушкинъ, и былъ при немъ тотъ розыскъ; самъ розыскивалъ, и обрѣлся того попа во всемъ вѣнность; и велѣлъ бояринъ не держать таковаго развратника, и святотатца, и хульника. Судивше убо, отставихомъ его отъ церкви; обаче милосердствуя о немъ, аще и мнѣ много было отъ него досады: предъ многими бо люди хуля мое смиренное имя, нарицалъ меня еретикомъ, и римляниномъ, и невѣрнымъ, и многими бравыми лаятельствомъ, обаче все то ему прощалъ Христа ради моего: *иже укаряемый противу неукаряше, и стражда не прещаше*. Взирая на незлобіе Спаса моего, тому попу простихъ и священство не запретихъ, и далъ ему волю избрати себѣ гдѣ мѣсто въ монастырѣ, въ коемъ либо постричься. А нынѣ, государыня, когда его пакы на прежнее мѣсто въ село Курбу пустить, то гдѣ сего, который нынѣ тамо служитъ попъ, опредѣлить? Какъ его отставить безвинно?

Однако утѣшити виноватаго, а неповиннаго плакать заставитъ праведно ли будетъ? А къ тому и гнѣва Божія на себѣ боюся, егда волка, въ одеждѣ овчей суца, пушу въ стадо Христово погубляти души людскія раскольническими ученьми. Еще же и государева гнѣва опасаяся, аще грамотѣ его, государевой, вдовыхъ поповъ постригать повелѣвающей, ослушень буду. Молю убо, ваше царское благородіе, не положите гнѣва на мя, богомольца своего, что не могу содѣлать вещи невозможной. Азъ же, грѣшнѣйшій, на того пона гнѣва не держу и не ищу его, и запрещенія ему отъ меня нѣтъ; а принужденія къ иночеству нѣтъ же, какъ онъ себѣ хочеть. Овца, не слушающая пастыря, волку корысть, а я чистъ отъ погибели его. Вашему же царскому величеству низко кланяются» (1).

Весьма вѣроятно, что царица ходатайствовала за этого человѣка подлѣ вліяніемъ нѣкоторыхъ покровителей раскола. Извѣстно, что двоюродный дѣдъ ея, бояринъ Салтыковъ, монахъ Сергій (ум. 1655 г.), былъ ярый расколоучитель и оставилъ учениковъ (2). Дворецкій и служитель этого боярина, Исаія, былъ поборникъ раскола, совращалъ многихъ, былъ любимецъ и полновластный распорядитель имѣній господина. По словамъ своихъ поклонниковъ, Исаія «за множество разума и за доброе ревности дворомъ всѣмъ не только былъ любимецъ и присный совѣтникъ господина, но и самому царскому величеству за благоразуміе познаваемъ бѣше...»

Не менѣе глубокое уваженіе питала Прасковья къ Юву митрополиту Новгородскому: «Всеблаженнѣйшій и всепреподобнѣйшій архимонастырь, писала къ нему царица, въ душѣ же свѣтелъ любезнѣйшій нашъ отецъ и сладчайшій учитель преосвященнѣйшій-киръ-Ювъ митрополитъ великаго Новаграда и Великихъ Лукъ. Желая отъ души моя да всемогущая и вседержавная трипостасная благодѣя Божія сохранитъ ваше преосвященство благополучно, мирно, здраво, душеспасительно и многолѣтно!

«При семъ возвѣствую вашему архипастырству, по обѣщанію моему, посланная къ вашей святынѣ съ Аарономъ епископомъ 100 руб. денегъ на строеніе пятибратскаго Созоневскаго монастыря благоволи принять во удобное строеніе того монастыря, по своему разсмотрѣнію, то наше подаваніе истощити и въ умедленіи сея при-

(1) Др. Рос. Вивл. 1791 г. XVII. Дневныя записки св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго, с. 66—68. М. 1791 г.

(2) Онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ заводчиковъ раскола. «Сиглиникъ царя Алексѣя (такъ повѣствуетъ исторіографъ раскола Денисовъ) Салтыковъ столько былъ смѣлъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищалъ двуперстный крестъ.»

сылки не позазри, понеже вѣстно вашему преосвященству, что уже не нынѣ и не столько, но сугубо обѣщала дати и умедлила, надежду имѣя на вице-губернатора Корсакова и обѣ отдала къ нему и писала, но онъ сего не учинилъ не вѣдаю для чего; и сугубое достальное то самое жъ желаю прислати или съ собою привезу, аще Богъ изволить и жива буду въ грядущее лѣто.

«Прошу вашего преосвященства, да не оставлена буду я и дщери мои въ вашихъ архипастырскихъ молитвахъ.

«Еще прошу, надѣясь на вашу архипастырско-духовную любовь, пожалуй батюшка, не прогнѣвайся на Аарона-епископа за укосненіе вѣзды его изъ Москвы; — истинно неоднократно мы его удерживали; но онъ еще и немало печаленъ былъ о разлученіи вашего архипастырства; но исполняя наше повелѣніе, не дерзнулъ чрезъ наше слово отѣхати. Паки просимъ, по своему благому состоянію, отпусти ему сей долгъ. Многогрѣшная припадая къ стопамъ твоимъ святыхъ и молитвахъ прошу. Царица Прасковья изъ Измайлова. 14 февр. 1714 г.» (1).

Одно ужъ это письмо показываетъ, въ какихъ близкихъ и дружественныхъ сношеніяхъ находилась Прасковья съ представителями именитаго духовенства.

Пересылалась она съ нимъ письмами, посылала подарки, ходатайствовала о епископахъ, повахъ да діаконвахъ, наконецъ вѣздила къ нимъ сама на поклонъ — молить о благословеніи да внимать ихъ вѣщему слову.

Между прочимъ царица зачастую посѣщала уважаемаго ею митрополита Иларіона Суздальскаго; вѣздила къ нему въ сопровожденіи малютокъ-дѣтокъ, съ дарами и поклономъ, въ Спасокукоцкую и Золотиловскую обители. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ царица долго бесѣдовала съ уважаемымъ старцемъ, обнаруживала безпокойство о будущей участи своихъ царевенъ и просила за нихъ молиться.

Въ отвѣтъ на это преосвященный, въ прозорливость и пророчества котораго вѣрила паства, вѣрила и Прасковья, предсказалъ царевнѣ Аннѣ высокую участь: власть и корону.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Прасковья, съ малолѣтства обыхшая видѣть среди своихъ родственниковъ фанатиковъ, зачастую прибѣгавшихъ къ чудесамъ и чародѣйству для распространенія своего ученія, невольно сохранила слѣпую вѣру въ предсказанія и во все чудесное. Въ низенькихъ покояхъ ея обширнаго дома, въ

(1) Свидѣтельствуемъ нашу признательность М. П. Погодину за сообщеніе этого документа.

толпѣ челядницевъ, особливо первое время, по словамъ Татищева, не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякіе уроды физическіе и нравственныя, но нѣкоторые изъ нихъ почитались чуть-чуть не за святыхъ; въ штатѣ благовѣрной государыни были гадальщицы и пророки. Въ послѣднемъ званіи состоялъ между прочими отставной подъячій Архипъ Тимофѣичъ: у него цѣловали руки, просили благословенія, ждали вѣщаго слова и каждому бессмысленному изреченію придавали какое-то таинственное, во всякомъ случаѣ священное значеніе (1). При посѣщеніяхъ Петра, мнимыхъ пророковъ убирали въ дальніе чуланы; но всѣхъ скрыть было нельзя, и они давали поводъ монарху къ частымъ насмѣшкамъ. «Дворъ моеї невѣстки, говаривалъ Петръ, госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ.»

Но царица умѣла ему угодить въ другомъ, была къ нему предупредительна, во многомъ дѣлала уступки, и Петръ снисходилъ къ ея предразсудкамъ.

Такъ напримѣръ царица частію изъ угожденія государю рѣшилась промѣнять свое привольное Измайлово (2) на неизвѣстный и едва ли любезный для нея Петербургъ. Она не могла не знать тѣхъ неудобствъ и лишеній, съ которыми неминуемо сопряжена была столь дальняя поѣздка по сквернѣйшей дорогѣ въ страну болотную, полудикую, бѣдную, въ конецъ опустошонную продолжительной войной; но толковая женщина не могла не видѣть, что городокъ, возникающій изъ этихъ болотъ, есть любимое созданье Петра, и она торопилась выполнить указъ, неоднократно повелѣвающій именитымъ москвичамъ переселяться на берега Невы (3).

24 августа 1706 года происходило погребеніе любимой тетки государя, царевны Татьяны Михайловны; между прочими членами царскаго семейства шла Прасковья съ старшей дочерью Катериной; вся процессія была «въ печальномъ, смирномъ платьѣ, со свѣщами» (4).

(1) Насъ увѣряли, — не знаемъ, на сколько это справедливо, — что въ одномъ аристократическомъ семействѣ въ Москвѣ сохраняется изъ рода въ родъ бора Тимофѣича, штатнаго пророка царицы Прасковьи.

(2) Кстати замѣтить, что Прасковья была очень встревожена 25 февраля 1700 года. «Часу въ третьемъ случился пожаръ, загорѣлись ея хоромы, — пожаръ съ нуждой удержанъ.» Письмо Э. А. Головина къ Петру I. Госуд. Арх. Собрание Петровскихъ рескриптовъ.

(3) 1708 года марта въ день, по указу государеву, была на постельномъ крыльцѣ сказка: велѣно ѣхать царедворцамъ по домамъ съ Москвы, а первой статѣ велѣно быть на Москвѣ. *Желбужскій*, с. 240.

(4) Чинъ погребенія цар. Татьяны Михайловны въ Др. Рос. Вивлюфикъ, изд. 1, ч. 4, стр. 352—367.

Послѣ печальной церемоніи, сборы въ дорогу усилились; но они не могли быть скоро конченными, такъ какъ все почти царское семейство разомъ подымалось на переселеніе. Только 22 марта 1708 года безконечныя вереницы колымагъ, повозокъ и подводъ съ царицами, царевнами, боярами и боярынями, съ громадной прислугой и обозами съ вещами, потянулись въ Петербургъ, по дорогѣ, едва проложенной.

При всѣхъ неудобствахъ дальней поѣздки, она не могла быть особенно скучна ни для царицы, ни для царевенъ; онѣ ѣхали въ большой компаніи; тутъ была царица Марѳа Матвѣевна, супруга царя Федора, сестры Петра: царевны Наталья, Марья и Федосья, князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и множество именитѣйшихъ сановниковъ.

Конецъ путешествія совершонъ былъ водою изъ угожденія царю, страстному любителю путешествій водою.

20 апрѣля, въ Шлиссельбургѣ, безконечная флотилія встрѣчена была державнымъ хозяиномъ. «Я приучаю мою семью къ водѣ, говорилъ Петръ Апраксину, чтобъ не боялись впредь моря, и чтобъ понравилось имъ положеніе Петербурга, окруженнаго водой. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на водѣ.»

Въ Шлиссельбургѣ государь пробылъ съ гостями пять дней, показывая имъ все достойное вниманія и заботясь объ устройствѣ торжественной встрѣчи. Флотилія съ царицами и царевнами, вновь встрѣченная государемъ, приплыла къ столицѣ 25 апрѣля 1708 г. Дорогія гости приглашены были въ губернаторскія старыя хоромы, бывшія при въѣздѣ въ городъ. Лишь только пріѣзжіе стали подыматься изъ буеровъ, въ городъ грянулъ залпъ, другой, третій, загремѣла пальба: то Петербургъ ликовалъ, принимая царственное семейство. Въ губернаторскомъ домѣ загорѣлся пиръ горой, веселились довольно, и только за-полночь разѣхались по домамъ пьяные гости и гостыи. Царица съ дочерьми осталась ночевать въ губернаторскомъ домѣ. Путешественницы, утомленныя и дорогой и пиромъ, крѣпко и долго спали. Въ десятомъ часу утра ихъ разбудилъ крикъ: пожаръ, пожаръ! Губернаторскій домъ, довольно ветхой и деревянной постройки, былъ охваченъ пламенемъ. Всѣ, бывшія въ домѣ, спаслись, но большая половина верхняго жилья сгорѣла со многими вещами и пожитками (1).

Государь успѣшилъ познакомить гостей съ своимъ обширнымъ хозяйствомъ; онъ водилъ и возилъ ихъ по городу, обращалъ вни-

(1) Юрналъ 1708 г. Достопамят. повѣствов. о Петрѣ I *Нартова* (Москвит. 1842 г. ч. VI, № 11.) Журн. Петра I, изд. 1770 г., ч. I-я, с. 150, 151, 154.

маніе на всѣ постройки, на новыя и проэктированныя улицы, площади, каналы. Отрекомендовавъ столицу, Петръ плавалъ съ гостями въ Кронштадтъ; наконецъ изъявилъ желаніе, чтобъ они проводили его въ Нарву, откуда онъ долженъ былъ ѣхать для военныхъ операцій въ Смоленскъ. Царская фамилія выѣхала 25 іюня; мовархъ знакомилъ ихъ съ мѣстностью (отраднago въ ней было мало), хвалился новосозданными крѣпостцами, Копорьемъ да Ямбургомъ; въ Нарвѣ отпраздновали пріѣзжіе день ангела государя. Молебны, пушечная пальба, пирь, огненныя потѣхи — все было, какъ слѣдуетъ. На другой день государь поѣхалъ далѣе, а царицы и царевны вернулись въ Петербургъ, въ то время не укрѣпленный еще за нами полтавскимъ боемъ.

Прасковья съ дочерьми отведенъ былъ домъ въ полную ея собственность, едва ли не ея же людьми выстроенный на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, вверхъ по Невѣ, близъ Петровскаго домика. На этомъ берегу жилъ государь; недалеко былъ деревянный домъ князя Меньшикова, съ виду похожій на церковь, мазанковые дома канцлера Г. И. Головкина, вице-канцлера Остермана, барона Шафирова и другихъ знатныхъ лицъ русскихъ и иноземцевъ (1).

Петербургъ представилъ новопріѣзжимъ непривлекательное, но любопытное и оригинальное зрѣлище. На обоихъ берегахъ красавицы Невы ежедневно выростали изъ болотъ деревянные, мазанковые, а мало-по-малу и каменные домики; вытягивались амбары, госпитали; разбивались лавочки, образовывались гостинныя дворики, возникла торговля. На одномъ изъ подобныхъ дворовъ, на мѣстѣ нынѣшней Троицкой площади, царица и ея дочери могли видѣть самыя разнохарактерныя и разноязычныя толпы народа. Предъ окнами ея дома текла роскошная Нева, покрытая тысячею струговъ изъ Ладоги, Новгорода и другихъ городовъ, съ товарами и съѣстными припасами.

Если быстро возникали домики да лавки, то частенько и исчезали они въ пожарахъ. Такъ напр. въ 1710 году Прасковья была свидѣтельницею сильнаго пожара, до гла уничтожившаго сосѣдній гостинный дворъ. Пожаръ не обошелся безъ грабежа, вслѣдствіе чего пепелище скоро украсилось четырьмя висѣлицами. На нихъ, по жребію, изъ 12-ти человекъ осужденныхъ вздернули четверыхъ.

Невеселое и недешевое житье было въ Петербургѣ, особливо первые годы по переселеніи. Городъ и его жалкія окрестности были

(1) Описаніе С. Петербурга въ 1710—1711 г. Спб. 1860 г. с. 15—17, 56—58.

опустошаемы пожарами, моровою язвою, наконецъ голодомъ, такъ-какъ за неустройствомъ путей сообщенія подвозъ провіанта былъ крайне затруднителенъ и цѣны на все стояли непомерныя. Волки забѣгали въ дома, скотъ падалъ, люди, опухшіе отъ голода и холода, мерли до такой степени, что въ городскихъ домахъ да въ окрестныхъ деревняхъ оставалось въ живыхъ не болѣе трехъ-четырехъ душъ....

Прасковѣ нелегко было содержать большую дворню трудно подвозимыми припасами; пожары да наводненія пугали ее немало, и нѣтъ сомнѣнія, воспоминаніе о дорогомъ Измайловѣ не разъ отравляло для нея петербургскія удовольствія. Тѣмъ не менѣе надо было покориться необходимости: царица находилась въ прямой зависимости отъ государя; ей дорога была его милость — и тѣмъ дороже, что надо было пристраивать подроставшихъ дочерей.

Судьбу своихъ царевенъ Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тотъ распоряжался племянницами сообразно съ планами своей политики. Желанія и нежеланія царевенъ не могли входить въ расчетъ ни матушки, ни дядюшки: первая выросла въ сознаніи необходимости невольнаго брака, а послѣдній хотя и освободилъ царевенъ отъ теремнаго заточенья, но на столько, чтобъ онѣ не выходили изъ-подъ его власти и предоставляли ему распоряжаться ихъ жизнью.

III

ЦАРЕВНА АННА ИВАНОВНА

Первый женихъ съискался для царевны Анны Ивановны въ лицѣ молодого герцога Курляндскаго Фридриха Вильгельма, племянника короля Прусскаго.

Объ этомъ бракѣ говорено было еще въ октябрѣ 1709 г. на свиданіи Петра съ королемъ Прусскимъ въ Маріенвердерѣ. Дѣло было тутъ же улажено, оставалось герцогу посвататься. Дорожа могучимъ сосѣдомъ, герцогъ не заставилъ себя долго ждать, и въ іюль 1710 г. его уполномоченные заключили супружескій договоръ. Послѣ ратификаціи договора герцогъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ столицу, куда и прибылъ въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметьева въ августѣ 1710 г.

Государь принялъ его съ необыкновеннымъ радушіемъ; царевна Анна, по убѣжденію матери, написала къ нему любезное письмецо на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ заявляла успѣхи своего обученья у

Остермана-старшаго; наконецъ Прасковья Федоровна угостила на славу дорогого гостя. Женхъ довольно близко сошолся съ членами царскаго семейства; вмѣстѣ съ ними принималъ онъ участіе во всѣхъ пирахъ, церемоніяхъ и празднествахъ. Въ сентябрѣ въ честь герцога произведены были всѣмъ флотомъ манѣвры. Государь развлекалъ Фридриха то фейерверками, то пальбой, то катаньями въ обществѣ дамъ, то гулянками въ средѣ драгихъ собутыльничковъ. Между ними герцогъ явилъ несомнѣнный талантъ — пить до невозможности; чуть не заливался онъ русскимъ пѣнникомъ, а 10 декабря 1710 г. едва не погибъ, но не отъ пѣнника, а отъ невской воды: въ ночь, при сильномъ морскомъ вѣтрѣ, поднялась страшная буря; вода выступила изъ береговъ, и между прочими строеніями едва не унесла тотъ домъ, гдѣ мирно почивалъ женихъ изъ Курляндіи (1).

Мы не имѣемъ вполне достовѣрныхъ данныхъ, по которымъ могли бы объяснить, почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну. Позволяемъ себѣ только догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ. Въ немъ не было ничего такого, что могло бы вызвать большую симпатію Прасковьи. Царевна Катерина была любимицею матери, снискала особенное расположеніе дядюшки, — и вотъ царица и царь рѣшились обождать для нея новаго и можетъ быть болѣе удачнаго жениха.

Впрочемъ и настоящая свадьба послужила достаточнымъ предлогомъ для нескончаемаго ряда празднествъ и денныхъ, и ночныхъ, и на землѣ, и на водѣ. По свидѣтельству современника, невѣроятное число пороха растрчено было при этомъ, такъ какъ каждый гость, — а имъ не было числа, — сопровождался 11-ю пушечными выстрѣлами.

Свадьба назначена была 31 октября 1710 г. За нѣсколько дней о ней оповѣстили съ большими церемоніями. Въ день свадьбы, въ девять часовъ утра, самъ государь, въ качествѣ оберъ-маршала, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ кавалеровъ, на шлюпкахъ отправился къ Прасковѣ. Впереди гремѣлъ хоръ нѣмецкихъ музыкантовъ, на средней баржѣ красовался царь — въ аломъ кафтанѣ, съ собольими отворотами, серебряной шпагой на серебряной португелѣ и орденомъ св. Андрея на голубой лентѣ. На головѣ вмѣсто шляпы былъ напудренный парикъ, а въ рукѣ большой маршальскій жезлъ, у ко-

(1) О наводненіи см. Юрналъ 1710 г.

того на пестрыхъ лентахъ висѣла кисть, украшенная золотомъ и серебромъ.

А между тѣмъ въ домѣ царицы все уже было готово: невѣсту окружали мать, сестры, царевны-тетки и знатнѣйшія русскія дамы, всѣ въ нарядномъ нѣмецкомъ платьѣ.

По прибытіи государя, послѣ обычныхъ церемоній, присутствовавшіе особой процессіей отправились къ шлюпкамъ, гдѣ и размѣстились по церемоніалу. Здѣсь дамы оставались, пока расторопный оберъ-маршалъ не привелъ къ шлюпкамъ жениха и его свиту. Всѣ усѣлись. Музыка гремѣла по прежнему, и флотилія изъ 50-ти разукрашенныхъ судовъ поплыла внизъ по рѣкѣ къ палатамъ князя Меншикова.

И плыла флотилія, и шли высадившіяся лица на берегу не иначе, какъ по особому установленному церемоніалу. Невѣста была въ бѣлой бархатной робѣ, съ золотыми городками и длинной мантией изъ краснаго бархата, подбитой горностаемъ; на головѣ красовалась богатая королевская корона. Герцогъ былъ въ бѣломъ, затканномъ золотомъ кафтанѣ.

При входѣ во дворъ дома рота Преображенцевъ отдала честь при звукахъ музыки. Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ архимандритомъ Осодосіемъ Яновскимъ въ полотняной походной церкви, поставленной въ хорамахъ Меншикова. Архимандритъ объяснилъ по-латыни жениху сущность обряда, но при совершеніи его нашолъ нужнымъ опустить нѣкоторыя церемоніи...

Послѣ вѣнчанія всѣ отправились обѣдать. Столы были накрыты въ двухъ великолѣпно-убранныхъ залахъ. Въ первой залѣ, гдѣ нынѣ церковь Перваго Кадетскаго Корпуса, за свадебнымъ столомъ сидѣли новобрачные подъ лавровыми вѣнками; напротивъ сидѣли сестры невѣсты, мать-царица, сестры царя и нѣсколько дамъ; остальные гости — а ихъ было не мало — размѣстились также по чинамъ да разрядамъ, и пиръ, искусно управляемый неутомимымъ оберъ-маршаломъ, пошелъ обычной чередой. Царь былъ очень веселъ; тостъ смѣнялся тостомъ, и каждый разъ за здравное питье было сигналомъ залпа изъ 41 пушки, размѣщенныхъ на плацу (плацъ 1-го Корпуса) и на яхтѣ Лизетъ, которая красовалась на Невѣ.

Обѣдъ смѣнялся танцами; открылся балъ во вкусъ того времени, съ трубками, пивомъ, водкой, штрафными кубками, которые, придавая развязность гостямъ, заставляли ихъ смѣлѣй да смѣлѣй выдѣлывать всѣ антраша нѣмецкихъ да французскихъ танцевъ.

Дамы и кавалеры были неутомимы; только въ третьемъ часу утра прекратился балъ. Новобрачные сѣли за столъ, уставленный

конфетами и винами; послѣ чего царица Прасковья отвела Анну въ спальню, куда вскорѣ самъ государь проводилъ молодого.

На другой день — другой пиръ. Передъ обѣдомъ государь сорвалъ вѣнокъ, висѣвшій надъ герцогомъ; послѣдній долженъ былъ сдѣлать тоже самое съ вѣнкомъ молодой, но никакъ не могъ сладить: руки ли отказывались ему служить послѣ тостовъ, или вѣнокъ въ самомъ дѣлѣ былъ крѣпко связанъ, — какъ бы то ни было, но герцогъ нашолъ нужнымъ разрѣзать его ножомъ...

При украшеніи столовъ Петръ явилъ обычный ему юморъ: такъ на главныхъ столахъ возвышались два громаднѣйшіе пирога, четвертей въ пять. Когда прочее кушанье было снято, великій Петръ вскрылъ пироги, и къ всеобщему восторгу и изумленію изъ нихъ выскочили двѣ разряженныя карлицы. Петръ отнесъ ихъ на свадебный столъ, и здѣсь, по его приказу, карлицы исполнили мнуетъ. Между тѣмъ тосты продолжались, пальба гремѣла чаще и чаще; затѣмъ начались танцы; а съ наступленіемъ вечера сожжонъ былъ на Невѣ фейерверкъ съ разными аллегорическими фигурами. Огненной потѣхой распорядился самъ Петръ, на этотъ разъ впрочемъ несовсѣмъ удачно: овъ едва не поплатился за неосторожное обращеніе съ огнемъ.

По домамъ разѣхались ранѣе вчерашняго, и герцогъ съ молодой опочили не въ палатахъ Меншикова, а въ своемъ домѣ.

2 ноября 1710 года пасторъ герцога благословилъ бракъ проповѣдью, а въ слѣдующее воскресенье молодой угостилъ пиромъ оберъ-маршала, маршаловъ, родню жены и всѣхъ именитыхъ лицъ (1).

Но этимъ не кончились пиры да забавы, вызванныя свадьбой царской племянницы. Великій Петръ хотѣлъ до сыта распотѣшить герцога Курляндскаго съ его свитой, да потѣшиться и самому съ приближенными.

Потѣха дѣйствительно была курьезна; она являетъ грубость и невѣжество тогдашнихъ нравовъ и довольно сбивчивое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ. Несчастный, обиженный природою нравственно и физически, вызываетъ невольное состраданіе, участіе и осторожное съ нимъ обращеніе, чтобы даже словомъ, либо

(1) Юрнaлы 1710 г. Подробности брачной церемоніи Анны Ивановны см. въ современномъ и правдивомъ описаніи С. п. бурга. Описаніе это, относящееся къ 1710—1711 году, напечатано въ Лейпцигѣ въ 1713 г. и нынѣ прекрасно издано въ переводѣ начальствомъ Публичной Библіотеки: Описаніе Спб. и Кроншлота въ 1710—1711 г. переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями. Спб. 1860 г.

взглядомъ не напомнить ему его уродства. Въ то же время, когда царилъ полный произволъ одной личности, всѣ остальные стирались предъ нимъ. Нравственные и физическіе уроды служили средствомъ къ забавамъ и развлеченіямъ : надъ ними острилъ великій Петръ, изъ нихъ сочинялъ для своей утѣхи зрѣлища невиданныя...

Такова была и новая его затѣя, публичная свадьба карлика Екима Волкова. На эту свадьбу свезли изъ Москвы и другихъ мѣстъ, за нѣсколько сотъ верстъ, 72 карлы и карлицы, отобрали ихъ отъ дворовъ и дворишковъ царицы Прасковьи, царевенъ, бояръ и боярынь, которыя вельдъ за высочайшимъ дворомъ имѣли обыкновеніе держать шутихъ, дураковъ, дуръ, карловъ и карлицъ.

14 ноября 1710 года, при всемъ царскомъ семействѣ и большомъ стеченіи публики, въ крѣпостной церкви совершено было бракосочетаніе карлы и карлицы. Всѣ мелкіе обряды, весь порядокъ процессіи до вѣнца, самое вѣнчаніе и послѣ него всѣ чины свадебныя были исполнены надлежащимъ образомъ.

Въ церкви женихъ на вопросъ священника : хочетъ ли онъ жениться на своей невѣстѣ? громко отвѣчалъ : «На ней и ни на какой другой». Невѣста на вопросъ : хочетъ ли она выйти за своего жениха и не общала ли уже руки другому? отвѣчала : «Вотъ была бы штука!» Ея «да» чуть можно было слышать, что возбудило всеобщій хохотъ. Великій монархъ, въ знакъ особенной милости, держалъ вѣнецъ надъ карлицой-невѣстой. Послѣ вѣнчанья, всѣ отправились на шлюбкахъ къ дому князя Меншикова, и въ той же залѣ (нынѣшняя церковь Перваго корпуса), съ тѣми же церемоніями, при той же обстановкѣ пировали маленькіе уродцы; герцогъ и герцогиня были въ числѣ именитыхъ зрителей.

Впрочемъ и зрители были не безъ дѣла : усѣвшись вокругъ столовъ, такъ разставленныхъ, чтобъ отовсюду видны были карлики и карлицы, гости ѣли, пили, шумно говорили и хохотали, съ любопытствомъ слѣдя за суетней уродцевъ. Ихъ угощала, какъ и на свадьбѣ племянницы, самъ государь.

Тосты провозглашались въ обычномъ порядкѣ и шутовское собраніе осушало громадные кубки до дна, не уступая въ этомъ самымъ великорослымъ людямъ.

Глядя на эту странную шутку, дѣйствительно нельзя было не найти въ ней, какъ находить это Крузе, историкъ Курляндіи, родъ сарказма на бракъ незначительнаго принца съ принцессой могучаго государя. Но проникнуть въ тайныя мысли Петра нѣтъ возможности, и мы, не имѣя ключа къ нимъ, должны остановиться на томъ, что преобразователь потѣшался просто изъ страсти къ потѣхамъ,

«искусство для искусства», не придавая шутовской свадьбѣ никакого серьезнаго значенія...

Послѣ обѣда карлики очень весело танцовали по-русски до одиннадцати часовъ ночи; карлицы были въ нѣмецкихъ платьяхъ и своими прыжками и кривляньями вдоволь натѣшили именитыхъ зрителей. Общій восторгъ овладѣлъ даже нѣмцемъ I. G., который и сохранилъ для насъ эти интересныя подробности; впадая въ какой-то лирической пафосъ, заѣзжій нѣмецъ восклицаетъ: «Трудно представить себѣ, какіе тутъ были прыжки, кривлянья и гримасы! Всѣ гости, въ особенности же царь, были въ восторгѣ, не могли навеститься, и смотря на коверканье и ужимки 72 уродцевъ, хохотали до упада». Въ самомъ дѣлѣ, сколько было тутъ забавнаго, въ высшей степени комичнаго?!.. «У иного были коротенькія ножки и высокій горбъ, у другого — большое брюхо, у третьяго — ноги кривыя и вывернутыя, какъ у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой ротъ и длинныя уши, или маленькіе глазки и расплывшееся отъ жира лицо!..» и т. д. Боже мой, сколько смѣшнаго!

Постель новобрачныхъ была устроена въ опочивальнѣ его царскаго величества. Великій государь кажется до конца хотѣлъ прослѣдить всѣ явленія интереснаго зрѣлища...

Какъ ни интересно оно было для любознательнаго монарха, считавшаго себя знатокомъ въ изученіи человѣческаго естества, но результатъ первой ночи молодыхъ былъ довольно плачевный (по крайней мѣрѣ для нихъ): молодая умерла осенью 1711 года въ страшнѣйшихъ мученіяхъ отъ родовъ, а мужъ впалъ въ распутство и умеръ позже своей невольной супруги.

Столь же несчастливъ былъ и другой бракъ, бракъ не карловъ по росту, а карловъ по значенію: брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась съ небольшимъ два мѣсяца. Въ январѣ 1711 года она отправилась съ мужемъ въ Митаву, но 9 числа, почти тотчасъ за воротами Петербурга, на мызѣ Кипень, молодой герцогъ скончался. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ умеръ отъ непомернаго потребленія крѣпкихъ напитковъ, которыми такъ заботливо угощалъ его самъ Петръ и всѣ петербургскіе сановники.

Смерть мужа, по изволенію Петра, не должна была переменить мѣсто жительства Анны. Волею-неволею, но для политическихъ видовъ дяди, племянница должна была поселиться въ Митавѣ и окружить себя нѣмцами: не напрасно же она учплась у Дитриха Остермана. Впрочемъ Митава предназначалась не для одной Анны; изъ письма Петра сенату отъ 16 апрѣля 1712 года видно, что онъ думалъ водворить тамъ все семейство покойнаго брата.

«Понеже невѣстка наша, писалъ Петръ, царица Прасковья Федоровна съ дѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отселъ въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, немѣшкавъ...»

Царица Прасковья съ семьей довольно долго гостила въ Ригѣ; пріѣзжала къ ней и гостила по нѣскольکو времени царица Анна. Въ 1714 году мы ее видимъ гостьей въ селѣ Измайловѣ, куда часто наѣзжала ея маменька изъ немлага Петербурга. Но этотъ пріѣздъ былъ несчастливъ для царицы; она долго и сильно хворала, такъ что задерживала возвратъ царицы въ Петербургъ. Страшась, дабы не прогнѣвались государь съ государыней за невольную просрочку, Прасковья спѣшила попросить кабинетъ-секретаря Макарова замолвить за нее слово: «Алексѣй Васильевичъ, писала мать Анны, здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй донеси невѣстущкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества; во истинно, за великими моими печалами. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царица Анна. Прежде немогла 13 недѣль каменною болѣзнью, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнью горячкою, — а ежели имъ угодно скоро быть и я, хотя больную повезу; и ты пожалуй, отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть; чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвать. Да еще прошу, пожалуй моему человѣку Андрею Семенову денегъ на что понадобится къ моему дѣлу; при семъ остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года (1).»

Судьба Анны и въ разлукѣ постоянно озабочивала мать. Старушкѣ многое не нравилось при дворѣ царицы; во многомъ желалось перемѣны, и она смѣло обращалась къ царю съ различными просьбами. Вотъ одна изъ нихъ неизвѣстнаго года и мѣста подачи, но прямо относящаяся до дѣлъ царицы Анны:

«1. Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу, никакого денежнаго вспоможенія на пути моеѣ царицы учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу къ тому сенату.

2. Изъ моеѣ определенной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царицу отпуская, всячески ее снабждала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

3. Соизволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царицѣ моеѣ, определено; а чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновенію кня-

(1) Каб. дѣл. II пол. кн. XXI, л. 1037.

жескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленіи: изъ вашей-ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

4. Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ миѣ и моеѣ царевнѣ впредь изъ какого недознанія, какой неугодности вамъ не учинить; что ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по примѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновно дворство содержать, или просто?

5. Чтобъ миѣ дозволено было самой проводить царевну мою до мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и видѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпастъ и управить.

6. Каретъ и лошадей мы беремъ на должовныхъ людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевнѣ моей, безъ особой дачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

7. Повелите-ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему старому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по пристойности дѣла.

8. Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, перемѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который тамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить; а быть на его мѣсто впредь иному, кому вы соизволите.

На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отвѣди къ себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать будемъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня посланъ (1).»

Гофмейстръ, возбудившій неудовольствіе царицы, *несносный* для нея, былъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ. Государь самъ назначилъ Бестужева къ курляндскому двору, какъ чловѣка расторопнаго и весьма дѣятельнаго исполнителя его распоряженій. Герцогиня, столь рано потерявши мужа, оказывала къ Бестужеву самое теплое расположеніе. «Не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи, пишетъ Щербатовъ, ибо подлинно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ ...» (2) Но если Щербатовъ, вообще свисходительный къ Аннѣ Ивановнѣ, не рѣшался оправдывать ея связи, то эта связь дѣлалась преступленіемъ въ глазахъ матери. Пра-

(1) Госуд. Арх. Каб. дѣл. II полов. кн. 92, л. 428—429.

(2) О поврежденіи нравовъ, стр. 47.

сковью прежде всего поражала въ этомъ дѣлѣ своеволие дочерняго выбора, и она преслѣдовала ее упреками, а вѣщическаго свояка постоянными просьбами удалить Бестужева.

Просьбы эти большею частью шли чрезъ руки Катерины Алексѣевны. На счетъ ея въ народѣ и промежъ солдатовъ ходили разные толки. «Не подобаетъ какъ монаху, такъ и ей, говорили нѣкоторые, — на царствѣ быть: она неприродная и нерусская, и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ и отдана была подъ караулъ, а караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ; она съ княземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвела» и проч. (1) Не одинъ народъ, первое время многіе бояре и боярыни, наконецъ сестры государя съ недоброжелательствомъ смотрѣли на возвышеніе безвѣстной вѣмки: но наша старушка въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ держала себя весьма осторожно: судить да рязать о фавориткѣ не бралась и рано догадалась, какъ надо себя держать. Какъ сама, такъ и чрезъ дочерей своихъ царица рано начала заявлять полное уваженіе къ Катеринѣ: поздравляла ее съ торжественными днями и событіями, молила о милостивомъ словѣ, искала милостиваго расположенія. Подобное обращеніе, особенно въ первое время по возвышеніи Катерины, не могло не нравиться послѣдней, и она постоянно благоволила къ умной царицѣ. Это благоволеніе выражается во многихъ письмахъ къ Прасковѣ, писанныхъ отъ лица неумѣвшей писать Катерины. Вотъ напрямѣръ отвѣтное отъ ея имени письмо на извѣстную уже намъ просьбу:

«Государыня моя, невѣстухка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

Письма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Гевлева исправно дошли, на которыя доношу. Объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу; и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ конечно снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда ненадобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ со-

(1) Доношеніе дьячка Федорова на отставнаго капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина. Чтеніе въ общ. исторіи. М. 1860, к. II. Смѣсь, с. 21.

держатъ, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виндавѣ и Митавѣ всякіе денежные поборы для того нарочно велѣно собирать. Что же в. в. упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житія, что я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить, а къ тому же я надѣюсь, что, при помощи Божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха съищеть, и тогда уже меньше в. в. будетъ печали. Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже онъй не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла стануть, и то его величеству зѣло будетъ противно. И зѣло я тому удивляюсь, что в. в. такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приносить, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете (?) Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу (Матвѣеву) или Львову, и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о нажахъ, чтобъ взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи. О деревнѣ въ Рижскомъ уѣздѣ для тамошняго бытія вашего величества со временемъ у его царскаго величества просить я буду, и о томъ не оставляю вашему величеству доносить впредь, ибо еще время на то будетъ; однакожъ и нынѣ писала я отъ себя къ губернатору рижскому, чтобъ вашему величеству въ раціонахъ на вашу конюшню чинить всякое вспоможеніе. О прочемъ довольно писали мы съ Авдотьей Восейковой, также и словесно приказывали съ Васильемъ Федоровичемъ (Салтыковымъ).» (1)

Царидѣ непремѣнно хотѣлось окружить Анну лицами, выбранными ею самой, болѣе или менѣе близкими, въ родѣ А. А. Матвѣева или Львова; но устроить паденіе Бестужева было дѣломъ невозможнымъ: государь привыкъ къ его расторопности и управлялъ черезъ него всѣми дѣлами Курляндіи. Царевна Анна была герцо-

1) Госуд. Арх. Каб. I пол. кн. 64, л. 736—737.

гивней только по имени, а отнюдь не по власти; самыя мелкія потребности не только герцогства, но и владѣтельница его удовлетворялись не иначе, какъ съ разрѣшенія государя: такъ напримѣръ доставка Аннѣ нѣкоторыхъ припасовъ, содержаніе ея двора, содержаніе войска, устройство ея дома, оранжерей, даже часть туалетная, мелкіе долги и проч., — обо всемъ этомъ Бестужевъ долженъ былъ относиться къ Петру и ждать его повелѣній (1).

Поселеніе царицы въ Митавѣ при дочери не состоялось. Надо думать, что содержаніе такой большой семьи, какова была у Пракскови, съ ея дворомъ, показалось бы очень обременительнымъ для курляндскихъ чиновъ, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — сама Пракскови не пожелала перебираться на житье въ нѣмечину, притомъ къ дочери, которую она, какъ оказывается изъ нѣкоторыхъ фактовъ, любила менѣе другихъ. Тѣмъ не менѣе нелюбимая дочь, съ позволенія дяди, довольно часто навѣщала мать. Такимъ образомъ 1714—1715 г., герцогиня Курляндская гостила у матери, и только въ мартѣ 1716 г. должна была, по приказанію государя, вернуться въ свою резиденцію. Въ это время Петръ, въ бытность свою въ Курляндіи, устроилъ ея дѣла, заставилъ курляндскихъ оберъ-ратовъ утвердить за герцогиней назначенныя ей деревни и *жельмъ*, чтобъ она поскорѣй къ нимъ пріѣхала (2). Не устранивъ нужнаго ему Бестужева, государь сдѣлалъ однако уступку своей невѣсткѣ, назначивъ къ Аннѣ гофмейстериною — госпожу Матвѣеву (3).

(1) Голиковъ, т. VI, с. 339; т. VII, с. 196. До какой степени государь принималъ на себя трудъ управлять дѣлами и хозяйствомъ племянницы, можно видѣть изъ того, что съ его утвержденія отравлялась даже водка по особенной росписи. Вотъ напр. одна изъ нихъ: «Роспись, какихъ водокъ надлежитъ ко двору ея высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Ивановны: Ангеликовой одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина 5 ведеръ. Изъ Гдатскихъ водокъ: цитронной, померанцовой, персиковой, коричневой — по 1-му ведру.» Водку приказано было отпускать по кабачной цѣнѣ. Госуд. Арх. Каб. II полов. л. 435.

(2) Впрочемъ русская партія въ Курляндіи была довольно значительная, крайней-мѣрѣ были курляндцы, которые считали долгомъ, во время отлучекъ герцогини то въ Лифляндію, то въ Петербургъ, заявлять официальную свою скорбь. Тогда они получали столь же официальное утѣшеніе: «Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества сентября отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузїи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны извѣстенъ, и указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣеть возвратиться паки въ Курляндію и жить тамъ, и что отъѣздъ ея случился только на время, пока польскій чрезъ Курляндію пройдетъ, и болѣе въ Ригѣ не будетъ мѣшкать, какъ окончится въ Польшѣ сеймъ.» Госуд. Арх. Каб. I пол. кн. 64, л. 162.

(3) Письмо Петра отъ 22 марта 1716 г.

Великій государь распорядился иногда очень круто относительно своей племянницы: въ 1718 году, она вновь гостила въ Петербургъ; Петръ нашолъ нужнымъ ея пребываніе въ Митавѣ, и письмомъ изъ Москвы отъ 26 февраля 1718 г., повелѣлъ Меншикову *немедленно отъправитъ Анну* въ Курляндію.

Гораздо мягче распорядился онъ чрезъ жену относительно Прасковьи. Царица, живя первое время по вдовствѣ Анны въ Ригѣ, скучала, желала вернуться въ родимое Измайлово и просила на то разрѣшенія. Просьба пошла на имя Катерины Алексѣевны, и отъ имени послѣдней, не безъ вѣдома царя, присланъ былъ довольно деликатный отказъ. Для вдовъ государя нужно еще было пребываніе Прасковьи въ Ригѣ, и вотъ секретарь его жены пишетъ:

«Милостивая государыня, моя невѣстушка, Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ дѣтками своими, моими дорогими племянницами, царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Прасковьею Ивановною.

«Письмо вашего величества я получила, за которое благодарствую и доношу, что по тому письму о отбытіи вашемъ изъ Риги я просила, на что получила отвѣтъ, что то исполнится. — Однакоже нынѣ еще нѣкоторое время извольте тамъ побывать, и хотя я вѣрю, что тамошнее житіе вашему величеству есть не безекучно, паче же убыточно, однако уже малое время тамъ извольте пожить, и прошу ваше величество, чтобъ не имѣли въ томъ прискорбности. Также извѣстилась я, что ваше величество имѣете нужду въ деньгахъ, того для доношу: извольте ваше величество на тамошніе свои домовныя расходы деньги брать у Бестужева, коликоѣ число потребно.

«Письма твои ровно три до меня дошли, за которыя вамъ благодарствую, и объявляю вамъ, что хотя я довольно о томъ просила, о чемъ вы ко мнѣ писали, но не могла на то рѣшенія получить; однако не извольте о томъ быть печальны, но нѣкоторое время обождите, ибо нынѣшнее время до того не допуститъ, а послѣ, когда Богъ дастъ добрый случай, потщуся то вамъ исполнить» (1).

Заботливый монархъ, повелѣвая невѣсткѣ быть тамъ, гдѣ онъ находилъ нужнымъ, не находилъ нужнымъ спрашивать ея касательно предположеній о новомъ бракѣ Анны. Бракъ этотъ входилъ въ политическіе планы государя на счетъ ближайшаго подчиненія Курляндіи Россіи, а въ эти планы (2) не могла да и не дерзала вмѣшиваться старушка. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, планы

(1) Госуд. Арх. Каб. I полов. кн. 64, л. 131.

(2) Разборъ ихъ, какъ не имѣющій отношенія къ настоящей статьѣ, мы опускаемъ.

разстроивались; разстроивались и предположенія и даже «концепты» новаго супружества. Такъ не исполнились переговоры о бракѣ Анны съ Иоанномъ Адольфомъ, герцогомъ Саксенвейсенфельскимъ ⁽¹⁾, а вслѣдъ за тѣмъ не состоялся договоръ и двѣ ратификаціи о супружествѣ племянника короля Прусскаго, Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбургъ-Шведскаго.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ царевна Анна, любя обязательнаго Бестужева, сама бы не желала законнаго брака. Напротивъ, въ письмахъ своихъ то къ Катеринѣ, то къ Петру, она не разъ заявляла желаніе отдать руку тому, кого благоволитъ назначить дляшка. Причина такой покорности для насъ дѣлается совершенно понятною, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ жизни царевны. Эта жизнь мало представляла для нея отраднаго. Съ одной стороны полнѣйшая зависимость отъ суроваго дяди, невозможность куда-нибудь выѣхать и что-либо сдѣлать безъ его разрѣшенія; съ другой — недостаточность содержанія, — его не хватало при ея неумѣньи вести хозяйство; наконецъ безпрестанная воркотня, упреки да брань матушки, какъ въ письмахъ, при разлукѣ, такъ въ устныхъ бесѣдахъ, при свиданіяхъ, — все это преслѣдовало, все тяготило, все отравляло жизнь царевны Анны.

Въ ея митавскомъ дворцѣ, среди нѣмецкаго и довольно безобразнаго двора, зачастую являлся то надсмотрщикъ царскій, то прѣзжала свойственница, другъ, либо родственникъ царицы Прасковьи; шпионъ слѣдилъ за жизнью герцогини и нерѣдко хулилъ ее потомъ при дворѣ ворчливой старухи.

Нѣкоторыя изъ этихъ надсмотрщиковъ и хулителей весьма интересны, и мы считаемъ не лишнимъ познакомиться съ главнѣйшимъ изъ нихъ.

IV

НѢЖНЫЙ БРАТЕЦЪ

«Жену свою до смерти я убить не хотѣлъ, а билъ ее своеручно не мучительски за вины ея, за что надлежало.»

В. О. Салтыковъ.

(Письмо 1720 г. въ Юстицъ-Коллегію)

Василій Федоровичъ Салтыковъ, братъ царицы Прасковьи, былъ однимъ изъ именитѣйшихъ бояръ стараго покроя. Въ 1690 году

⁽¹⁾ Смотр. объ этомъ договорѣ въ письмѣ Петра къ П. М. Бестужеву, 1717 г. Голицовъ, VI, с. 271—273; VII, с. 353.

государь сдѣлалъ его кравчимъ при дворѣ невѣстки (1); Прасковья вполне довѣряла брату и уважала его, часто гостила у него въ Москвѣ и совѣтовалась съ нимъ о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Схоронивъ первую жену, княжну Аграфену Петровну Прозоровскую, въ 1707 г., кравчій женился на княжнѣ Александрѣ Григорьевнѣ Долгоруковой, единственной дочери младшаго брата знаменитаго князя Якова.

Новый бракъ, удовлетворявшій аристократическимъ стремленіямъ Салтыкова, былъ однако несчастливъ. Отношенія мужа къ женѣ вполне рисуютъ передъ нами характеръ нѣжнаго брата Прасковьи. Въ 1718—1719 годахъ мы видимъ брачную чету въ Мятавѣ. Зачѣмъ были они здѣсь — неизвѣстно; извѣстно только изъ жалобы герцогини, что любезный дядюшка велъ себя относительно ея крайне непочтительно, даже дерзко; колкими замѣчаніями да грубымъ вмѣшательствомъ во все, перѣдко до него не касающагося, дядюшка глубоко оскорблялъ племянницу, не стѣняясь тѣмъ, было ли то въ семейномъ кружкѣ, либо въ публикѣ, такъ что Анна частенько проливала горькія слезы... Салтыковъ частію по порученію сестры, частію изъ личныхъ расчетовъ, всячески преслѣдовалъ оберъ-гофмейстера Бестужева, требовалъ у Анны просьбы объ его удаленіи, а между тѣмъ самъ своею семейною жизнью являлъ соблазнъ «на всю Курляндію и Польшу».

Не влюбивъ жену, онъ преслѣдовалъ ее попреками, бранью, побоями; когда Александрѣ Григорьевнѣ жаловалась царевнѣ, либо рѣшалась письменно просить защиты у государыни, Василій Федоровичъ снова давалъ разгулъ своему гнѣву и билъ княжну не на животъ, а на смерть. Не желая раздѣлять съ ней брачнаго ложа, братецъ царицы завелъ связь съ служанкою, держалъ ее въ «фаворѣ» публично, слушалъ наговоры людей своихъ на жену и позволялъ имъ относиться къ ней съ неуваженіемъ. Загнанная, забитая, Александра Григорьевна, если вѣрить ея отцу (2), зачастую мучилась голодомъ, и зачастую падала безъ чувствъ отъ кулачныхъ поученій супруга.

Жена подоѣдала своеобразному мужу ревностью, слезливостью и

(1) И В. Долгоруковъ, Росс. Род. Книга, ч. II, с. 72—73. Голицковъ XIII, с. 206. Байтышъ-Канецкій въ Словарѣ достопамятныхъ людей 1836 г. ч. V, с. 4—6, и Долгоруковъ въ сказаніяхъ о своемъ родѣ 1840 г. с. 87, смѣшали кравчаго Василья Федоровича съ другимъ Васильемъ Федоровичемъ Салтыковымъ. Первый умеръ графомъ, дѣйств. тайн. сов. и орд. св. Андрея кавалеромъ въ 1730 году 5 октября, а послѣдній, племянникъ кравчаго, умеръ въ 1755 году генер.-аншефомъ и св. Андрея кавалеромъ.

(2) Госуд. Арх. Каб. от. II кн. 44, л. 133; кн. XLVI л. 89—92; LIII л. 244—246; Письма Ан. Ив. 1719, л. 1—2.

постоянными жалобами; сильное желаніе какимъ бы то ни было образомъ развязаться съ ней привело однажды супруга къ столь жаркому объясненію, что Александра Григорьевна, покрытая снѣжками и ранами, замертво упала на землю. Супругу было нѣкогда возиться съ ней: онъ торопился въ Петербургъ, по призыву Прасковьи, къ ней подъ крыльшко. Василій Оедоровичъ бросилъ жену и ускакалъ изъ Митавы, пылая гнѣвомъ и противъ жены и противъ ея заступницы, Анны Ивановны.

Дѣйствительно племянница взяла подъ свой покровъ забитую тетку; перевела ее въ свои хоромы и поручила придворному доктору осмотрѣть тетенькины раны.

Леченіе пошло успѣшно; княжна стала оправляться, — какъ вдругъ нѣжный братецъ Прасковьи прислалъ женѣ строгій приказъ — немедленно ѣхать въ Петербургъ. Какъ ни боялась Александра Григорьевна бѣшенаго мужа, но, ободряемая племянницею, она рѣшилась скрыться въ Варшаву, къ отцу, дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру, бывшему тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Затаивъ намѣреніе отъ многочисленной дворни, княжна со слезами простилась съ царевной, шепнула ей, что непременно поѣдетъ въ Варшаву, и въ сопровожденіи челяди отправилась въ путь.

Князь Григорій Оедоровичъ Долгоруковъ зналъ и скорбѣлъ о страдальческой жизни дочерп; предувѣдомленный ею, онъ выслалъ на встрѣчу ей князя *Шейдякова* (1). Посланный встрѣтилъ страдальцу въ жидовской корчмѣ, близъ Митавы, на Двинѣ. Онъ немедленно распорядился, чтобъ обозъ съ вещами и дворнею поѣхалъ далѣе въ Ригу, а барыню съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, заранѣе приготовленную, сѣлъ въ нее самъ и велѣлъ ѣхать назадъ. То былъ обманъ. Отъѣхавъ нѣсколько, Александра Григорьевна, все еще страшась тирана-мужа, написала къ нему письмецо. Запуганная и забитая, она и тутъ не смѣла заявить свою самостоятельность, и причину своего побѣга сваливала на отца. «При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, писала она между прочимъ, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть — я готова. Не надѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла.» Вручивъ Марьѣ Волковой, одной изъ своихъ служанокъ, письмо къ мужу, Александра Григорьевна приказала ей ѣхать въ Петербургъ, а

(1) Госуд. Арх. Каб. II пол. кн. LVI л. 195—200.

сама безпрепятственно продолжала путь въ Варшаву, куда и прибыла еле-еле живая отъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Видъ дочери жестоко огорчилъ старика-отца. Шылая местию за оскорбленіе чести дочери, за оскорбленіе въ лицѣ ея всей именитой фамиліи, маститый старецъ, министръ и воишь, искалъ правды и суда у великаго государя.

«Высокодержавный царь и всемилостивѣйшій государь, писалъ Григорій Федоровичъ, ваше величество, милосердуя о народъ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азійскихъ обычаевъ вывести и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того ради изволили высокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво воспретить, чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходилъ за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мою, своею волею женился и оную немалое время имѣлъ, какъ и прочіе мужья, въ своей любви, и потомъ ни за что, токмо по наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, такожь для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, соорили. Для чего какою немилостию обратился, и въ такой немилости и въ ругавіи отъ людей своихъ оную содержалъ, и безвинно билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное мученіе и гоненіе терпѣла, чего и описать невозможно, что не токмо женѣ, ни послѣдней подданной сиротѣ снести было не мочно; однако оная, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила, такъ что не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить до смерти, и такъ мучительно билъ, что замертвую кинулъ, и притомъ токмо напаятовалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житѣ доносила всемилостивѣйшей государыни, царциѣ Екатерициѣ Алексѣевнѣ, и для чего отъ него прочь нейдетъ. А потомъ, что было ее — все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарскими поступками не токмо Курляндію и Польшу безчестно наслушилъ, и въ Петербургъ отѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что еще жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы большую къ себѣ везть, что уже была и повезена. — И видя оная послѣднее свое житѣ, приуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упавая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василія Салтыкова, не быть въ поругавіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дочь не была отдапа ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возвратить, но и изъ

его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастье, радость, здравіе, но и честь навѣки отнялъ. Вашего величества низжайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ» (1).

Нельзя не замѣтить, что челобитная написана искусно: въ ней видна рука опытнаго старца-дипломата; особенно мастерски написано вступленіе, въ которомъ министръ ловко льститъ одной изъ слабѣйшихъ струнъ Петра, его страсти къ преобразованіямъ.

Старый придворный, пославъ челобитную къ своему повелителю, въ тоже время свѣшилъ побить челомъ и государынѣ: Екатерина обыкновенно была посредницею въ семейныхъ распряхъ тогдашней аристократіи. Отецъ просилъ у нея дозволенія оставить при себѣ дочь; — монархиня, не безъ вѣдома мужа, соизволила разрѣшить, и князь разсыпался въ благодарностяхъ.

«15 сентября 1719 года. Варшава. Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексѣевна! писалъ Долгоруковъ. — Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С. Петербурга высоко-милостивое писаніе отъ 10 июля, я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите, и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость навѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторительно смѣ мопмъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которую милостію не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому жъ успѣшно принуждаетъ меня натуральная отеческая не-терпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тиранскія раны и увѣчые несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстный мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людемъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ...» Далѣе сапожникъ, все болѣе и болѣе раздражаясь при воспоминаніи объ обидахъ дочери, повторяетъ извѣстныя намъ подробности о поведеніи Салтыкова, о заботахъ царевны, наконецъ о бѣгствѣ дочери въ Варшаву... «Упадая подъ ноги вашего величества, заключалъ князь челобитье, слезно прошу сотворить со мною высокую свою ми-

(1) Гос. Арх. Каб. II пол. XLIV, л. 133.

лость, дабы несчастливую дочь мою на прежнее мученіе и убѣство и мнѣ на поруганіе и безчестіе къ безсовѣстному мужу ея не отдавать. А что оная принесла за собою въ приданое, не токмо то ея сущее возвратить, но и изъ его недвижимаго, за ея напрасное мученіе и терпѣніе, для оной пропитанія милостиво приказать награждать, чтобъ оная въ вѣчныхъ своихъ слезахъ голодомъ не умерла, понеже мужъ ея не токмо оную всю ограбилъ, и счастье, радость, здоровье, но и честь отъ оной безвинно навѣки отнялъ и сдѣлалъ не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты. О чемъ я рабски чрезъ свою нижайшую суплику и у его царскаго величества слезно милости просилъ. Въ чемъ на высокую вашего величества милость, какъ на Бога, надежду имѣю, что по своему ко всѣмъ сирымъ милосердію, бѣдственную дочь мою въ высокой своей милости, для сего рабскаго слезнаго прошенія оставить не позволите. Вашего величества вѣжайшій рабъ, князь Григорій Долгорукій» (1).

Между тѣмъ нѣжный братецъ успѣлъ уже «намутить» предъ Прасковьей на счетъ царевны Анны, ея домашняго быта, двора и ненавистнаго ему и царицѣ П. Бестужева. Прасковья стала гнѣваться на дочь, не отвѣчала на ея письма, либо отвѣчала упреками, писала сухо... Анна Ивaповна огорчалась гнѣвомъ матери; кромѣ того ее смущала мысль: можетъ быть гнѣвается по наговорамъ и державный дялюшка съ государыней. Она трепетала за себя, трепетала еще больше за то, что у нея, чего добраго, отнимутъ наконецъ гофмаршала. Въ минуты тяжкаго раздумья царевна была неожиданно обрадована письмомъ отъ государыни (т. е. отъ ея секретаря). Катерина Алексѣевна спрашивала царевну о житьѣ-бытьѣ, предлагала свое пособіе, наконецъ просила сообщить подробности о поведеніи Салтыкова въ Митавѣ. Какъ велика была радость Анны Ивановны, можно заключить изъ ея длиннаго посланія. Оно выведено собственноручными каракульками на большемъ листу сѣрой бумаги порыжѣлыми чернилами.

«Митава, 4 іюля 1719 года. Государыня моя матушка тетушка царица Екатерина Алексѣевна здравствуй государыня моя на многія лета вкупе съ государемъ нашимъ батюшкой, дялюшкой и государынями нашими сестрицами.

«Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала изволила вспомнить меня. Незнаю матушка мая, какъ мнѣ благодарить за высокую вашу милость, какъ я обрадовалась Богъ васъ свѣтъ мой самас такъ порадуетъ, еі еі дарагая мая тетушка я на свете ничему такъ перадовалась, какъ нынче радуюсь о милости ва-

(1) Госуд. Арх. Каб. II полов. кн. LIII л. 214—246.

шей ксебѣ і прашу, матушка мая, впредь меня содержать всвоей неотмевой милости, ей ей у меня крамѣ тебя свѣтъ мой неть никакой надѣжды; і вручаю я себя вмилость твою матеренскую; і надѣюсь, радость мая, тетушка што не оставишь меня всвоей милости і до маеі смерти; изволили вы свѣтъ мой ка миѣ приказовать, штобъ я отписала про Василия Федоровича, і я донашу. Которой здѣся бытностію сваею многіе миѣ противности дѣлалъ, какъ славами, такъ и публичными поступками, противъ маеі чести; между которыми раза стри со слезами отъ него оташла; а жену онъ сваю безо всякой здешней причины, толка прежняя упоминалъ, каторыми здешними сваими худыми паступками здешнихъ людей весма удивилъ. — Онъ же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, штобъ онъ былъ, іли кто другоі, ево руки, на Бестужева места. И прошу свѣтъ мой до таво недопустить: я отъ Бестужева во всемъ даволна, и въ monkъ здешнихъ делахъ, очинь харашо поступаетъ. — Іо всѣхъ Василья Федоровича поступкахъ писать я немогу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ донести Маврину. І поѣхалъ Василій Федоровичъ отъ меня сердцамъ; можна было видѣть, што онъ надеждой поѣхалъ, штобъ матушкѣ на меня мутить. Извесна свѣтъ мой вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Катерину Ивановну); і какъ онъ пріѣхалъ впитербурхъ, і матушка изволить ка миѣ писать не такъ милостива, какъ прежде исволила писавать; а нынче ісволить писать, штобъ я не печалилась: «я де не сердита,» ая своей вины ей, ей не знаю; а можна видѣть по письмамъ, што гневна на меня; і мне, свѣтъ мой, печальна, што насъ мутятъ; также какъ праважалъ сестрицу (Катерину). Окуневъ до Мемля (ее провожалъ) і былъ здесь, і пріѣхалъ отселя въ Питербургъ, і онъ не мала напрасна на меня намутилъ матушке; і чаю, вы свѣтъ мой, таго Окунева изволите знать; і ни чимъ не магу радоваца; толка радуюсь, матушка моя, тваею милостию ксебѣ. — И кнежна (Александра Григорьевна) поехала отъ меня, и мне сказала тихонка, што поедеть периги вваршаву кацу.

«При семъ прошу, матушка моя, какъ у самага Бога, у васъ, дарагая моя тетушка, покажи надо мною материнскую милость: попроси, свет мой, милости у дараговѣ государя нашева, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показалъ милость: мое супружественнае дела каокончанію привестъ, дабы я болше всокрушении і терпени от моіхъ зладесвъ, ссорою кматушке не была; істенна, матушка моя, донашу неспосна какъ нами ругаюца; еслибы я таперь была при матушке. чаю бы чуть была жива отъ ихъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю сокрушилась; неоставъ мой свѣтъ сіе всвоей миласте.

«Также ісволили вы, свѣтъ моі, приказовать камне: нетли пужды мне вчомъ? здесь вамъ, матушка мая, ізвесна, што у меня ничево нетъ, крѣме што своли вашей выписаны штофы; а ежели кчему случаі позаветь, і я не имѣю нарочитыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотень, ни платья нарочетава; і втомъ ка мне ісвольте учипить, матушка мая, по високаі своеі миласти, і здешнихъ пошленыхъ денекъ; а деревенскими доходами наслу я магу дозъ і столъ свої вгодъ содержать; также определенъ, по вашему указу, Бестужева сынъ ка мне оберъ-камарамъ-юнкерамъ; і живеть другой годъ безжалованья; і просить у меня жалованья; і вы, светъ моі, какъ ізволите; і прашу матушка мая не прагневаца на меня, што утрудила своимъ письмомъ, надеючи на миласть вашу ксебѣ; еще прашу светъ моі, штобъ матушка не вѣдала ничево; і кладусь волю вашу, какъ матушка мая ізволить самною. При семъ племянница ваша Анна кланеюсь» (1).

Приведенное нами посланіе, безъ всякихъ коментаріевъ, довольно ярко обрисовываетъ личность царевны. Мы узнаемъ отношенія царевны къ матери, къ Салтыкову, о которомъ она боится много писать, къ Катеринѣ и Петру, своимъ милостивцамъ; наконецъ изъ того же письма ясно видны старанія царевны снять всякое сомнѣніе съ Бестужева, чтобъ отнюдь де не вызвали его изъ Митавы (2).

Нѣжная заботливость двадцатипятилѣтней царевны о 54-хъ лѣтнемъ любимцѣ и его семействѣ проглядываетъ въ нѣсколькихъ письмахъ. Вотъ одно изъ нихъ:

«Митавѣ, 1719 года ноября 1-го. Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй государыня мая на многія лета вкупе згосударемъ нашимъ дялюшкомъ и батюшкомъ ізгосударынеи нашеи сестрицами.

«Прашу, свѣтъ моі тетушка, содержать меня ввашей високой миласти, вкатораі моі и животъ, и всю мою надежду, і отъ всехъ пративнастей защищеніе имею; еще прашу вашей високой миласти

(1) Госуд. Арх. Письм. Выс. особъ. Ан. Ив. 1719 г. л. 1—2.

(2) Громадная разность лѣтъ — 25 и 54 невольно заставляетъ сомнѣваться въ предположеніи Щербатова на счетъ особеннаго расположенія царевны къ ея голъмейстеру. Законы любви непостижимы! Впрочемъ Петръ Михайловичъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, почти однолѣтокъ съ царевной. Самъ онъ родился въ 1694 г., умеръ въ 1743 г. Отъ жены Авдотьи Ивановны Тальзиной Петръ Михайловичъ имѣлъ дочь Аграфену Петровну, вышедшую за князя П. О. Волконскаго, и двухъ сыновей: Михаила Петровича, р. 1688—1760, извѣстнаго волюкиту и льва своего времени, и Алексѣя Петровича, р. 1693—1766, впоследствии знаменитаго канцлера.

«Бестужеваі дочери, кнегіне Валконскаі, которая ныне отселя поехала не оставитъ еіе ввашей високоі милости.

«При семъ, матушка моя дарагая, посылаю вашему величеству досканъ енътарной, о каторамъ, светъ моі, прашу милостива принять.

«При семъ племянница ваша Анна кланяеца» (1).

Пока билъ челомъ Долгоруковъ да писала свою іереміаду герцогиня Курляндская, нѣжный братецъ Прасковьи не оставался въ бездѣйствіи. Встрѣчая атаку обороной, Салтыковъ притворился, будто ничего не знаетъ, куда и отъ чего скрылась его жена, и въ мнѣмъ невѣдѣніи 7 февраля 1720 года подалъ на высочайшее имя объявленіе.

Въ немъ Василіи Федоровичъ обстоятельно рассказываетъ о томъ, какъ послалъ его государь въ Митаву состоять при герцогинѣ и какъ оставилъ онъ ее по указу царицы Прасковьи. «При этомъ отъѣздѣ, я приказалъ женѣ своей Александрѣ, такъ объявлялъ супругъ, ѣхать за мной въ Петербургъ, какъ можно скорѣй. Для проводовъ оставлены были дворовые люди — Третьяковъ, Гавриловъ, Васильевъ, Веревкинъ, жонка Яковлева да дѣвица Аграфена Іевлева. Всѣ названныя служителя, кромѣ жены моей да служанки, явились ко мнѣ въ Петербургъ. Ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всѣ они скрылись — про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить.»

Салтыковъ просилъ въ заключеніе о снятіи допросовъ съ своихъ людей: куда и зачѣмъ скрылась жена его, куда дѣла его пожитки и проч. Достоинно замѣчанія, что въ числѣ представленныхъ имъ служителей не было Васильева: онъ умеръ вскорѣ по пріѣздѣ. Зная тогдашніе нравы и характеръ брата царицы, невольно останавливаешься на мысли — не испустилъ ли духъ безвѣстный челядинецъ подъ барскими батогами? Не *попльвался* ли на него бояринъ за недосмотръ за бѣглянкой-княгиней?

Но одинъ не въ счетъ, — на смерть Васильева никто не обратилъ вниманія; за то княжескія жалобы не остались втунѣ. На одной изъ нихъ Петръ положилъ резолюцію: «о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ Юстицъ-Коллегіи. А буде за чѣмъ рѣшать будетъ невозможно — учинить намъ доношеніе.» И вотъ дѣло потянулось обычнымъ чередомъ. Однимъ изъ первенствующихъ членовъ коллегіи былъ Андрей Матвѣевъ, другъ

(1) Госуд. Арх. письма А. И. 1719 г.

и свойственникъ царицы Прасковьи, слѣдовательно на безпристрастїе разсчитывать было трудно.

8 февраля опросили людей; они рассказали извѣстныя намъ обстоятельства, сопровождавшія побѣгъ ихъ госпожи; сняли допросъ съ Шейдякова. Тотъ сознался въ принятой имъ на себя командировкѣ отъ начальника, показалъ и то, какимъ образомъ выполнилъ онъ данное ему порученіе.

«А тебѣ, Шейдякову, уличалъ Салтыковъ, безъ мужнинаго позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало» (1).

Между тѣмъ князь Долгоруковъ присылалъ письмо за письмомъ: въ каждомъ изъ нихъ онъ повторялъ горькія жалобы на безчеловѣчное обращеніе зятя съ женой, требовалъ дочернаго развода и возврата ея приданого. Всѣ обвиненія тестя Салтыковъ совершенно отвергалъ, увѣряя устно и письменно, «что жену безвинно мучительски не былъ, немилостиво съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ.» Впрочемъ скромный супругъ тутъ же не безъ наивности, сознавался: «только за непослушаніе былъ я жену самъ своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не привращала и противъ меня невѣжлива многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терпѣла! Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ чего, а жалобы князя писаны были, безъ сомнѣнія, безъ ея согласія» (2).

Последнее предположеніе Салтыковъ основывалъ на письмѣ, присланномъ къ нему женой съ дороги; письмо это, какъ мы видѣли, мало говорило въ пользу ея дѣла и давало надежное оружіе находчивому боярину.

Въ отвѣтъ на показанія зятя, Долгоруковъ отвѣчалъ, что «явную его неправду онъ, за далекимъ своимъ отлученіемъ, нынѣ обличить не имѣетъ возможности. Ходатая не имѣю: одинъ былъ братъ, и тѣмъ меня Богъ за грѣхи «ограбилъ.» Старый князь пока просилъ государя только объ одномъ: развести его «бѣдственную дочь, чтобъ она на вѣки во слезахъ и въ животѣ своемъ была отъ мужа безопасна, а мнѣ, видя ея непрестанные слезы, съ печали здѣсь (въ

(1) Каб. дѣл. II пол. т. LVIII, л. 138—139.

(2) Каб. II пол. т. XLVI л. 89—92, т. LVI л. 195—200.

Варшавѣ) не укоснѣть, а отъ его, Васплья, поруганія и безчестія безпремѣнно не умереть.»

Спла и связи нѣжнаго братца были до такой степени надежны, что онъ сталъ смотрѣть на возникшее дѣло совершенно покойно и даже отшучивался въ отвѣтахъ на обвиненія тестя: «что въ челобитьѣ его написано, говорилъ обвиняемый, что иныхъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ не отвѣчать мнѣ, на то что въ челобитьѣ не написано невозможно...» «Истець же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно, а невидавъ да неслыхавъ, и челобитной писать не надлежало! Что же до того, чтобъ возвратить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ мужа награждали жонъ за уходъ...»

Вообще Василій Федоровичъ велъ дѣло такъ смѣло, ловко и обстоятельно, что Юстиць-Коллегія единогласно положила: обиженной стороны нѣтъ, такъ какъ взаимно жалуются другъ на друга тесть и зять; обѣ стороны были истцами. Обвиненія князя Долгорукова не доказаны; Салтыковъ же основательно привелъ въ оправданіе собственноручное письмо жены съ дороги въ Варшаву; изъ него видно, что она отъ мужа не отрицается, уѣхала безъ его позволенія, по приказу отцовскому, а пожитки свои добровольно оставила въ Митавѣ. Вслѣдствіе всего этого, заключала Юстиць-Коллегія, сего дѣла безъ подлиннаго отвѣта жены Салтыкова «рѣзнять» невозможно; нужны ея собственныя показанія и ея свидѣтелей, а челобитная отца послѣ ея собственноручнаго письма къ муму — недѣйствительна; что же касается до развода, того духовнаго дѣла Коллегія судить не можетъ. Подписали: Андрей Матвѣевъ. Вревенъ. Вольфъ. Іаковъ Масальскій. Стрикъ и Егоръ Кушелевъ.

За уклончивымъ рѣшеніемъ Юстиць-Коллегія, дѣло перешло въ Синодъ; но и въ немъ были либо ставленники, либо угодники царицы Прасковьи и ея именитаго братца. Какъ ни торопиль Долгоруковъ, что ни писалъ онъ то къ государю, то къ его кабинетъ-секретарю, ничто не помогало. Самое заступничество царевны Анны за его дочь не помогло разводу, а только усилило злобу Салтыкова: его рѣзкія замѣчанія о дворѣ герцогини Курляндской, найдя опору въ царицѣ Прасковьѣ, вызвали государя на строгое замѣчаніе ея гофмаршалу: «Понеже слышу, писалъ Петръ 22 мая 1721 года къ Бестужеву, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только; также порядку нѣтъ при дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ

расправѣ между людьми, на которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли;... людей непотребныхъ отнустн и вирель не принимай; вишнихъ наказывай, понеже неисправленіе взыщется на васъ.»

Съ 1722 годомъ пришло время персидскаго похода: милостивцы князя уѣзжали; Синодъ въ это время могъ рѣшить дѣло не въ его пользу — и вотъ Григорій Федоровичъ спѣшитъ побить челомъ новой челобитной:

«Премилосердая императрица и всѣмъ обиднымъ милостивая мать и государыня! Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ Синодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ величествѣ. А нынѣ сомнѣваюсь, дабы то дѣло, по отшествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Праскевы Федоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей изъ Синода на допросъ мужа ея нынѣ здѣсь и улика взята; и ежели ваше величество отымите отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а наче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лечилъ, которая взята у онаго подъ присягою, не по моему прошенію токмо, но пменному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться.

«О семъ припадая къ ногамъ вашего величества, слезно рабски прошу сотворить свою высокую милость, чтобы то дѣло изволил Синоду нынѣ приказать окончить, дабы бѣдственная дочь моя отъ немилости сильныхъ на вѣки избовижена не была. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ (1).

Чѣмъ же наконецъ кончилась эта семейная драма? Кончилась она не скоро. Въ 1730 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти отца, Александра Григорьевна, разведенная наконецъ съ мужемъ, пострижена по повелѣнію Анны Ивановны (?) въ Нижегородскій дѣвичій монастырь, и въ тотъ же годъ схоронила мужа. Дѣйствительно ли это постриженіе было дѣломъ невольнымъ, поступила ли она въ монастырь прежде или послѣ смерти мужа, — неизвѣстно (2).

Вообще вся тяжба изъ-за развода для насъ важна не столько сама по себѣ, сколько потому, что ея подробности освѣщаютъ личность единственнаго брата Прасковьи. Самоуправство, хитрость,

(1) Каб. II пол. т. LVIII л. 750.

(2) Единственнымъ плодомъ несчастнаго брака была дочь Аграфена Васильевна Салтыкова, вышедшая за-мужъ за кн. А. Д. Голицына,

пронырливость, грубость обращенія, доходящая до жестокости, — вотъ главнѣйшія черты, рѣзко выдающіяся въ характерѣ Василья. Въ немъ, какъ мы увидимъ, много общаго съ характеромъ царицы Прасковьи; одна личность дѣйствовала на другую: характеръ Прасковьи округлялся и дополнялся свойствами ея нѣжнаго брата; нѣжный братецъ, на-оборотъ, много заимствовалъ у сестрицы. А оба вмѣстѣ—они не могли не дѣйствовать на развитіе умственныхъ и душевныхъ свойствъ будущей императрицы Анны Ивановны и герцогини мекленбургской Катерины Ивановны. Познакомясь съ Анной, мы не можемъ оставить безъ вниманія Катерину.

V

Ц А Р Е В Н А К А Т Е Р И Н А .

«Катюшка свѣтъ моѣ здравствуй... при-
буди на табою милость божия и пресве-
тые Богородицы милосердіе... А большая
мне печаль а тебѣ... письма твои Катю-
шка чту и всегда плачу на ихъ смотря...
При семъ быть натобою мае и отцово
благословеніе писавый мать ваша царица
Прасковья.»

«Свѣтъ-Катюшка» была любимицей, баловницей — была отрадой и утѣшеніемъ Прасковьи. Она была старшей ея дочерью и съ малыхъ лѣтъ, въ ущербъ сестрамъ, пользовалась материнскими ласками и самой теплой привязанностью. Катерина не была особенно образована; какъ ученица Остермана старшаго, т. е. Остермана «неудобнаго» ни къ какому роду службы и занятіямъ — она не сдѣлала, да и не могла сдѣлать какихъ либо успѣховъ. Довольно сказать, что окруженная нѣмцами гувернерами, она не выучилась даже свободно говорить по нѣмецки и вполнѣдствіи только понимала этотъ языкъ, но изъяснялась на немъ и не охотно, и не хорошо. И такъ ни успѣхи ея привлекли особую любовь матери, ни красота — и въ ней судьба ее обидела, — но рѣзкое отличіе ея характера отъ характеровъ младшихъ сестеръ. Въ самомъ дѣлѣ: сосредоточенная, угрюмая, не общительная Анна, а также вѣчно больная, уродливая и тупая отъ рожденія младшая Прасковья, и та, и другая рѣзко отличались отъ старшей сестры.

Благодаря описаніямъ современниковъ, мы ясно видимъ предъ собой «свѣтъ-Катюшку».

Маленькая, преждевременно распольввшая до чрезмѣрности, черноглазая, съ черною косою, бѣлолицая — она не была красавицей. Но за то обращала на себя всеобщее вниманіе непомѣрною болтливостію, громкимъ смѣхомъ, беззаботностію и особенною способностію говорить все, что только взбрѣдетъ въ ея вѣтренную голову.

Она рано стала отличать въ окружающихъ ее придворныхъ — среди пажей, деньщиковъ, секретарей и др. героевъ — красавцевъ, была къ нимъ особенно внимательна, словоохотлива и зачастую отпускала остроты — на столько остроумныя, что Лэди Рондо, ни слова непонимавшая по-русски, серьезно находила въ ней «сатирической взглядъ» на вещи.

На ассамблеяхъ и всякаго рода пиршествахъ «свѣтъ-Катюшка» танцевала гораздо больше, нежели ея хворыя и скучныя сестры; — вертѣлась, хохотала, вызывала и отвѣчала на шутки впопадъ и невпопадъ — и звонкій смѣхъ ея постоянно оглашалъ низенькіе, прокопченные табакомъ и провонявшіе пивомъ и водкой, танцевальные покои общественныхъ собраний.

«Катерина Ивановна», отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, «женщина чрезвычайно веселая. Она постоянно говоритъ все, что только прійдетъ ей въ голову и потому зачастую выходятъ преуморительныя вещи. «Если я буду предъ вами бранить Берхгольца, сказала она мнѣ однажды черезъ переводчика, — стану называть Берхгольца дезертиромъ и измѣнникомъ, — то вы не принимайте этого на свой счетъ. Я браню не васъ, а вашего двоюроднаго брата оберъ-егермейстера, за то что онъ состоитъ въ шведской службѣ». — Любопытно, замѣчаетъ при этомъ составитель дневника, что Катерина Ивановна хотѣла сказать этимъ комплиментъ, но онъ вышелъ какъ-то особенно странно⁽¹⁾.

А всѣ эти странности нравились многимъ невзыскательнымъ представителямъ тогдашней аристократіи и приводили въ восторгъ нѣжную маменьку. — Она положительно не слышала души въ ненаглядной свѣтъ-Катюшкѣ — берегла и лелѣяла ее пуще всего на свѣтъ...

Этою любовью объясняется и то обстоятельство, что желая по долѣе удержать при себѣ старшую дочь, Прасковья охотно отдала прежде за мужъ среднюю.

(1) *Берхгольцъ*, ч. II стр. 300. *Де-Лірія*, стр. 116. *Рондо* 45. Портреты дочерей ц. Прасковьи, см. въ императ. Романовской галереѣ.

Катерина была утѣхой, другомъ, повѣреннымъ всѣхъ тайнъ старушки матери. Царица нерѣдко черезъ нее обращалась съ своими просьбами къ государю, черезъ нее заискивала въ новой государынѣ... Эта новая государыня съ каждымъ годомъ получала все больше и больше значенія, больше и больше вліянія на частныя дѣла тогдашней аристократіи — и старушка всячески торопилась ее задобрить. Такимъ образомъ, выполняя желаніе матери, царевна Катерина писала къ сунругѣ Петра грамотки, преисполненныя самыхъ нѣжныхъ эпитетовъ: «предражайшая, прелюбезнѣйшая невѣстушка, — голубушка, свѣтъ-царица», поздравляла съ праздниками и всякаго рода торжественными случаями.

Родилась у государыни дочь Марія — и царевна спѣшитъ засвидѣтельствовать свои радостныя чувства, вызванныя этимъ случаемъ: За него, увѣрила Катерина, «мы всемілостиваго Бога благодаримъ, что слышемъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ въ добромъ здравіи распроталъ чрезъ такой вашъ дальній путь...» «А въ новой годъ (1714-й), продолжала царевна, подай Господи царевича и чего отъ всего сердца желаемъ (1)...»

И желаніе, какъ надо думать, было самое чистосердечное: государыня вскорѣ (29 окт. 1715 г.) родила Петра Петровича. Его появленіе въ свѣтъ — послужило только къ гибели первенца сына. Царевичемъ Петромъ Преобразователь рѣшился замѣстить убылое мѣсто, но законы Провидѣнія неисповѣдимы и десять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Алексѣя, умеръ Петръ Петровичъ...

Старшая дочь Прасковьи давно была въ лѣтахъ. Ей минуло 24 года, когда вѣнценосный дялюшка рѣшился наконецъ пристроить племянницу. За женихами дѣло не стало. Въ январѣ 1716 года явился къ Петру посоль герцога мекленбургскаго совѣтникъ Габихталь. Посоль явилъ грамоту, въ которой герцогъ въ самыхъ высprenнихъ выраженіяхъ просилъ руки царевны Катерины. Государь охотно согласился, тѣмъ болѣе, что бракъ этотъ входилъ въ черту его политическихъ плановъ и соображеній (2).

Въ день аудіенціи посла приступлено было къ заключенію свадебнаго контракта. На основаніи его, герцогъ обязывался, по заключеніи сговора, — вступить въ бракъ немедленно, съ подобающимъ торжествомъ, въ томъ мѣстѣ, какое будетъ назначено по взаимному соглашенію. Ея высочество останется православною, равно какъ и весь ея русскій штатъ; причемъ въ резиденціи своей она будетъ имѣть православную церковь. Герцогъ обязывался опре-

(1) См. въ приложеніяхъ. № 1.

(2) Голицы VI, стр. 374, 408—410, 416—417.

дѣлать на содержаніе жены и ея штата надлежащее жалованье; всѣ придворные чины должны были получать приличное содержаніе и столъ для ея высочества — долженъ былъ приготовляться въ надлежащіе дни постный. — На случай своей смерти, герцогъ обязывался закрѣпить за женою замокъ Гистровъ съ двадцатью-пятью тысячами сѣмковъ ежегоднаго содержанія.

Что же касается до русскаго государя, то въ силу свадебнаго договора, онъ обязывался снабдить племянницу экипажами, гардеробомъ и проч., да кромѣ того дать въ приданое двѣсти тысячъ рублей, буде неудастся сплюю оружья отнять у шведовъ городъ Висмаръ съ Барневиномъ, отошедшими отъ Мекленбурга по вестфальскому миру.

Висмаръ, лежащій въ семи миляхъ отъ Балтійскаго моря, нѣкогда принадлежалъ къ славному ганзейскому союзу и вообще былъ весьма выгоднымъ постомъ для морской торговли. Вотъ почему, имѣя въ виду усиленіе и упроченіе своихъ торговыхъ сношеній съ Европою, Петръ непременно хотѣлъ имѣть въ сильной крѣпости Висмаръ надежное складочное мѣсто для русскихъ товаровъ, на что и могъ разсчитывать при закрѣпленіи Висмара съ его пригородами за первоначальными владѣльцами, настоящій представитель которыхъ дѣлался его зятемъ.

Но нельзя сказать, чтобъ новый свойственникъ царской фамиліи былъ человѣкъ симпатичный, достойный родства съ могущественнымъ домомъ. Нѣтъ, Карлъ-Леопольдъ — былъ типъ грубаго, необразованнаго, своевольнаго, въ высшей степени взбалмошнаго владѣльца клочка Германіи.

Начиная съ того, что онъ вступалъ въ бракъ съ русской царевной, въ то время, когда еще жива была его первая супруга, нѣмка, Софія-Гедвига, урожденная принцесса нассау-Фрисландская, — но онъ съ ней рѣшительно не уживался, точно также какъ не могъ ужиться съ подданными, въ которыхъ видѣлъ постоянныхъ заговорщиковъ на свое имущество, свободу, даже на жизнь. Вслѣдствіе этого онъ ихъ преслѣдовалъ самымъ деспотическимъ образомъ; хваталъ недовольныхъ, бросалъ въ тюрьмы, чинилъ самъ судъ и расправу, и попирая всякій законъ, посылалъ на эшафотъ...

Зналъ ли Петръ о дѣяніяхъ будущаго зятя? Нѣтъ сомнѣній, что зналъ какъ нельзя лучше; но едвали смотрѣлъ на это строго, а главное эти *неудобства* были ничтожны въ его глазахъ, предъ несомнѣнными выгодами брачнаго союза. — Свадебный договоръ былъ подписанъ обоими представителями своихъ государей; вице-канцлеромъ Шафировымъ и совѣтникомъ Габихталемъ. — Послѣдній въ особомъ сепаратномъ артикулѣ обязывался до совершенія брака

предъявить точное доказательство о разводѣ герцога съ первой женой.

По совершеніи обрученія и сговора — весьма довольный Габихталь имѣлъ отпускныя аудіенціи — у всѣхъ членовъ царской фамиліи; причеиъ царица Прасковья, какъ хлѣбосольная хозяйка и мать высокой невѣсты — всячески старалась его угостить. Была ли она довольна брачнымъ договоромъ? Неизвѣстно, но хочешь или не хочешь, а покориться было надо; она знала крутой нравъ Петра: противиться ему было дѣломъ не легкимъ. — Впрочемъ, государь какъ всегда былъ ласковъ и внимателенъ къ невѣсткѣ и еще незадолго до приѣма мекленбургскаго посла, провелъ у нее нѣсколько часовъ въ толкахъ и бесѣдѣ о предстоящемъ сватовствѣ нѣмецкой владѣтельной персоны.

Прасковья убѣдительно просила государя выдать ея Катюшку за мужъ не иначе, какъ въ своемъ высокомъ присутствіи; причеиъ просила строго на строго наказать ея мужу, чтобъ онъ берегъ жену... Старушка скорбѣла, что за тяжкими недугами не могла сама быть на торжествѣ, столь близкомъ ея родительскому сердцу.

27 января 1716 года она проводила свою любимицу въ дальнюю дорогу. Государь съ государыней, съ племянницей-невѣстой и съ необходимою свитою — выѣхалъ изъ Петербурга въ Данцигъ ⁽¹⁾. Женнхъ явился въ Данцигъ 8-го марта и здѣсь впервые увидѣлъ свою веселую, бойкую, хохотунью невѣсту. Первый день ихъ знакомства заключился торжественной ассамблеей у бискупа варминскаго князя Потоцкаго; — за тѣмъ послѣдующіе дни, вплоть до свадьбы, прошли въ осмотрѣ достопамятныхъ замковъ, мѣстностей, церквей, въ посѣщеніи музеевъ; вечера — въ театрахъ и ассамблеяхъ. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошли (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ, которыя мы пересматривали) письма Катерины къ ея матушкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ нихъ мы бы узнали какое впечатлѣніе произвелъ на нее Карлъ-Леопольдъ, на сколько полюбилась ей его бесѣда, его наружность, его придворные... Въ официальныхъ же источникахъ мы ничего не находимъ, кромѣ сухого, безжизненнаго перечня празднествъ и торжествъ, въ которыя погрузилась брачная чета. Празднества были тѣмъ великолѣпнѣе, что въ Данцигъ съѣхались не только уполномоченные, но и сами вѣнценосные владѣтели Даніи, Пруссіи, Ганновера, наконецъ королевства Польскаго. Всѣ они поспѣшили къ Петру, подъ его знамя, для составленія грознаго союза противъ Швеціи... И тутъ, среди политическихъ толковъ, пересудовъ и разсужденій, въ которыхъ иногда до-

⁽¹⁾ *Подденная записка.* 1772 т. II, стр. 14. *Голицевъ.* VI, 98—109. 473—479.

вольно бесплодно пронадало время, они всячески старались щегольнуть передъ русскимъ царемъ великолѣпными празднествами и пирами.

Достойна замѣчанія слѣдующая случайность: наканунѣ свиданія Карла-Леопольда съ Катериной Ивановной было видно на небѣ громадное сѣверное сіяніе: превеликій былъ свѣтъ съ бѣлымъ огнемъ отъ горизонта до самаго зенита. «Правда, писалъ Петръ въ Россію, хотя натуральное (то было) дѣло; однако зѣло было ужасно видѣть.» Небесное знаменіе было видимо и въ Россіи; и если Петръ находилъ его ужаснымъ, то какъ должна была объяснять его суевѣрная толпа, да и не менѣе ее суевѣрное большинство русской аристократіи? Всѣ они считали воздушное явленіе чудомъ, грознымъ предзнаменованіемъ страшныхъ несчастій... Такъ что Меншиковъ находилъ нужнымъ объяснять во многихъ знатныхъ домахъ, между прочимъ князю Черкасскому «что знаменіе, еже недавно на воздухѣ видимо было, не чрезнатуральное, но обычайное есть; еже по универсальному разсужденію философовъ, пзъ сѣрныхъ и селитренныхъ выхожденій происходитъ, и таковыя сіянія въ снхъ нордскихъ странахъ часто видятъ».

Впрочемъ ученія объясненія Меншикова не успокаивали простодушныхъ истолкователей казуснаго явленія. Мы можемъ представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе произвело оно на царицу Прасковью, какъ пытливо спрашивала она о его значеніи у своихъ доморощенныхъ пророковъ и кудесниковъ, и съ какою теплою мольбой спѣшила въ монастыри да Божьи храмы — къ чудотворной иконѣ, къ нетлѣннымъ мощамъ... ея мольба была за здоровье и счастье ненаглядной «Катюшки».

А «Катюшка» тѣмъ временемъ веселилась; безъ сомнѣнія, довольная и счастливая. Такъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право думать, зная ея вѣтренный, легкомысленный характеръ. Ее радовали праздники, поражали новые предметы, новыя лица, незнакомый ей бытъ... А будущее? Къ чему въ него было заглядывать?

Не такъ думалъ Петръ. Еще наканунѣ свадьбы, 7 апрѣля 1716, онъ обязалъ герцога выдавать женѣ ежегодно на карманные расходы по 6000 рейхсталеровъ. А за тѣмъ, въ особомъ трактатѣ, въ девяти пунктахъ, изложилъ условія и цѣль, для которыхъ заключается родственныи союзъ. Карлъ-Леопольдъ герцогъ мекленбургскій, князь венденскій, шверинскій и рацебургскій, ростокскихъ и старгардскихъ земель государь, взаимно съ русскимъ царемъ обязывались: быть вѣрными другъ другу союзниками и пособниками, во всякомъ, какъ наступательномъ, такъ и оборонительномъ дѣйствіи. Петръ обѣщалъ помощь слабому союзнику и войскомъ и деньгами въ сѣвер-

ной войнѣ, для отнятія у шведовъ Висмара съ пригородами; но за то герцогъ долженъ былъ давать все что нужно и что было въ его власти, для успѣшнаго дѣйствія русско- вспомогательнаго корпуса. Въ случаяхъ какихъ либо неприятныхъ столкновеній мекленбургскаго герцога съ цезарскимъ величествомъ, Петръ бралъ на себя ходатайствовать за него чрезъ своихъ уполномоченныхъ при вѣнскомъ дворѣ.

Всѣ эти условія были крайне выгодны для небольшого германскаго владѣтеля, но трактатъ былъ далеко небезвыгоденъ и для русскаго государя. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ покровительствѣ Петръ являлъ свою силу и вліяніе на дѣла европейской политики; но кромѣ того, на основаніи седьмой статьи трактата, онъ получалъ право свободно и невозбранно присылать свои суда торговли и военныя въ мекленбургскія пристани; русскіе купцы могли жить, складывать свои товары, имѣть свою церковь, заключать разныя торговыя операціи, подъ особымъ покровительствомъ герцога. Карлъ-Леопольдъ обязывался всегда чинить свободный пропускъ войскамъ Петра чрезъ свои земли, устраивать для нихъ запасныя магазивы и проч.

8 апрѣля была свадьба. Польскій король, не ладившій съ конфедератами и искавшій помощи Петра, разсыпался предъ нимъ во всевозможныхъ пирахъ, ассамблеяхъ и всякаго рода увеселеніяхъ. Тщеславный, сластолюбивый, расточительный и ничтожный по характеру, Августъ II умѣлъ блеснуть роскошью своего двора и находчивостью въ изобрѣтеніи всякаго рода удовольствій.

На другой день послѣ свадьбы онъ далъ новобрачнымъ, ихъ дядѣ, теткѣ и всему двору пиръ на славу, съ разными потѣхами. При сочиненіи ихъ, Августъ искусно подобралъ такія именно забавы, какія должны были понравиться его могучему сосѣду. И дѣйствительно: примѣрныя битвы саксонцевъ съ городскимъ войскомъ, всякаго рода огненныя потѣхи, игры, какъ нельзя больше понравились Петру.

«Извѣстую вамъ, писалъ государь къ Апраксину, что вчерашняго дня племянницы нашей бракъ съ герцогомъ мекленбургскимъ, при присутствіи короля польскаго, и при многихъ знатныхъ особахъ, съ стрѣльбою пушечною и фейерверкомъ торжественно совершился, и съ сею новиною вамъ поздравляю».

Прислушиваясь къ поздравленіямъ и приглядываясь къ празднествамъ и забавамъ, можно подумать, что брачный союзъ заключенъ былъ безъ всякихъ помѣхъ, не вызвалъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Противниковъ дѣйствительно было немного, но они были. Во главѣ ихъ стоялъ ганверскій министръ Беренсдорфъ, родомъ

мекленбургецъ. Опъ всячески интриговаль противъ брака Карла Леопольда, и когда интриги его не разстроили свадьбу, онъ много повредилъ въ общемъ дѣлѣ сѣверныхъ союзниковъ. Беренсдорфъ чинилъ всякаго рода проволочки въ дѣйствіяхъ войскъ, и вообще «непрестанно злодѣйствовалъ. И какую напрасную ссору между Россіею и Англіею пропзвелъ сей злодѣйственный и безсовѣстный человекъ, восклицаетъ Петръ, ради своего партикулярнаго дѣла, свѣту есть извѣстно! А понеже онъ въ своемъ принципалѣ такую сплу имѣлъ, что все по волѣ его оный дѣлалъ; къ тому же сей Беренсдорфъ имѣлъ своихъ земляковъ (и согласниковъ) при датскомъ дворѣ большую часть, какъ въ министрахъ, такъ и въ генералахъ... къ тому же склонялъ другихъ деньгами... того ради, по злобѣ своей, чрезъ оныхъ вымыслами потѣшалъ, дабы пренаціи умелить; и когда опоздають, то самая невозможность будетъ... Здѣсь всякъ непристрастный и разумный разсудитъ, ни для чего пного сіе учинено, только дабы не зимовать въ Мекленбургѣ!» (1)...

По этимъ словамъ можно видѣть, что въ противникѣ брачнаго договора племянницы, Петръ нашолъ интригана искуснаго, опытнаго, надѣлавшаго ему не мало хлопотъ, а главное разстроившаго многіе его планы. Но молодые, хотя и близко были заинтересованы въ планахъ Петра, весело провели медовый мѣсяцъ, за тѣмъ уѣхали въ свои владѣнія и здѣсь, въ городѣ Шверинѣ, Карлъ-Леопольдъ имѣлъ честь принимать (мая 12) своего именитаго тестя. Герцогъ провожалъ государя отъ города въ городъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, но не видно чтобы Петръ совѣщался съ нимъ, либо звалъ его на сѣзды для переговоровъ съ остальными союзниками... Годовщина полтавской битвы была отпразднована въ Ростокѣ, въ домѣ герцога, съ подобающимъ торжествомъ. Предпримчивый и неутомимый Петръ не оставался долго на одномъ мѣстѣ: онъ ѣздилъ, писалъ приказанія, толковалъ съ министрами, одушевлялъ одного союзника, торопилъ другого и т. д. Такимъ образомъ

(1) Журналъ или подденная записка Петра, т. II. стр. 20—24. 43—44. 398. 421. Судя по энергическому слогу, можно смѣло сказать, что выписанныя нами въ извлеченіи строки, принадлежатъ ни кому другому, какъ самому Петру. Государь, какъ извѣстно нѣсколько разъ выправлялъ, и вписывалъ цѣлыя страницы въ составляющуюся, по его приказанію, подденную записку. Нельзя не порадоваться, что этотъ драгоценнѣйшій источникъ исторіи царствованія Петра когда-нибудь явится въ свѣтъ, въ возможно полномъ изданіи, съ примѣчаніями, съ обозначеніемъ собственноручныхъ строкъ Петра, указаніями на его помарки и проч. Этотъ громадный трудъ принялъ на себя В. О. Ратчъ, извѣстный своими изслѣдованіями и розысканіями по части исторіи русской артиллеріи. Правительство назначило ему на изданіе 5000 руб. *Аем.*

во время своихъ заѣздовъ въ Шверинъ или Ростокъ, онъ проводилъ въ семьѣ герцога только нѣсколько сутокъ и спѣшилъ далѣе; за то государыня гостила у нихъ и по часту, и по долгу, такъ какъ она не хотѣла задерживать Петра ни собой, ни своимъ штатомъ.

Самымъ интереснымъ визитомъ Петра къ Карлу-Леопольду, былъ безспорно пріѣздъ его въ Магдебургъ 6 сентября 1717 года.

Государь, какъ кратко значится въ журналѣ, пріѣхалъ сюда въ 8 часовъ утра. Его встрѣтили герцогъ мекленбургскій съ герцогинею, генералъ-фельдмаршалъ прусской службы князь Дангалтъ и другіе.

Государь предъ обѣдомъ ходилъ въ церковь, въ которой осматривалъ разныя достопамятности, между прочимъ камень, на которомъ отсѣкли голову епископу Удону и, переночевавъ въ квартирѣ герцога, выѣхалъ въ Бранденбургъ.

Поденная записка умалчиваетъ о нѣкоторыхъ частныхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ встрѣчу Петра съ зятемъ; тѣмъ не менѣе онѣ интересны, если только справедливы. Такъ напр. объ одной изъ нихъ (едва ли не въ Магдебургѣ) вотъ что рассказываетъ камергеръ Пельницъ: (1)

«Г. Соссежі, братъ канцлера, въ главѣ правительственныхъ лицъ явился къ Петру съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Онъ засталъ гостя съ двумя русскими барынями. Петръ нѣжно обнималъ своихъ собесѣдницъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не отвлекли привѣтственной рѣчью». Какъ ни странно было для нѣмцевъ подобное безцеремонное обращеніе въ ихъ присутствіи, но все это было ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что они увидѣли на другой день. Герцогиня мекленбургская съ мужемъ, прибывши изъ Шверина, чтобъ повидаться съ тестемъ и проводить его въ Берлинъ, сдѣлали государю ранній визитъ. Петръ выѣжалъ къ племянницѣ на встрѣчу, нѣжно ее обнялъ и повелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ заботливо посадилъ ее на диванъ, оставилъ герцога и его свиту изъ передней слѣдить за его ласками въ растворенную дверь...

7 декабря 1718 года Катерина Ивановна родила дочь Анну. Съ легкой руки Тимофея Мальгина, автора «Зеркала російскихъ государей» принцесса эта доселѣ именуется русскими историками Анной *Леопольдовой*, вмѣсто Анны *Карловны*.

Невзгоды семейной жизни рано начали огорчать герцогиню. Безпокойный, жесткій нравъ мужа скоро обнаружился во всей своей

(1) Mémoires pour servir à l'histoire etc. II p. 65. Anna Ioannovna, Dargestellt von F. W. Barthold p. 22—23.

преlestи. Карль-Леопольдъ присвоивалъ движимое и недвижимое имѣніе своихъ подданныхъ, безтолково противодѣйствовалъ австрійскому императору, не выполнялъ условій свадебнаго контракта, не снабжалъ жену ни деньгами, ни достаточнымъ содержаніемъ, такъ что она часто обращалась съ сѣтованіями и просьбами о помощи къ матушкѣ, которая всѣми силами хлопотала за нее у Петра. Безпутный мужъ шолъ прямо къ своей погибели, не внимая предостереженіямъ и совѣтамъ тестя... (1)

Посѣщенія сестры Анны въ Митавѣ, гдѣ Катерина видѣлась однажды съ матерью; переняска съ ней при разлукѣ и вниманіе государя, должны были не мало утѣшать и ободрять герцогиню, если только эта толстая, румяная русская барыня, затянутая въ нѣмецкій корсетъ, могла когда нибудь слишкомъ печалиться.

Въ апрѣлѣ 1719 года она гостила у сестры — и государь былъ столь милостивъ, что повелѣлъ выдать ей изъ *курляндскихъ доходовъ* 1000 червонныхъ... Впрочемъ, содержаніе ея было плохо, далеко не герцогское; штатъ состоялъ изъ русскихъ школьниковъ Чемесова и другихъ, которые по словамъ самой государыни, были «гораздо плохи» (2).

Катерина просила, чрезъ посредство матери, въ Августѣ 1719 г. о пополненіи ея штата, о присылкѣ церковнаго причта. Старушка немѣшкатно препроводила письмо въ Петергофъ, къ государынѣ.

«Государыня, моя невѣстуха, царица Прасковья Федоровна, отвѣчала Катерина, здравствуй на множество лѣтъ купно съ дочкою! Объявляемъ вамъ, государыня, что письмо, до васъ писанное, отъ любезнѣйшей вашей дочери, а нашей племянницы, царевны Катерины Ивановны, его царское величество изволилъ все вычестъ и о священникѣ самъ изволилъ приказать новгородскому архіерею Θεодосію; чтобъ немедленно, по желанію ея величества, отправить попа вискорѣе...»

Государыня заканчивала объявленіе, просьбой, чтобъ «невѣстка не печалилась и увѣдомила бы о своемъ здоровьи: если въ болѣзни ей облегченіе?» (3)

Дорогая царица-невѣстуха дѣйствительно очень хворала; недугъ еще болѣе усиливался печалью въ разлукѣ съ любимой дочерью, несогласіями съ средней и болѣзнию младшей; но собственная болѣзнь

(1) Карль-Леопольдъ, лишенный престола (въ 1736 году), пережилъ жену и дочь и скончался въ заточеніи, въ крѣпости Демицъ 28 ноября 1747 года.

(2) *Каб.* I пол. кн. 64 л. 736 письмо отъ имени Ек. Алек.

(3) *Каб.* дѣл. I. пол. т. 64 л. 668.

не мѣшала ей выполнять самымъ тщательнымъ образомъ всѣ просьбы «свѣтъ Катюшки».

Такъ въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ церковнаго причта, она извѣщала дочь: «Поѣхали къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконъ Филиппъ и пѣвчій Филька, кажется люди нарочиты, а буде плохъ, я по зимѣ другого пришлю; и чаю, сама поѣду къ Москвѣ зимою и тамъ выберу добрыхъ...» (1)

«А что пишешь, замѣчаетъ въ другомъ письмѣ заботливая матушка, чтобъ не присылать женскаго роду (т. е. прислугу), въ Ригу, и я вѣдь пришлю не на твоёмъ коштѣ, хотя негодны будутъ вамъ и онѣ назадъ прѣдутъ; и о томъ отпиши, присылать или нѣтъ?..» (2)

Прасковья переписывалась очень усердно; но не довольствуясь письмами, зачастую посылала къ дочери, въ особенности въ то время, какъ она гостила у Анны въ Митавѣ, близкихъ ей людей. Мы видѣли, какъ не нравились подобныя надсмотрщицы царевнѣ Аннѣ, не могли нравиться они и сестрѣ ея Катеринѣ; но прекословить матери она не рѣшалась и держала при себѣ этихъ пословъ, которые писали о всѣхъ порядкахъ въ ея жизни къ безпокойной старушкѣ. Въ такихъ посылкахъ, какъ это видно изъ писемъ, особенно часто бывалъ Окуневъ.

«А Окунева, Катюшка, пишетъ Прасковья, буде те надобно держи; буде есть нужда какая приказать и ты ко мнѣ его пришли, а я тотчасъ (его) къ вамъ назадъ пошлю...» «Изволь ты его держать долго, наказываетъ старушка, чтобы мнѣ побольше про васъ сказывалъ...» (3)

Роды были не совсѣмъ счастливы для Катерины Ивановны; первые годы послѣ вѣхъ она иногда хворала, и вѣсти о ея болѣзни сильно тревожили мать. У Катерины дуло животъ, дѣлалась судороги и старушка въ интимныхъ письмахъ всячески старалась ее успокоить: «что пишешь про свое брюхо, говоритъ старушка въ одной изъ грамотокъ, и я, по письму вашему не чаю, что ты брюхата. Живуть съ такіе случаи, что неознаете; и я при отцѣ такъ была годъ; чаяла брюхата, да такъ изшло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить?» (4)

Но успокоивая дочь, старушка сама безпокоилась какъ нельзя больше и какъ для свиданія съ собой, такъ еще больше для излѣченія дочернихъ недуговъ, звала «Катюшку», на олонекія воды...

(1) Прилож. № 3.

(2) Прилож. № 6.

(3) Прилож. №№ 4, 6 и др.

(4) Прилож. № 5.

«буде мнѣ (лишь) возможно будетъ ѣхать, пишеть Прасковья въ той же грамоткѣ, и я съ Москвы прямо къ водамъ поѣду. Да отпиши пожалуйста подлинно, поѣдетель вы въ Ригу или нѣтъ? И ежели тебѣ возможно отъ него (т. е. отъ мужа), буде не брюхата *по прежнему*, у насъ побывать, какъ вылечисся, для моей старости и для моей болѣзни. И ежели не брюхата, и тебѣ все конечно падобно быть на Олонцѣ, у Марціальныхъ водъ для этакой болѣзни, что пишешь — есть опухоль. И отъ такихъ болѣзней и поврежденія женскихъ немощей вода зѣло пользуетъ и вылечиваетъ. Сестра княгиня Настасья (¹) у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней. И не пухнетъ и бокъ не болитъ, и немощи оставилсь помѣсячно, порядкомъ. Если не послужатъ докторскія лекарства, всеконечно падобно тебѣ къ водамъ ѣхать на Олонець...» (²)

Находя свои слова недовольно убѣдительными, старушка ссылаась въ доводахъ на авторитетъ государя. Что Прасковья положительно преклонялась предъ своимъ «архангеломъ», такъ она называла Петра, уважала и боялась его (боязнь и уваженіе сливались, какъ всегда, въ одно чувство), это неудивительно; но то интересно, что она даже слѣпо вѣровала въ его медицинскія познанія. Какъ извѣстно, Петръ любилъ анатомію, медицину, самъ выколачивалъ и выдергивалъ зубы, вынускалъ изъ больныхъ водяною — воду, причемъ наввно удивлялся, отчего больные умирали, бросалъ кровь, отрѣзывалъ зараженные члены, наконецъ, какъ мы видѣли при казни Фрейлинны Гамильтонъ, съ видомъ знатока, съ любопытствомъ разсматривалъ, ради анатоміи, срубленные головы несчастныхъ...

Все эти обстоятельства не могли не убѣдить его придворныхъ, а съ ними и старушку, что Петръ дѣйствительно близко знакомъ съ медициной и на его слова можно положиться.

...«О болѣзни своей Катюшки, что ты ко мнѣ писала, пишеть Прасковья, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Падобно гораздо пользоваться и зѣло (я) сокрушаюсь. Ежели бы были вмѣстѣ, могли бъ всякую пользу сдѣлать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ дѣйствовать (въ) вашей болѣзни воды; *также и дялюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чель письмо то, которое ко мнѣ пишешь, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ*, какъ въ Ригѣ будете, для того, что отъ Риги не далеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше пятнадцати лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожелтѣла и распухла, и (отъ) болѣзни ея и док-

(¹) Настасья Федоровна Салтыкова, умершая 2 сент. 1736 г. была за дѣйств. тайн. совѣт. княземъ кесаремъ Иваномъ Федоровичемъ Ромодановскимъ.

(²) *Прилож.* № 5.

тора всѣ отказались. И ее *государь изволилъ послать къ водамъ*, и она отъ тѣхъ водъ выздоровѣла, какъ не бывало болѣзни, и все стало быть временно (1)!»

Для насъ эти строки важны не только потому, что они показываютъ любовь и нѣжную заботливость матери о своей дочкѣ, но еще и потому, что какъ нельзя лучше обнаруживаютъ то безусловное вѣрованіе въ авторитетъ государя, которое безспорно всегда имѣла Прасковья. Мудрено ли, что за это уваженіе, за эту покорность, за это вѣрованіе въ справедливость каждаго изрѣченія Петра, тотъ платилъ ей взаимно любовью, большимъ или меньшимъ участіемъ къ ея интересамъ, а главное снисхожденіемъ къ ея, довольно крупнымъ слабостямъ, которыя не прощаль однако своимъ теткамъ, сестрамъ и другимъ свойственницамъ...

Впрочемъ, говоря о той пользѣ, какую принесли минеральныя воды сестрѣ Настасѣ, Прасковья не могла сослаться на себя, не смотря на то, что она посѣщала ихъ часто, воды ей не помогали. По примѣру и совѣту Петра, она была на кончезерскихъ водахъ въ 1719 году (2), ѣздила въ Олонецъ на «марціальныя воды» въ началѣ 1721 года, причемъ ее провожала довольно большая свита, на шестидесяти подводкахъ (3). Царица пребыла здѣсь до 15 марта; была она и въ началѣ 1723 года, но воды не помогали: она постоянно страдала разными недугами. Какъ видно изъ ея писемъ, болѣзни были у нея великія: «мокротная, каменная, подагра и ея натурѣ такихъ болѣзней не свестъ...» Ноги ей рано отказались служить, она обрюзгла, опустилась, сдѣлалась непомѣрно раздражительна и подъ вліяніемъ этихъ болѣзней, являла иногда характеръ, какъ увидимъ ниже, въ высшей степени звѣрскаго... Надо думать, что кромѣ преклонныхъ лѣтъ, болѣзнь ея развилась и отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Кто бы ни пріѣзжалъ въ привольное село Измайлово, либо въ ея домъ въ Петербургѣ; кто бы ни являлся къ хлѣбосольной хозяйкѣ, онъ рѣдко уходилъ не осушивъ нѣсколькихъ стакановъ крѣпчайшаго вина, наливки или водки. Царица всегда была такъ милостива, что сама подавала завѣтный напитокъ, сама же и опорочивала стаканъ, ради добраго гостя.

Даже выѣзжая куда нибудь, царица приказывала брать съ собой

(1) *Прилож.* № 6.

(2) *Голлицевъ VII.* 455.

(3) Вѣдѣніе служителя ея Петрова въ камеръ-коллегію 8 февр. 1721 г. о дачѣ подводъ на обратный проѣздъ царицы въ Спб. «и тѣ подводы въ пристойныхъ мѣстахъ поставить безъ замедленія, дабы за тѣми подводами, въ пути ея величеству остановки не было.» *Каб. дѣль II* полов. т. LIV ст. 1407.

нѣсколько бутылокъ вина... Нельзя слишкомъ обвинять въ этой слабости старушку ; она пила также , какъ пили всѣ , или почти всѣ русскія аристократки Петровскаго двора. Кто читалъ дневникъ Берхгольца , тотъ безъ сомнѣнія помнитъ опьяванья въ царскіе дни петербургскихъ и московскихъ барынь ; помнитъ и маленькія непріятности для дамъ , неминуемая послѣдствія подобныхъ попоекъ. Горькая чаша зачастую не обходила и «ангелоподобныхъ цесаревенъ», какъ называетъ почтительный камеръ-юнкеръ, дочерей великаго монарха...

Больная старушка, убѣждая дочь посѣтить ее, да хорошенько полечиться, послала ей, также герцогу и ихъ дочери, въ знакъ особенной своей любви и привязанности, разные подарки. То были большею частью дорогіе мѣха лисьи, собольи, горнастаевы, гречское мыло, дорогіе камни, внучкѣ игрушки и всякаго рода гостинцы (1).

По просьбѣ царицы, самъ государь дѣлалъ иногда подобные подарки, но разумѣется, чаще доводилось ему дарить деньгами, что было для герцогини гораздо важнѣе, всѣхъ бочечекъ да мазиковъ, которыя не скупилась присылать Прасковья для передачи «крошечкѣ-малютчкѣ внученкѣ своей Аннушкѣ».

Такъ напр. въ бытность Катерины Ивановны съ мужемъ въ Вѣнѣ (въ 1720 году), государь послалъ на ея нужды переводъ на банкирскій домъ въ 5,000 ефимковъ (2), вообще былъ къ ней какъ нельзя болѣе внимателенъ, извѣщалъ о своихъ радостяхъ, обнадеживалъ своей помощью въ ея нуждахъ и проч.

Рескрипты по большей части писались секретарскою рукой, но иногда начало и конецъ, въ особенности въ Р. С. Петръ писалъ самъ.

Въ томъ же 1720 году, 8 августа, государь сообщилъ любезной государынѣ-племянницѣ «зѣло радостную вѣдомость о побѣдѣ, одержанной княземъ Голицынымъ, 6 числа, надъ шведскою эскадрою въ Ламеланской гавани, причемъ взяты были русскими четыре фрегата. «И съ сею нечаянною викторією вамъ поздравляемъ, а какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость». «А что требовали вы о своей нуждѣ, приписывалъ Петръ собственноручно, то исполнимъ вскорѣ; такожь не извольте думать, чтобы мы васъ позабыли; но летать не умѣемъ, а идемъ хотя тихохонько, но слава Богу не отчаемся; а когда въ на-

(1) Прилож. № 3.

(2) Голицовъ, VIII, 431.

пяхъ дѣлахъ добро совершится, то и вамъ безъ труда добро дѣлать будемъ» (1).

Катерина неоднократно писала къ дялюшкѣ и тотъ постоянно отвѣчалъ ей въ самомъ дружелюбномъ тонѣ; вотъ напр. обращикъ этой полуофициальной, полуродственной корреспонденціи:

«Пресвѣтлѣйшая герцогиня, дружечно-любезная племянница! Мы благодарствуемъ вашему царскому высочеству и любви за учиненное по отправленной къ намъ вашей пріятной грамотѣ, отъ 10 декабря минувшаго года поздравленіе (съ) новымъ годомъ. И яко мы, во всемъ томъ, что вашему царскому высочеству пріятное и пожеланное приключится можетъ, особливое радостное участіе приедемъ такого взаимно желаемъ мы вашему ц. высочеству; и любви отъ Всевышняго, такъ въ наступившемъ новомъ году, какъ на многія слѣдующія лѣта всякой счастливости, постоянного здравія и саможелаемаго благоведенія и пребываемъ навсегда вашего царского высочества дружечно-охотный дядя Петръ» (2).

Не желая ограничиваться однимъ обмѣномъ поздравительныхъ рескриптовъ, Петръ душевно бы желалъ помочь, ради герцогини, ея мужу. Дѣла послѣдняго были крайне плохи. Онъ ни съ кѣмъ не уживался, никого не слушалъ; на него негодовалъ австрійскій императоръ, негодовали союзники и сосѣди, а болѣе всего жаловался, и не безъ основанія, его подданные.

— «Просишь ты, писалъ государь къ племянницѣ (3), о прежнихъ вамъ и нынѣ предстоящихъ обидахъ, чтобъ вамъ вспомочь, но и мы часто досады теримъ и сколько мочно при дворѣ цесарскомъ трудимся о вашей пользѣ». Государь совѣтовалъ имъ пока обождать, быть возможно уступчивѣе и «склоннѣе», что было по его мнѣнію, необходимо «по нынѣшнимъ пазитурамъ», а главное напоминалъ племянницѣ, чтобъ она убѣдила своего благовѣрнаго супруга, чтобъ, онъ не *все такъ дѣлалъ чего хочетъ, но смотря по времени и случаю*.

Не тутъ-то было. Благовѣрный Карлъ-Леопольдъ не унимался, не смотрѣлъ ни на время, ни на случай и дождался грозы со стороны цесаря. Въ его владѣнія, какъ онъ жаловался, неправеднымъ поступкомъ прислали «экзекуцію» (т. е. войско), герцогиня спѣшила послать жалобу къ Петру.

(1) Подлинныя письма Петра 1720 г. л. 1.

(2) Каб. дѣл. I пис. т. LXIV, л. 715.

(3) Письмо Петра 1720. л. 2 собственноручный отвѣтъ изъ Спб. 14 дек. 1720 г. на письмо герцогини отъ 23 ноября изъ Динаминда.

...«Сердечно (объ этомъ) соболѣзную, отвѣчалъ государь, но не знаю, чѣмъ помочь? *Ибо ежели бы мужъ вашъ слушался моего совета*, ничего бы сего не было; а нынѣ допустилъ до такой крайности, что уже дѣлать стало нечего. Однакожь прошу не печалься; по времени Богъ исправитъ и мы будемъ дѣлать сколько возможно» (1).

Съ заключеніемъ иштатскаго мира эта возможность представилась очевиднѣе, и Петръ на официалномъ поздравленіи племянницы «съ благимъ и пожелаемымъ миромъ», собственноручно приписывалъ: «и нынѣ свободнѣе можемъ въ вашемъ дѣлѣ вамъ вспомогать, лишь бы супругъ вашъ *помягче поступалъ*» (2).

Достаточно послѣднихъ словъ, чтобъ представить себѣ, какво было поведеніе Карла-Леопольда, герцога мекленбургскаго, если даже самъ суровый и грозный Петръ вынужденъ былъ напоминать ему о *мягкихъ поступкахъ*.

А вѣсти объ этихъ не мягкихъ поступкахъ, болѣе и болѣе отвращали царичу Прасковью и безъ того горькую разлуку съ любимицей Катюшкой; больная, она по цѣлымъ мѣсяцамъ (съ 1720 года) лежала въ постели, владела только руками; къ ея же горести, младшая дочь, бывшая при ней неотлучно, безпрестанно недомогала (3). И душевныя и тѣлесныя скорби вызывали со стороны старушки безпрестанныя просьбы къ «свѣтъ-Катюшкѣ», чтобъ она писала сколь возможно чаще и чаще:

«Пиши ты ко мнѣ царевна Екатерина Ивановна, безпрестанно напоминаетъ царица, пиши ко мнѣ про свое здоровье и про мужнее, и про дочкино почаше...» «Пиши ты ко мнѣ почаше, не крушите меня...» «Отпиши противъ сего письма, какъ можно поскорѣе... а письма твои Катюшка чту, и всегда плачу на ихъ смотря» и т. д. (4).

Что это были за грамотки, которыя обливала слезами Прасковья, мы не знаемъ; мы не нашли ни одной изъ нихъ въ просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ; вѣроятно онѣ сохраняются въ одномъ изъ московскихъ архивовъ и когда-нибудь явятся въ свѣтъ... Что они должны быть любопытны для характеристики царевны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, точно также, какъ не безинтересны письма ея маменьки, помѣщаемыя нами въ приложеніяхъ.

(1) Каб. дѣл. I пол. т. LXV и 260. письмо изъ Спб. отъ 16 марта, какъ кажется 1721 года.

(2) Подлинныя письма Петра. л. 3. 1721 г. 8 сент. Слб.

(3) Прилож. № 5.

(4) Прилож. №№ 3, 4, 6 и друг.

Въ этихъ письмахъ какъ нельзя лучше высказывается самая нѣжная материнская привязанность и заботливость старушки о «Катюшкѣ»; съ какою любовью спрашиваетъ она о ея дѣлахъ, какъ искренно груститъ о ея печаляхъ, какъ заботливо спрашиваетъ про болѣзни и какъ неутомимо исписываетъ грамотки совѣтамъ лечиться сколь возможно скорѣе и старательнѣе; часто напоминаетъ о наблюденіи супружескаго закона, молить не забывать Господа Бога; шлетъ подарки, удовлетворяетъ ея просьбамъ, наконецъ спрашиваетъ о новыхъ нуждахъ, съ полной готовностью выполнить малѣйшую просьбу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что ни въ одной строкѣ Прасковьи не прорывается упрека герцогу, котораго она имѣла бы полное право упрекать во многомъ. Если большая часть его поступковъ могла быть скрываема отъ старушки, то все-таки трудно предположить, чтобъ она ничего не знала и ни въ чемъ бы его не винила; но какъ женщина съ большимъ природнымъ умомъ, она не хотѣла упреками посѣвать раздоръ между супругами; она благоразумно находила, что упреки ни чему не помогутъ, а пожалуй вынудятъ капризнаго и своевольнаго Карла-Леопольда на какой-нибудь дерзкій поступокъ.

Прочитывая самыя нѣжныя, полныя материнской страсти письма Прасковьи къ Катюшкѣ и къ внучкѣ Аннушкѣ, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели въ этой любящей душѣ, на ряду съ столь прекраснымъ и сильнымъ чувствомъ, могли быть другія страсти?.. А между-тѣмъ, въ этой же душѣ, какъ мы увидимъ, гнѣздилась злоба непомѣрная, жестокость и звѣрство, превышающія всякое въроятіе, по видимому совершенно не мыслимыя въ женской натурѣ... Но это было такъ... объ этомъ свидѣтельствуютъ подлинныя бумаги...

Пока однако дойдемъ до этихъ фактовъ, послушаемъ горячія просьбы, гнѣвъ и заклятія, съ какими убѣждаетъ старушка ненаглядную Катюшку пріѣхать къ ней на житье; она съ замѣчательною постепенностью и искусствомъ подбираетъ самыя сильныя доводы о необходимости этого пріѣзда:

...«О васъ государь соболѣзнуетъ очень и всѣмъ хочетъ помочь, только не выдавшись съ вами, нельзя сего дѣла дѣлать; всеконечно надобно вамъ быть въ Ригу»... Царица жалуется на болѣзни, увѣряетъ, что отъ великихъ скорбей и несносныхъ печалей, не чаешь себѣ долгаго житія и проситъ простить ея грѣхи, буде что Господь сотворить... И все это пишетъ къ тому, чтобъ Катюшка «буде небрюхата, побывала бы у насъ, какъ вылечася для моей старости и для моей болѣзни»...

И тутъ, рассчитывая на авторитетъ государя и на его значеніе

относительно герцога, Прасковья настаиваетъ, чтобъ дочь просила его ѣхать къ ней въ Россію, а буде отправитесь «не покидайте дочки (Аннушки), не насадите меня при моей старости». Самымъ сильнымъ доводомъ Прасковьи было желаніе *дядюшки*, т. е. государя; его именемъ обнадеживала она дочь, что ихъ дѣло лучше устроится въ Россіи... «всеконечно, Катюшка, пишетъ царица, дядюшка говорилъ, что какъ пріѣдутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю; я не пишу никогда ложно»... (1)

«Что до меня, пишетъ Прасковья въ другомъ письмѣ, то я всеконечно больна и лежу въ разслабленіи, и тебѣ, Катюшка, всеконечно надобно ко мнѣ пріѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ; также чтобъ мнѣ видѣть твою дочку (того) безмѣрно желаю, тобъ я утѣшилась (еслибъ ее увидѣла)»... Затѣмъ опять тѣже обѣщанія, что дѣло герцога устроится тотчасъ же, лишь только онъ, либо Катюшка, пріѣдутъ въ Россію; новыя ссылки на дядюшку, на его желаніе видѣть при себѣ племянницу; а буде это желаніе не исполнится, то вы его тѣмъ «на крѣпко раскручините и у дядюшки всю свою пользу потеряете»... Но изъ слѣдующихъ же за тѣмъ строкъ ясно видно, что дѣло идетъ не столько о *пользѣ герцога*, сколько о сильномъ желаніи старушки «для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочку и внучку увидѣть, хоть на одинъ часъ».

Наконецъ видя, что ея желаніе по разнымъ причинамъ все еще не выполняется, Прасковья въ новомъ письмѣ начинаетъ грозить «Катюшкѣ» гнѣвомъ Божиимъ, даже проклятіемъ, буде та не пріѣдетъ къ ней (2)...

Интересно, что для большей убѣдительности просьбъ, Прасковья не разъ писала шутливья и въ то же время нѣжныя посланія къ малюткѣ внучкѣ своей Аннушкѣ.

Мы уже видѣли, съ какой заботливостью послала она къ ней игрушки и гостинцы; попеченія о единственной внучкѣ никогда не покидали бабушку: «которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ, пишетъ она между прочимъ къ «Катюшкѣ», и она посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить Русской грамотѣ» (3).

Какъ просто и какъ наивенъ взглядъ на образованіе своихъ птенцовъ у царицы-помѣщицы. Она приказала обучить грамотѣ одну изъ своихъ холонокъ, для того, чтобъ та въ свою очередь, когда придетъ пора, по ея велѣнью, открыла бы свѣтъ науки «не-

(1) *Прилож.* №№ 3, 6, 2 и друг.

(2) *Прилож.* тѣже.

(3) *Прилож.* № 3.

наглядной Аннушкѣ», дочери герцогини мекленбургской. Плавъ старушки однако, сколько намъ извѣстно, не исполнился: въ числѣ наставниковъ и наставницъ будущей правительницы всероссійской имперіи, мы не видимъ крѣпостную дѣвицу царицы Прасковьи.

Старушка въ особыхъ грамоткахъ просила «махоточку внучку» утѣшать батюшку и матушку, не давать имъ кручиниться. Смотрите напр. сколько нѣжности и любви въ этихъ посланіяхъ, писанныхъ Прасковьей къ внуцкѣ самыми тщательными каракульками, уставцемъ, на маленькихъ листочкахъ, бережно и красиво обрѣзанныхъ :

«Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкомъ и съ матушкой! Пishi ко мнѣ о своемъ здоровьи, и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правый глазокъ, а матушку въ лѣвый. Да посылаю я тебѣ свои глаза ☺ ☺ старые, и уже чуть видять свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя внучку маленькую видѣть».

«Внучка, свѣтъ мой! пишетъ бабушка въ другой грамоткѣ, желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочетца, хочетца, хочетца тебя, другъ мой внучка, мнѣ, бабушкѣ старенькой, видѣть тебя маленькую и подружиться съ тобой. Старая съ малой очень живутъ дружно а мнѣ съ тобой о нѣкихъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ, подумать и переговорить (нужно)» (1).

Надежды старушки свидѣться съ Катюшой и внучкой начали осуществляться. Еще въ январѣ 1722 года при дворѣ Петра стали поговаривать о скоромъ пріѣздѣ въ Россію герцога мекленбургскаго. 18 января сего года прибылъ отъ него въ Москву курьеромъ полковникъ Тилье. Пріѣздъ его не обратилъ бы на себя большого вниманія, еслибъ онъ не сопровождался слѣдующимъ приключеніемъ. Между Москвой и ближайшей отъ нея станціей, на мекленбургскаго полковника напали разбойники и самымъ неучтивымъ образомъ обобрали и его, и сопровождавшаго его егеря до послѣдней нитки, такъ что нѣмецъ курьеръ явился въ русскую столицу въ крестьянскомъ полушубкѣ... Вѣсть о такомъ грабежѣ вызвала разные толки, между прочимъ о порученіи, съ какимъ явился полковникъ. Оно было секретомъ для двора, но поговаривали, что Тилье присланъ въ Москву вслѣдствіе заговора противъ герцога мекленбургскаго, за который тайный совѣтникъ Вольфратъ съ женою и многія другія

(1) Прилож. №№ 5, 10 и 11.

знатныя лица, подверглись жестокому аресту; говорили между прочимъ и о томъ, что скоро прїѣдетъ въ Россію самъ герцогъ... (1).

Петръ дѣйствительно былъ не прочь видѣть его у себя, въ надеждѣ направить Карла-Леопольда совѣтами и личными убѣжденіями на настоящую дорогу, частью и потому, что хотѣлъ угодить невѣсткѣ, которая не переставала его осаждать просьбами вытребовать Катюшку въ Россію.

Вслѣдствіе всего этого, отъѣзжая въ персидскій походъ, государь 8 и 11 мая 1722 года отправилъ двѣ зазывныя грамотки къ любезнѣйшей племянницѣ:

«... Обнадеживаемъ васъ, пишетъ онъ въ первой, что мы его свѣтлости герцогу, супругу вашему, въ дѣлѣ его вспоможеніе чинить не оставимъ, но понеже потребно о такомъ важномъ дѣлѣ намъ съ его свѣтлостью самимъ разсужденіе имѣть и о мѣрахъ къ отправленію того согласиться, того ради, мы къ нему нынѣ... отправили... капитана Бибикова съ грамотою нашею, требуя, дабы его свѣтлость купно съ вами въ Ригу прїѣхали. И уповаемъ, что его свѣтлость, ради своей собственной пользы учинить не отречется. А ежели, паче чаянія, его свѣтлость для какихъ причинъ въ Ригу не поѣдетъ, то въ такомъ случаѣ желаемъ мы, (понеже невѣстка наша, а ваша мать, въ болѣзни обрѣтается и васъ видѣть желаетъ), дабы вы для посѣщенія оной прїѣхали сюда. Гдѣ мы съ вами и о дѣлахъ его свѣтлости переговорить и потребное объ оныхъ опредѣлить можемъ».

Вслѣдъ за этимъ рескриптомъ, писаннымъ рукой секретаря, государь подтверждалъ тоже приказаніе въ собственноручной припискѣ: «пакъ подтверждаемъ, чтобы вы прїѣхали, понеже мать того необходимо желаетъ для своей великой болѣзни.»

Курьеру, капитану Бибикову, императоръ, по убѣдительной просьбѣ невѣстки, вручилъ незапечатанную, собственноручную записку, въ которой просилъ любезную племянницу вѣрить тому, что будетъ говорить предъявитель записки, помнить, что «мать зѣло ее видѣть въ своей болѣзни желаетъ» и чтобы Катюшка всячески спѣшила прїѣздомъ (2).

Что касается до самой Прасковьи, то она написала при этомъ случаѣ длинное посланіе (отъ 15 мая) (3); главное содержаніе его состояло въ повтореніяхъ просьбъ прїѣхать поскорѣй; старушка не только утверждала, что отъ этого зависить вся польза ихъ собствен-

(1) *Берггольцъ* ч. II, с. 47.

(2) Подлинныя письма Петра, л. 4 и 5.

(3) *Прилож.* № 6.

наго дѣла, но даже нужнымъ сочла замѣтить, что при житьѣ въ Россіи «убытку имъ никакого не будетъ, — весь коштъ будетъ государевъ».

Пришла наконецъ вѣсть, что дорогая гостыя поднялась въ путь-дороженьку: свѣтъ Катюшка — безъ мужа, но съ четырехъ лѣтней дочкой ѣдетъ въ Москву... То-то радость, то-то веселье въ родимомъ Измайловѣ! Старушка засуетилась: она то заботливо отдаетъ приказанія о чисткѣ хоромъ, о приготовленіяхъ къ приему своей любимицы, то посылаетъ къ ней на встрѣчу, пишетъ письма, — дни для нея тянутся недѣлями, она считаетъ каждый часъ и ждетъ не дождется давножеланныхъ гостей.

Посмотрите, какъ суетится, какъ тревожится царица; время для нея такъ тянется долго, что она рѣшительно теряетъ надежду обнять дочку съ внучкой...

«Катюшка, свѣтъ мой здравствуй! послала я къ тебѣ Алексѣя Татищева... я думаю, что вы долго не будете? Пришлите вѣдомость, гдѣ вы теперь? чтобы вѣдать мнѣ... Пуще прежняго, ждемъ да не дождемся... Внучка моя здравствуй! пріѣзжай поскорѣй, не могу я васъ дождаться и, Богъ вѣсть, дождусь ли я или нѣтъ, по своей болѣзни...

За первымъ встрѣчикомъ посылаются новые; царица отправляетъ «Татьяну съ товарищи», за ними царевну Прасковью... Онѣ везутъ грамотки съ новыми сѣтованьями на медленность въ пути: «... Я васъ, свѣтовъ своихъ, пишетъ старушка, ожидаю въ радости; а больше вѣры нейму, что будете! Кажется, не будете! Ежели можно, поспѣшите поскорѣе, для того, что дитяти долго въ дорогѣ быть трудно и для моей болѣзни... Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить... у меня, свѣтъ мой, вамъ и хоромы вычищены для вашего покою... Чаю вамъ ѣхать трудно въ дорогѣ, а больше того дитяти великой трудъ. А думаю, я никакъ васъ не дождусь, по своей болѣзни... Хотя бы взглянуть (мнѣ) на внучку... У меня въ домѣ, свѣтъ мой, всѣ радуются твоему пріѣзду, а наипаче дочкѣ вашей»...

Отъ радости Прасковья стала бодрѣе, поправилась, прошолъ ломъ въ костяхъ, чѣмъ она много страдала; но ходить все не могла, и потому, какъ узнала что Катюшка близко, выслала ей на встрѣчу Василья Алексѣевича Юшкова, своего интимнаго, горячо любимаго фаворита. Царица посылала его вмѣсто себя, «впрочемъ тутъ же просила отнюдь не держать его при себѣ болѣе сутокъ»; пришли его ко мнѣ скорѣй, «а я тебя, писала царица, не могу дождаться» (1).

(1) Прилож. №№ 7, 8 и 9.

Представляемъ читателямъ самимъ вообразить картину встрѣчи Прасковьи съ любимой дочерью, послѣ пятилѣтней разлуки.

Катерина Ивановна пріѣхала въ Москву въ довольно скучную пору. Государь 13 мая, вслѣдъ за нимъ императрица (14-го ч.) и многіе изъ придворныхъ отправились въ Астрахань, въ персидскій походъ. Недѣли двѣ спустя выѣхали въ Петербургъ цесаревны Анна и Елсавета Петровны, также въ сопровожденіи большой свиты (1). Герцогиня Анна Ивановна жила въ Митавѣ, такимъ образомъ изъ имѣннѣйшихъ лицъ въ Москвѣ, оставался только герцогъ голштинскій съ своимъ штатомъ, добросовѣстно опорожнявшимъ съ своимъ господиномъ кубки съ виномъ въ засѣданіяхъ пьяной компаніи, основанной герцогомъ, подъ названіемъ: «тостъ коллегіи».

«Свѣтъ-Катюшка» заняла въ Измайловѣ отведенныя ей хоромы подлѣ матушки; въ большихъ флигеляхъ размѣстилась ея свита, между которыми были и мекленбургцы, такъ напр. капитанъ Бергеръ и друг. (2)

При дешевизнѣ тогдашней жизни и богатству запасовъ, получаемыхъ съ большихъ вотчинъ, измайловскія обитательницы жили въ достаткѣ, сытно, тепло, уютно; но, платя дань вѣку и собственному необразованію, жили довольно грязно; проводили время въ ѣдѣ, въ спаньѣ, въ исполненіи церковныхъ требъ и въ безцеремонномъ принятіи и угощеніи гостей до отвалу и опъянѣніа.

Если бы вы вслѣдъ за камеръ-юнкеромъ Берхгольцомъ (3) который, какъ статный парень — скоро полюбился толстенкой герцогинѣ, зашли бы къ ней въ измайловскій дворецъ, вамъ бы вѣроятно попалась на встрѣчу царевна Прасковья — блѣдная, растрепанная, съ выдавшимися скулами, осунувшимся лицомъ; она по обыкновенію въ дезабилье, но это не помѣшало бы ей сунуть вамъ для поцѣлуя свою костлявую руку. Вы цѣлуете и проходите въ комнаты

(1) Онѣ выѣхали вмѣстѣ съ Меншиковымъ 5-го іюня 1722 г. Князь часто извѣщалъ государя съ государыней о здоровьи и занятіяхъ цесаревнѣ *Каб. дѣла*, II полов. т. LX л. 559—579. См. также Діаріушъ *Ханеки* въ чт. Общ. Ист. 1858 г. Смѣсь кн. I с. 68.

(2) Не родственникъ ли извѣстному впослѣдствіи донощику Бергеру, виновнику лютыхъ казней, постигшихъ Латухиныхъ въ 1743 году?

(3) Онъ сдѣлалъ первый визитъ въ Измайлово въ свитѣ своего герцога 5 сентября 1722 г. Голштинцы отправились въ четырехъ каретахъ, каждая въ шесть лошадей, парадными дугами. Гостей встрѣчали и провожали въ Измайловѣ кавалеры герцогини и царицы. — Бесѣда тянулась съ часъ и какъ ни коротко было это время, но всѣ успѣли опорожнить по нѣсколько стакановъ венгерскаго вина, поднесеннаго гостепримными хозяевами.

герцогини не иначе, какъ чрезъ спальню больной царицы... а вотъ и Катерина Ивановна. Послушайте, какія она отпускаетъ уморительныя вещи, какъ весело болтаетъ, какимъ звонкимъ смѣхомъ залливается на весь домъ при каждомъ словѣ, по ея мнѣнію, остроумномъ... Хотите или не хотите, а вы должны выпить вина; вамъ его поднесутъ либо сама герцогиня, либо ея малютка дочь, либо подастъ больная Прасковья. — Предваряю, что отказываться неучтиво, да и непринято; пейте и сѣшьте за статнымъ камеръ-юнкеромъ... Хохотушка Катерина ведетъ его въ спальню, усталую краснымъ сукномъ, довольно еще чистымъ; герцогиня показываетъ свою кровать, Богъ знаетъ чѣмъ заслуживающую осмотра, и рядомъ съ ней въ альковѣ вы можете видѣть постель маленькой принцессы. Вообще убранство этой комнаты лучше остальныхъ, которыя меблированы крайне плохо.

Тише... что это за пискъ и вой? Оглядываетесь: предъ вами полуслѣпой, грязный и страшно провонявшій чеснокомъ и потомъ бандурщикъ, гнусливо затянулъ пѣсню, за ней другую, третью... Катерина Ивановна вообще любительница музыки и всякаго рода эстетическихъ наслажденій; она съ довольной улыбкой слушаетъ пѣнье; Берхгольцъ съ нѣмцами товарищами ничего не понимаетъ, а пѣсни всѣ сальны, не даромъ же царица Прасковья, въ качествѣ дѣвицы, считаетъ неприличнымъ оставаться въ комнатѣ, когда поютъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Кромѣ пѣсень бандурщика, герцогиня находитъ не мало удовольствія въ шуткахъ и скоморошничествѣ грязной, слѣпой и безобразной старухи, которая босикомъ, въ какомъ-то рубищѣ, смѣло и свободно разгуливаетъ въ ея комнатахъ. Особенный эффектъ постоянно производитъ слѣдующій фарсъ шутихи: по первому слову матушки Катерины Ивановны, старуха пускается въ плясъ, причемъ съ неподражаемымъ искусствомъ поднимаетъ спереди и сзади свои старья вонючія лохмотья...

Нѣмцы гости недоумѣвали, какъ герцогиня, столь долго жившая въ Германіи сообразно своему званію, можетъ здѣсь терпѣть такую бабу... Но недоумѣніе ихъ было странно. Катерина Ивановна привыкла къ шуткамъ, шутихамъ, карламъ, дурамъ, юродивымъ и т. п. исчадіямъ тогдашней боярской жизни съ малыхъ лѣтъ; вся эта обстановка не поражала, да и не должна была ее поражать; а у такого милаго супруга, какимъ былъ безпутный Карлъ-Леопольдъ мекленбургскій, она едва ли могла заимствовать новыя привычки и усвоить новый образъ жизни... Вотъ почему она и поспѣшила зажить по старому, лишь только попала въ родимое болото...

Въ этомъ болотѣ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ — былъ старый нашъ знакомый В. А. Юшковъ. Возвеличенный въ званіе главнаго управляющаго всѣми вотчинами и домами царицы, фаворитъ ея, онъ хлопоталъ объ интересахъ госпожи далеко не съ надлежащимъ усердіемъ. Хозяйство шло плохо, долговъ на «домѣ государыни царицы» считалось много, уплаты велись неакуратно; а при недосмотрахъ главнаго управляющаго, естественно, что не чищались мелкіе прикащики и тащили господское добро на право и на лѣво. Къ довершенію неурядицы заносчивый и своевольный Юшковъ, гордый связью и довѣріемъ къ нему Прасковьи, велъ себя относительно сослуживцевъ крайне дерзко и распоряжался ими по своему произволу.

Въ числѣ ихъ былъ подъячій Василій Деревнинъ. Сынъ дьяка изъ приказа большого дворца, Федора Петровича Деревнина, и свойственникъ одного изъ шести думныхъ дьяковъ Гаврилы Деревнина, Василій Федоровичъ началъ службу стряпчимъ при отцѣ и съ 1703 по 1714 годъ, состоялъ въ служителяхъ при комнатѣ царицы Прасковьи. Въ 1714 году, по царскому указу, опредѣленъ онъ въ Измайлово комиссаромъ «для отправленія государевыхъ дворцовыхъ волостныхъ дѣлъ». Въ небытность царицы въ Москвѣ съ 1715 по 1719 г. Деревнинъ управлялъ окладною казною царицы.

До сихъ поръ имъ были довольны, онъ исполнялъ свои обязанности спокойно, пользуясь надлежащей довѣренностью. Но въ 1718 году Деревнинъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, навлекъ на себя гнѣвъ Юшкова. Изъ Петербурга пріѣхалъ для его учета дьякъ Степанъ Тихменевъ, преданный слуга Юшкова и личный врагъ Деревнина. Учетъ и сдача казны продолжались довольно долго и только въ 1720 году Василій Федоровичъ, по собственному прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Сдача должности была неблагополучна для нашего стряпчаго. На него насчитали большіе начеты, онъ не зналъ какъ съ ними быть и дождавшись пріѣзда Юшкова съ царицей въ Москву, сталъ осаждать неотступными просьбами расчитать его безъ несправедливыхъ, по его увѣренію, начетовъ.

Кто изъ нихъ былъ правъ, изъ дѣлъ не видно; да для насъ рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ особенной важности. За то эта распря интересна въ томъ отношеніи, что въ ея послѣдствіяхъ какъ нельзя лучше выразилась личность старушки Прасковьи. Дѣло Василья Деревнина бросаетъ новый свѣтъ на царицу, типичную представительницу аристократокъ петровскаго времени. Эпизодъ этотъ столь важенъ, что мы отводимъ для него слѣдующія главы...

VI

ЦЫФРНОЕ ПИСЬМО.

«... Злымъ, отчаяннымъ, воровскимъ вымысломъ на честь ея величества Параскевиі Теодоровны и къ поношенію ея имени предано то письмо приказной публикѣ!»

(Виденіе въ полицію 29 сент. 1722 г.)

5-го января 1722 г. Деревнинъ въ сотый уже разъ пришолъ хлопотать по своему дѣлу къ Юшкову. Василій Алексѣичъ пріѣхалъ въ это время изъ Измайлова въ свитѣ Прасковьи, и царица по обыкновенію остановилась въ домѣ брата своего Василя Теодоровича, на Тверской, въ приходѣ Спаса (1).

Дождая фаворита, страпчій стоялъ на дворѣ; вдругъ изъ хормъ вышелъ Юшковъ; онъ не обратилъ вниманія на Деревнина, куда-то спѣшилъ и, прохода по двору, выронилъ нечаянно изъ кармана какую-то бумагу.

Страпчій оглянулся, на дворѣ не было ни души; онъ поднялъ бумагу: то было письмо руки царицы къ ея фавориту, писанное уставцемъ, многія слова были означены *литерами* подъ *титлами*; въ первой строкѣ такихъ словъ было три, въ другой — четырнадцать, въ третьей — три. Что это было писано Прасковьей Теодоровной, страпчій не сомнѣвался ни минуты: онъ очень хорошо зналъ ея почеркъ.

Радость и страхъ въ одно и тоже время овладѣли Деревнинимъ. Въ его рукахъ была какая-то тайна; раскрытіе могло дать возможность отомстить ненавистнику его Юшкову, а какъ доносчикъ — онъ получить награду.

Но радость смѣнялась страхомъ: находкой онъ вооружалъ противъ себя Прасковью: сила и значеніе ея хорошо были ему извѣстны. Въ царицѣ онъ наживалъ себѣ врага могущественнаго и непримиримаго. Возвратить ли письмо или представить его царю — вотъ вопросъ, который быстро мелькнулъ въ головѣ Деревнина. Не

(1) Этотъ домъ перешолъ потомъ къ Строганову, а отъ него къ князю Алексѣю Борисовичу Голицыну. *Щербатовъ*: О повр. нр. с. 22. У В. О. Салтыкова былъ еще дворъ въ Москвѣ за Яузскими воротами, за землянымъ городомъ.

возвратить — подвергнуться преслѣдованіямъ Юшкова и царицы; возвратитъ — потерять случай къ мщению и нарушитъ государевы указы, находя въ нихъ строгое повелѣніе ничего не утаивать «противнаго въ дѣлѣ государевомъ»; онъ находилъ и одобренія и поощренія къ доносу: «ежели бѣ кто сумнился о томъ, — гласилъ указъ 1714 года, — что ежели явится какой доносчикъ, тотъ бѣдствовать будетъ, то не истинно, ибо не можетъ никто доказать, которому бы доносителю какое наказаніе или озлобленіе было, а милость многимъ явна показана... Того ради, кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякаго сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ...» (1)

Деревнинъ былъ стряпчій, законникъ, не зная указовъ не могъ; забыть ихъ — также, и слѣдовательно немудрено, что чувство подъячяго, алчущаго мести и выслуги, взяло верхъ. Онъ поспѣшилъ со двора кравчаго съ завѣтнымъ письмомъ.

Въ тотъ же день, въ задушевной бесѣдѣ съ тестемъ своимъ, Терскимъ, подъячимъ по страсти и провинціалъ-фискаломъ по должности, Деревнинъ разсказалъ о находкѣ. Терскій долго разсматривалъ письмо, силился разобрать цифирь, но «разудить ее, какъ самъ сознавался, не могъ». — Я хочу подать письмо самому государю, — говорилъ зять. Тесть не отговаривалъ, а напротивъ, со взглядомъ знатока замѣтилъ, что письмо дѣйствительно «противное», т. е. важное и заслуживаетъ доноса.

Между-тѣмъ, пока стряпчій нашъ искалъ случая побить челомъ великому монарху, Юшковъ хватился письма, сталъ развѣдывать, расослалъ лазутчиковъ, и черезъ нихъ, при болтливости Деревнина, скоро узналъ въ чьихъ рукахъ письмо. Не долго думая, Василій Алексѣичъ тотчасъ же арестовалъ стряпчаго и заточилъ въ *особую казенку*. При боярскихъ домахъ для заточенья и штрафованія ослушныхъ челядинцевъ не было недостатка въ подобныхъ пріютахъ.

Деревнинъ просидѣлъ подъ самымъ строгимъ карауломъ восемнадцать дней, съ 5 по 23 января; къ нему никого не допускали.

(1) Указъ блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти императора Петра Великаго 1714 г. янв. 25. Цѣлый рядъ указовъ: ноября 1705 г. 2 марта 1711, август. 25, окт. 25 — 1713 г., янв. 25, сент. 26, дек. 24 — 1715 г., апрѣл. 16 и 19 — 1717 г., янв. 19 — 1718 г., 16 апр. 1719 г., 9 февр., 22 іюля 1720 г., февр. 19 пункт. 6 и 7 — 1721 г., янв. 11 — 1722 г., и многіе другіе указы вполнѣ и отчетливо объясняли, кому и какъ доносить, ободряли несмѣлыхъ доносчиковъ, возбуждали честолюбивыхъ общаніями, грозили трусливымъ наказаніемъ и проч. Рядъ этихъ указовъ далъ прочное развитіе на Руси цѣлой кастѣ доносчиковъ и шпионовъ.

Юшковъ требовалъ выдачи письма, Деревнинъ увѣрялъ, что его не имѣлъ и не имѣеть. Для провѣрки сего показанія, фаворитъ царицы наложилъ на заключеннаго «чепъ пудовъ въ пять». Пытка была слаба въ сравненіи съ сильнымъ желаніемъ Деревнина выслужиться и отомстить противнику. Отъ продолжительнаго и *тяжкаго* заточенія стряпчій заболѣлъ весьма опасно; но чѣмъ больше страдалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что письмо должно быть важное, если Юшковъ такъ настойчиво силится его вымучить.

23 января пришолъ къ Юшкову, какъ къ управляющему, конюхъ отъ двора его величества изъ Преображенскаго, съ требованіемъ выслать немедленно четырехъ бывшихъ прикащиковъ Измайлова, въ томъ числѣ и Деревнина, для нѣкоторыхъ справокъ, по повѣркѣ жалобъ царицы на безпорядочное ихъ управленіе.

Но Юшковъ, отославъ двухъ прикащиковъ, не нашолъ совмѣстнымъ съ своимъ дѣломъ исполнять приказъ вполнѣ, и не только не выпустилъ Деревнина, но усилилъ надзоръ за арестантомъ, приставивъ къ нему на конюшнѣ въ караулнѣ трехъ солдатъ. Дѣло принимало размѣры болѣе серьезныя, и въ тотъ же день къ заточенному явился, по приказу Прасковьи, служитель ея Андрей Кривскій. Ему поручено было снять полнѣйшій допросъ.

Кривскій началъ съ того, что выслалъ вонъ караулныхъ. «За чѣмъ тебя спрашиваетъ его императорское величество и чрезъ кого ты хлопоталъ, чтобъ тебя потребовали къ государю?»

— Я не хлопоталъ и не просилъ объ этомъ, отвѣчалъ Деревнинъ. ⁽¹⁾

Кривскій записалъ это показаніе, и записалъ съ слѣдующей уловкой, вмѣсто «спрашивалъ стряпчаго Деревнина его императорское величество» — «спрашивалъ Матвѣй Олсуфьевъ»; къ этой бумагѣ заставилъ Деревнина приложить руку и отнесъ допросъ къ царицѣ.

Съ 23 января заточеніе стряпчаго ухудшилось до такой степени, что отъ «жестокаго держанія онъ заскорбѣлъ и едва былъ живъ». Юшковъ струслилъ; государь былъ въ Москвѣ; государь могъ провѣдать про его самоуправство, и бѣда, если стряпчій умретъ подъ арестомъ. 30 января Деревнина выпустили, причемъ подъ великимъ страхомъ запрещено было ему отъ Юшкова съ чѣмъ бы то не было являться къ государю.

Надо думать, что пятипудовая цѣпочка невольно выдавила изъ

(1) Его требовали съ другими стряпчими царицы, Аргамаковымъ и Татищевымъ, для провѣрки счетныхъ книгъ, въ которыхъ были неправильно выведены приходъ и расходъ денегъ, выданныхъ изъ кабинета государева. *Каб.* II пол. кн. 65 л. 478 и кн. 68 л. 589—590.

нашего героя желаніе заявить Петру цѣфирное посланіе царственной старушки; онъ не уговорился, сталъ болтать о своемъ намѣреніи — и вотъ, не даѣе какъ двѣ недѣли спустя, отъ Юшкова явились новые сыщики, съ приказомъ схватить Деревнина. Но стряпчій былъ на этотъ разъ осторожнѣе; находя домъ тестя ⁽¹⁾ неполниѣ надежнымъ убѣжищемъ, онъ поспѣшно собрался въ дорогу, обложился подушками, и вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ деревню свояка своего, ревельскаго школьника Петра Иванова Юрьева. ⁽²⁾ Юрьевъ зная, что свояка ищутъ, боялся долго его укрывать, и своякъ до сентября мѣсяца переѣзжалъ изъ деревни въ деревню своихъ родственниковъ въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

Надоѣла ему наконецъ жизнь бродяги. Разсчитывая на то, что государь скоро вернется изъ Астрахани, а царица запомнотвала о немъ и о таинственномъ письмѣ, Деревнинъ вернулся 11 сентября въ Москву и остановился попрежнему въ домѣ своего тестя. Если вѣрить Терскому, то онъ держалъ зятя не скрытно, думая, что никто уже его не потревожитъ.

Но тревожился Юшковъ, тревожилась и царица. Петра не было, руки были развязаны, и они начали дѣйствовать смѣлѣе и свободнѣе, съ полной увѣренностью, что съ поемкой Деревнина, вымучать отъ него письмо. Юшковъ повелѣлъ служителямъ именемъ царицы отыскать стряпчаго и за доставку его въ Измайлово, посулилъ 100 рублей. Награда была заманчива; начался поискъ; но у Деревнина были друзья. Александръ Барнавалоковъ и Федоръ Балувевъ, служители царицы, посѣтили его въ домѣ Терскаго и объявили о поискахъ. «Обѣщано за тебя 100 рублей и больше, и ужъ многіе де тебя ищутъ» — говорили друзья и говорили совершенно справедливо.

29 сентября, у Покровскихъ воротъ, за землянымъ городомъ, Деревнинъ наткнулся на царицына конюха Евтихія Соловцова.

— Стой, братъ! закричалъ Соловцовъ, — всѣмъ намъ приказано, поймать тебя, привезть, и обѣщана за то великая награда, ступай за мной.

Страхъ придавъ силы, и Деревнину удалось отбиться отъ Соловцова; за то съ этого времени онъ сталъ такъ бдительно хорониться то у тестя, то у свояка, то у другихъ родственниковъ, что Юшковъ

(1) Въ Огородной слободѣ, въ приходѣ церкви Харитонія Исповѣдника, за Мясницкими воротами.

(2) Жоны Юрьева и Деревнина были родныя сестры, дочери Григорья Терскаго.

потерялъ наконецъ надежду поймать его своими людьми и обратился къ пособію оберъ-полиціймейстера.

Полковникъ Максимъ Петровичъ Грековъ былъ еще новичекъ въ своемъ дѣлѣ; званіе московскаго оберъ-полиціймейстера только еще было учреждено (ук. 19 января 1722 г.), и онъ всячески старался угодить сильнымъ міра сего; на его усердіе и Юшковъ и Царяца смѣло могли положиться.

Такимъ образомъ, 24 сентября отъ двора царицы представлено было къ нему вѣденіе. Въ немъ стреманный Никита Іевлевъ объявлялъ, что дому его государыни служитель Деревнинъ, находившійся у ея казны, похитилъ знатную сумму денегъ, нѣсколько тысячъ рублей, бѣжалъ съ женой, дѣтьми и съ пожитками, скрывается въ Москвѣ, а гдѣ — то можетъ указать посланный служитель. Нечего и говорить, что мнимая (какъ ниже увидимъ) кража Деревнина была только официальной причиной его сыска.

Грековъ немедленно послалъ капитана Пазухина и каптенармуса Лодыженскаго арестовать бѣглеца съ его семействомъ и служителями, а пожитки, какія сыщутся, описать, запечатать и приставить къ нимъ караулъ. Буде же Деревнина не сыщутъ въ домахъ, указанныхъ служителемъ, и тѣхъ домовъ хозяевъ, жильцовъ и прислугу привести въ полицмейстерскую канцелярію, дома опечатать и приставить къ нимъ караулъ.

Оберъ секретарь Тихменевъ, повѣренный царицы и самъ судья, привелъ капитанъ-поручика съ его свитой въ домъ фискала Терскаго. Команда была съ заряженными ружьями, и придя на мѣсто, поспѣшила одѣшить домъ съ улицы и переулка. Въ верхнихъ палатахъ былъ Деревнинъ; услыхавъ шумъ и, догадавшись кто были гости, онъ бросился черезъ калитку на смежный дворъ; полиція не нашла его, не нашла и хозяина дома: по какому-то сутяжническому дѣлу онъ былъ подъ арестомъ при военной коллегіи, у прокурора Пашкова; — Терскаго отправился выручать въ тотъ день на поруки Юрьевъ, а къ послѣднему уѣхала въ гости жена Деревнина.

Полиція нашла въ домѣ Терскаго его племянницъ, Катерину Игнатьеву и Афиью Еремѣеву; слугу Деревнина — Харитона Иванова, слугъ Юрьева — Ивана Петрова, Евстафія Спирдонова, наконецъ шведа Егора Яковлева, купленнаго Терскимъ на улицѣ по весьма сходной цѣнѣ, всего за 2 руб. 50 коп. мѣди. Всѣ они «избитые мучительно», такъ по крайней мѣрѣ писалъ впоследствии Терскій, со связанными руками назадъ, были отправлены къ оберъ-полиціймейстеру; даже баба изъ сосѣдняго дома, Марья Назарова, пришедшая посудачить къ служанкамъ Терскаго, и та была схвачена усердными полицейскими. Они обшарили весь домъ, перепор-

тили мебель, вещи, переломали замки, перетрясли пуховики да перины, но ничего *подозрительнаго* не нашли, кромѣ двухъ бумажекъ: то были задравныя памяти. Ихъ почему-то Пазухинъ считъ пужнымъ представить начальству, вмѣстѣ съ чернильницей, палячимъ кнutomъ и сѣрой лошадыю съ нѣмецкимъ сѣдломъ. Въ какой степени эта лошадь нужна была для допросовъ, неизвѣстно. Совершивъ такимъ образомъ набѣгъ на домъ мирнаго гражданина, полиція оставила все его имущество подъ печатью и карауломъ.

Приведенная партія арестантовъ тотчасъ подверглась самымъ обстоятельнымъ и подробнымъ до нелѣпости опросамъ. Грекову и повѣренному отъ царицы нужно было только знать: куда скрылся Деревиннъ, а между тѣмъ, слѣдуя правиламъ тогдашняго (да и нынѣшняго) дѣлопроизводства, они должны были интересоваться вопросами и отвѣтами, нимаю не идущими къ дѣлу, т. е. какого вѣроисповѣданія, происхожденія, гдѣ родился, чѣмъ занимается, былъ ли наказанъ — такой или такая-то отвѣтчикъ и отвѣтчица?

И вотъ, вслѣдъ за любопытнымъ полковникомъ, мы узнали, что отцы приведенныхъ дѣвицъ, братья Терскіе, были: одинъ — вольноотпущенный князя Сергія Долгорукова, а другой — крестьянинъ боярина Сверчкова, отданный имъ въ солдаты; что дядюшка ихъ, провинціаль-фискаль, въ благопріобрѣтенномъ домѣ котораго онѣ живутъ, имѣетъ большую прислугу, а для острастки ее держитъ кнугъ. Харитонъ Ивановъ генеалогію свою помнилъ гораздо хуже: онъ не зналъ напр. сколько ему лѣтъ, какое его прозвище, крѣпостной ли онъ по рожденію или купленный, и если купленный, то какъ была велика его стоимость; впрочемъ сообщилъ нѣсколько извѣстныхъ уже намъ свѣденій о переѣздахъ его барина, Деревянина, изъ деревни въ деревню. Если память измѣнила Харитону Иванову, за то Иванъ Петровъ очень хорошо помнилъ, что отецъ его былъ кузнецъ, что онъ родился въ Суздальскомъ уѣздѣ, причемъ Петровъ не преминулъ назвать село, означенное его рожденіемъ, замѣтилъ, что ему 35 лѣтъ отъ роду и третій годъ пошолъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взятъ своимъ баринномъ Юрьевымъ въ Москву и живетъ въ его домѣ, въ Китай городѣ, у Ильинскихъ воротъ. Что касается до шведа Егора Яковлева, по прозвищу Боровкова, столь сходно купленнаго Терскимъ, то мѣста своей родины онъ не помнилъ, крѣпостной или нѣтъ — того обстоятельно не зналъ; зналъ одно — огородъ да капусту, ввѣренную его храненію, и то зналъ только потому, что за недосмотръ, какъ и явилось по осмотру его спины, Егоръ «весьма знатно битъ кнutomъ».

— Нѣтъ, не кнutomъ меня били, говорилъ Боровковъ, меня били батогами да плетьюми.

Впрочемъ, полиціймейстеръ не съ разу повѣрилъ, ибо и здѣсь память Егора могла ему измѣнить. Измѣнила она и шестнадцатилѣтнему крѣпостному мальчику г. Юрьева, Остафію Спиридонову. «По осмотру его синиы явилось, что онъ битъ кнутомъ»; но юноша стоялъ на томъ, что баринъ сонзволилъ битъ его за домашнія вины ничѣмъ инымъ, какъ только плетью да батогами.

Приведенныя нами показанія отобранны были далеко не простымъ спросомъ. Кулаки и батоги, какъ неизмѣнное условіе тогдашняго полицейскаго вопроса (нынѣ они забыты?), были пущены въ дѣло ⁽¹⁾. Если вѣрить Терскому, то Грековъ, и еще болѣе Тихменевъ, пристрастный судья, человѣкъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, бранили допрашиваемыхъ самыми скаредными словами, были нѣкоторые по щекамъ собственноручно, наконецъ раздѣвали и пороли плетью и батогами.

Марья Назарьевна сообщила, что мужъ ея, Федоръ Даниловичъ Валяевъ, служитель царицы Прасковьи; что она зашла нынѣ въ домъ Терскаго по сосѣдству, съ намѣреніемъ довольно мирнымъ — заказать его служанкамъ шесть рубахъ. Такъ какъ болѣе интереснаго Марья ничего не сказала, то ее въ тотъ же день и освободили, но не иначе, какъ на поруки, подъ росписку мужа, съ тѣмъ, чтобы явилась въ полицію по первому востребованію.

Всѣ эти показанія, представляя намъ двѣ-три черты не безинтересныя для знакомства съ нравами того времени, ничего однако не разъяснили Грекову. Было уже исписано листовъ десять первыми допросами и било десять часовъ ночи, когда Грековъ нашолъ нужнымъ поручить тому же капитану Пазухину отправиться въ домъ Юрьева, поискать тамъ Деревнина, а въ случаѣ неудачи, арестовать какъ водится всѣхъ жильцовъ, хозяекъ и хозяйна дома.

Новый набѣгъ полицейскаго партизана и на этотъ разъ не вполне удался: Деревнинъ вновь ускользнулъ изъ его рукъ. Но домъ былъ оцѣпленъ вооруженными солдатами; полицейскіе рыскали по комнатамъ вездѣ и все перешарили; Пазухинъ ругался, «чинилъ разныя обиды», а когда Петръ Ивановичъ Юрьевъ, хотя и ревельскій школьникъ, вносившій за себя ежегодный выкупъ двѣсти руб. въ адмиралтейство, но во всякомъ случаѣ баринъ самъ, не лишон-

(1) Достойно замѣчанія, что уже много лѣтъ спустя не только послѣ петровской эпохи, но и послѣ знаменитыхъ указовъ, отмѣнявшихъ пытки, нѣкоторые виды ея, разумеется беззаконно, существовали еще въ разныхъ мѣстахъ необъятной Россіи. Укажу на одинъ видъ подобныхъ секретныхъ истязаній, — на *перчатки*: это нечто иное, какъ особый видъ ручныхъ кандаловъ въ одинъ, два, четыре, шесть и даже болѣе пудовъ вѣса.

ный права драться, вздумалъ оставивать полицейскаго, то вспыльчивый капитанъ-поручикъ отпустилъ ему такого тумака кулакомъ въ голову, что тотъ нашолъ неудобнымъ продолжать дальнѣйшее объясненіе. Съ дамами боецъ отъ полиціи велъ себя не менѣе деликатно. Жена Юрѣва, дерзнувшая также что-то сказать, получила ударъ кулакомъ «въ зашей» столь ловкій, что слетѣла съ высокаго крыльца, и непременно бы разшиблась до смерти, — такъ повѣствуетъ въ своей жалобѣ очевидецъ Терскій, — если бы добрые люди не подхватили барыню, бывшую въ это время «чреватую».

Было четыре часа ночи, когда Пазухинъ кончилъ обшаривать да опечатывать имущество въ домѣ Юрѣва. Оставивъ здѣсь караулъ, онъ отвелъ въ полицмейстерскую канцелярію Григорія Терскаго, его жену Прасковью Дмитріевну, Петра Юрѣва и жену его Анну Григорьевну; что же касается до жены Деревнина, то лишь только она узнала о набѣгѣ полиціи въ домъ ея отца, она тотчасъ ушла изъ дому Юрѣва и куда скрылась — неизвѣстно.

Въ полиціи арестантовъ разсажали по казенкамъ; главнѣйшій изъ нихъ, Григорій Терскій, посаженъ былъ въ колодничью палату, въ которой быть было нельзя: въ сырой, тѣсный и душный полвалъ загнаны были 200 человекъ; высидѣвъ въ подвалѣ ночь, Терскій, какъ самъ свидѣтельствуеъ, едва живъ остался.

Между-тѣмъ допросы продолжались всю ночь; Тихменевъ, личный врагъ Деревнина, не уставалъ; не утомился и господинъ оберъ-полиціймейстеръ въ увѣренности, что его труды сторицею вознаградятся отъ щедротъ благодушной царицы.

Отъ Юрѣва, его жены и тещи слѣдователи ничего особеннаго не узнали; гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе были отвѣты провинціаль-фискала, составленные съ большимъ искусствомъ человека бывалаго, извѣдавшаго всякаго рода сутяжничество.

Да и немудрено, вольноотпущенный князя В. М. Долгорукаго, онъ началъ службу при «инспекторѣ» Курбатовѣ въ ратушѣ, съ 1706 г. былъ у кабацкихъ и таможенныхъ дѣлъ надзирателемъ, потомъ инспекторомъ въ московской ратушѣ, былъ отставляемъ отъ одной должности, получалъ другую, и хотя все это доставалось «не изъ дачъ», какъ самъ увѣрялъ, но въ справедливости его показаній мудрено не усумниться. Съ 1721 года, при посредствѣ оберъ-фискала Нестерова (смертью на висѣлицѣ поплатившійся впоследствии за взятки и мошенничество), Терскій слѣланъ былъ провинціаль-фискаломъ. Какъ можно видѣть, тестъ Деревнина занималъ должности и получалъ мѣста прибыльные, чисто въ подъяческомъ родѣ, и постоянно пребывалъ въ средѣ сутяжничества да ябедничества; если

ему по должности приходилось составлять ловкія челобитныя и доносы, то не менѣ ловко вывертывался онъ изъ обстоятельствъ самыхъ тѣсныхъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ могъ оправдываться съ чистою совѣстью: за нимъ не было никакой вины; онъ только имѣлъ неосторожность найти показанное ему цыфирное письмо бумагою важною, и потомъ держалъ Деревнина у себя, по держалъ не какъ преступника, а какъ близкаго родственника.

— Помилуй, господинъ полковникъ, говорилъ Терскій Грекову при началѣ допроса, — ты велѣлъ меня допрашивать оберъ-секретарю Тихменеву, а Тихменевъ особа подозрительная, и Тихменеву при допросѣ не надлежитъ быть. Я подалъ на него въ надворный судъ по своему дѣлу доношеніе, да и ему, Тихменеву, переданы счетныя книги у казны царицыной послѣ зятя моего Деревнина.

— Нѣтъ, это ничего, пустяки, возразилъ оберъ-полиціймейстеръ: Тихменеву выходить не для чего. Отвѣчай ему.

Нечего дѣлать. Терскій долженъ былъ отвѣчать, и сообщилъ свѣденія о томъ, съ какого и по какое время жилъ у него Деревнинъ, когда съѣхалъ съ Москвы и проч. Куда дѣвался Деревнинъ, того Терскій не вѣдалъ. По разнообразію вопросовъ, разнообразны были и отвѣты. Полюбопытствовали узнать, для чего у него мастерской, т. е. палачный кнутъ? «Для острастки людей моихъ, спокойно отвѣчалъ провинціалъ-фискаль: купилъ я кнутъ у носящаго человѣка, въ Китай-городѣ, близъ Казанскаго собора; отчего у того кнута конецъ-хвостецъ въ крови, — того я не знаю; купилъ его такъ съ кровью. Изъ людей же билъ только мальчика Спиридонова за воровство и побѣгъ, да Егора Боровкова за домовья кражи и подводъ ко двору воровскихъ людей; билъ ихъ не я самъ, а мои же люди, и притомъ не этимъ кнутомъ, а кучерскимъ...»

Подѣлвшись столь интересными фактами, Терскій заявилъ надежду, что къ 29 сентябрю Деревнинъ явится въ полицію; основываясь на этомъ, Тихменевъ предложилъ ему подписать обязательство: буде не представитъ онъ, Терскій, зятя своего въ теченіи четырехъ дней, то за то взять будетъ на немъ показанный отъ царицы Прасковьи недочетъ, виновникомъ котораго находятъ бывшаго казначея.

Отобравши подписку, слѣдователи не нашли однако нужнымъ освободить Терскаго для поисковъ зятя; напротивъ, заковали его въ желѣза, съ строгимъ запрещеніемъ кого бы то ни было подпускать къ нему и говорить съ нимъ.

Обвиненіе на зятя, будто онъ обворовалъ казну царицы, — Терскій положительно отрицалъ; но сказывалъ Грекову, что имѣетъ за собой нѣкоторое государево дѣло, которое надлежитъ объявить въ

сенатъ, либо въ тайной канцеляріи. Грековъ вынуждалъ сказать ему это дѣло; Терскій долго колебался: ему непремѣнно хотѣлось какъ-нибудь отдѣлаться отъ полиціи, хоть бы съ переводомъ въ тайную канцелярію. Но «по многому принужденію», отозвалъ Грекова въ отдѣльную казенку: «за зятемъ моимъ, объявилъ Терскій, такое государское дѣло, что у него есть нѣкоторое противное письмо руки царицы Прасковьи къ служителю ея Юшкову; а письмо съ литерными словами подъ титлами; въ немъ нѣтъ ничего противъ здоровья его императорскаго величества, ни объ измѣнѣ и бунтѣ, но уразумѣть его я не могъ, понеже оно цыфренное».

Грековъ, можетъ быть и не подозревая, что это письмо и есть главный поводъ ко всему дѣлу, не нашолъ показаніе Терскаго достойнымъ тайны, и выходя изъ казенки, приказалъ то дѣло объявить явно.

— Если я то дѣло объявлю, отговаривался Терскій, то въ страхъ буду, чтобъ мнѣ то за вину не причлось.

— Объяви не опасаясь, — повторялъ оберъ-полиціймейстеръ: здѣсь у насъ только трехъ словъ судить не велѣно; а оное жъ дѣло не какое важное; а здѣсь такая-жъ канцелярія, какъ и тайная.

Тогда Терскій нашолся вынужденнымъ повторить свое показаніе и оно было записано.

Подозрительность слѣдователя и усердіе Грекова доходили до крайности. Одинъ изъ жильцовъ въ домѣ Юрьева, Скрипицынъ, послалъ къ нему въ полицію кафтанъ, подушку, а слугамъ хлѣбъ на прощтаніе. Посланный схваченъ и немедля подверженъ допросу. Федоръ Даниловъ, такъ звали служителя Скрипицына, весьма обстоятельно разсказалъ, гдѣ и когда онъ родился, какъ прежде былъ въ извошикахъ, кого возилъ и съ кѣмъ ѣздилъ, какъ его прибилъ и ограбилъ въ одной деревнѣ какой-то Никита Грозный, а его поэтому дѣлу въ городѣ Пошехонѣ посадили въ тюрьму, наконецъ какъ, освободившись изъ нея, онъ панялся въ Москвѣ въ услуженіе къ секретарю генерала Чернышсва, къ г. Скрипицыну.

Выслушавши, мало того — записавши разсказъ, не имѣвшій ни малѣйшаго отношенія къ производимому слѣдствію, Грековъ полюбопытствовалъ даже осмотрѣть спину Данилова, — и спина, — чему нельзя не подивиться, — оказалась *цѣла*.

26 сентября оберъ-полиціймейстеръ положилъ слѣдующія рѣшенія: 1) Племянницъ Терскаго, Игнатѣву и Еремѣву, также служителя г. Юрьева, Петрова, освободить подъ росписки знатнымъ московскимъ людямъ, у которыхъ свои дома есть, съ обязательствомъ по первому требованію представить людей въ полицію. 2) Служителя Харитона Иванова разсирсить въ застѣнкѣ подъ пыт-

кой (1), куда скрылся его господинъ Деревнинъ. 3) Шведа Борова и мальчика Спиридонова также допросить въ застѣнкѣ подъ пыткой: за что и чѣмъ именно они биты. 4) Петра Юрьева и жену Терскаго освободить для сыску Деревнина, но не иначе какъ подъ росписку знатныхъ людей. 5) Фискала Григорья Терскаго «до подлиннаго розыска и до указа» держать особо подъ крѣпкимъ карауломъ, скованнымъ, дабы «онъ утечки не учинилъ и никого къ нему не пропускать, понеже онъ допросомъ своимъ самъ себя приманилъ къ немалой важности о *безцестіи* ея величества великой государыни благовѣрной царицы Прасковьи Федоровны». 6) Пожитки въ домахъ Терскаго и Юрьева *прибрать въ одни* кладовыя подъ печать и караулъ. (Эта уборка производилась полицейскими, и можно себѣ представить, въ какомъ порядкѣ она дѣлалась и въ какой цѣлости были вещи!)

Въ тотъ же день для какой-то справки по недочетамъ казны Прасковьи, оставшимся на Деревнинѣ, сыскали въ Кадашевской слободѣ торговца Курочкина; въ бытность Деревнина казначеємъ, онъ былъ купчиною при дворѣ царицы (вѣроятно поставщикомъ или подрядчикомъ), и потому надѣялись добиться отъ него нѣкоторыхъ объясненій; но кромѣ свѣденій о мѣстѣ своего рожденія, родѣ занятій и проч., Курочкинъ не нашолъ что рассказать, и его отпустили подъ росписку.

Любопытно было бы знать, дѣлались ли эти освобожденія послѣ нѣкоторыхъ *реинспектовъ* оберъ-полиціймейстеру? Судя по угодливости Грекова Прасковѣ и ея клеветамъ, трудно допустить, чтобы онъ упускалъ случай поживиться отъ добродетельныхъ дателей, особенно, когда эти датели готовы были на все, чтобы только вырваться изъ смрадныхъ подваловъ — въ нихъ же быть нельзя?

Не безъ страха ждалъ скованный Терскій 29 сентября: въ этотъ день зять его долженъ былъ явиться въ полицію; буде Деревнинъ не явится — Терскаго предадутъ пыткамъ; а въ присутствіи повѣреннаго царицы и врага его Тихменева — пытка не могла быть снисходительна. Съ нетерпѣніемъ ждали этого дня царица и ея фаворитъ.

Наконецъ настало завѣтное число. Деревнинъ не доставленъ въ

(1) Право пытать и чинить всякаго рода экзекуціи всемілостивѣйше предоставлено было полицмейстерской канцеляріи 18 января 1721 года. Великій монархъ собственноручно предписалъ: «Полиц. канцеляріи чинить розыскъ и экзекуціи тѣмъ, которые будутъ пойманы въ городѣ и слободахъ въ какомъ воровствѣ (т. е. въ преступленіяхъ низшаго рода), кромѣ разбоя, татбы и тому подобныхъ дѣлъ». Но для акуратности, о розыскахъ и экзекуціяхъ полиціймейстеръ обязанъ былъ рапортовать юстицъ-коллегіи.

полицію — и стреманный Никита Левлевъ явился въ канцелярію съ новымъ объявленіемъ либо вѣденіемъ; оно было написано рѣзко, сильно; въ немъ явно выражались досада и гнѣвъ Прасковьи. Царица въ особенности была озлоблена показаніемъ Терскаго о цѣфирномъ письмѣ: до него дѣло производилось о *кражѣ* Деревинна; теперь всѣ увидѣли, что это не болѣе какъ маска; главная пружина всего есть таинственное посланіе; извѣстіе о немъ, какъ записано было у Грекова, клонилось къ *безчестію* имени ея величества. Вотъ какъ выразилась злоба госпожи въ объявленіи ея стреманнаго: обвиняя Терскаго въ укрывательствѣ бѣлаго стряпчачаго, Левлевъ писалъ: «Провинциаль-фискаль упомянулъ въ допросѣ о какомъ-то письмѣ царицы; но въ немъ, во его жъ словамъ, ни о здоровьи государя, ни объ измѣнѣ, ни о бунтѣ не написано, то и не слѣдовало Терскому упомянуть объ этомъ письмѣ, развѣ по злему его умыслу и къ поношенію чести ея величества, понеже онъ Терскій доирашиванъ о укрывательствѣ въ похищеніи казны ея величества зтемъ его Деревиннымъ, а къ этому безъ всякой причины присовокупилъ въ допросѣ злымъ его, Терскаго, воровскимъ, отчаяннымъ вымысломъ о чести ея величества, чего ему, ежели бы не по злобѣ къ поношенію чести ея величества *приказной публикѣ* тѣмъ допросомъ предавать не надлежало. Притомъ, когда не взыскивали на немъ вора Деревинна, тогда онъ ни о какомъ письмѣ не упоминалъ, а когда стали онаго вора на немъ приказнымъ случаемъ взыскивать, и онъ, Терскій, умыслилъ воровски упомянутое оклеветаніе и за злобу началъ чинить. Если же въ письмѣ была какая-нибудь важность, — весьма ловко заключалъ составитель объявленія, — то не отдавая его Деревинну и *не предавая приказной публикѣ*, Терскій долженъ былъ представить его куда слѣдуетъ» (1).

Обстоятельство это, по мнѣнію составителей объявленія, до такой степени было важно, что они отъ имени царицы просили полицію допросить Терскаго *въ застѣнкѣ и пытку* принудить его представить Деревинна.

Просьба царицы была бы выполнена непременно въ самомъ скорѣйшемъ времени и съ величайшимъ стараніемъ. Тайный доносчикъ, фискаль Терскій совершенно случайно слѣблался бы мученикомъ *приказной публичности*, страдальцемъ за гласность, но его слава повечительная — не матушка, а тайная канцелярія!

Дѣло въ томъ, что еще за два дни до рокового 29 сентября, сынъ

(1) Царица съ Юшковымъ не знали еще, что виновникомъ публичности объявленія Терскаго о цѣфирномъ письмѣ былъ усердный оберъ-полиціймейстеръ. Это обстоятельство открылось гораздо позже изъ новаго показанія Терскаго 22 октября.

Терскаго, Иванъ, явился туда съ челобитьемъ; въ немъ онъ изложилъ ходъ дѣла и намѣреніе полиціи пытать его отца въ то время, когда за батюшкой есть тайное государственное дѣло. Была ли эта выходка со стороны молодого Терскаго благороднымъ порывомъ какъ-нибудь спасти отца, или старикъ нашолъ возможность передать сыну такое порученіе, — неизвѣстно; какъ бы то ни было, только слово: тайное государственное дѣло — имѣло обычную силу. Въ тотъ же день, 27 сентября, посланъ былъ въ полицію указъ Скорнякова-Писарева, немедленно прислать къ нему въ тайную — Григорья Терскаго.

Непріятно было это повелѣніе ни царицѣ съ Юшковымъ, ни Грекову, отъ котораго съ Терско-Деревнинскимъ дѣломъ ускользалъ изъ рукъ весьма лакомый кусокъ; три дня не высмалъ онъ Терскаго въ надеждѣ повымучить отъ него что-нибудь интересное для царицы; но далѣе мѣшкать было нельзя, послушаться могущественной тайной канцеляріи — дѣло невозможное, и 30 сентября, не безъ грусти, расторопный оберъ-полиціймейстеръ препроводилъ Терскаго по назначенію. До какой степени ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, видно изъ того, что дѣло его не было препровождено въ тайную, а отправлено о немъ доношеніе, въ которомъ тщательно подобраны были самыя грозныя обвиненія и противъ него, и противъ Деревнина.

1 октября члены тайной канцеляріи изъ допроса, святаго съ Терскаго, узнали, что государственное дѣло, о которомъ писалъ его сынъ, состояло въ вѣденіи за Деревнинымъ цифирнаго письма царицы къ Юшкову, которое онъ видѣлъ, но разобрать не могъ.

Тотчасъ же поручено молодому Терскому привести Деревнина. Стряпчій на этотъ разъ не скрылся, свѣдавъ, что дѣло перешло въ тайную канцелярію, не столь доступную вліянію и подкупу царицы Прасковьи и ея фаворита; наконецъ въ увѣренности, что новые судьи его, какъ лица постороннія, будутъ безпристрастнѣе, онъ поспѣшилъ изъ дома Юрьева (гдѣ скрывался) явиться на призывъ.

Въ первомъ же допросѣ обстоятельно познакомивъ членовъ тайной канцеляріи съ своей генеалогіей и подробностями формулярнаго списка, Деревнинъ разсказалъ, какъ и гдѣ нашолъ онъ злополучное письмо, какъ хотѣлъ его предъявить государю императору, разсказалъ о преслѣдованіяхъ Юшкова, и тутъ же представилъ злополучное письмо генералу и гвардіи полковнику И. И. Бутурлину, одному изъ членовъ канцеляріи.

Бутурливъ поспѣшилъ завернуть письмо въ особый пакетъ и завечаталъ собственной печатью.

Вѣсть о сыскѣ Деревнина быстро прилетѣла къ царицѣ; она по-

ручила оберъ-полиціимейстеру добыть ей «злодѣя стряпчаго», и Грековъ въ тотъ же день представилъ въ тайную канцелярію убѣдительнѣйшую и настоятельнѣйшую просьбу препроводить къ нему Терскаго съ Деревнинимъ для розыску и окончанія начатаго дѣла (1), ссылаясь на извѣстный намъ указъ Петра 21 января 1720 г., всемілостивѣйше даровавшего право полиціи чинить пытки и экзекуціи по всеѣмъ «приводнымъ и воровскимъ дѣламъ», ссылаясь на сенатскую инструкцію, — все было напрасно. Тайная канцелярія очень хорошо знала, что ея собственная коллекція всевозможныхъ инструментовъ для пытокъ и казней несравненно богаче подобнаго же музея полицейской канцеляріи, что въ случаѣ нужды она и сама ступитъ *разыскать* кого бы то ни было, и потому не обратила вниманія на просьбы Прасковьи и Юшкова, переданныя устами любезнаго оберъ-полиціимейстера.

Гласъ его остался — гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Пылая гнѣвомъ и жаждою мести, царица рѣшилась наконецъ покинуть село Измайлово и самой добыть либо Деревнина, либо свое цыфирное письмо (2).

(1) Что касается до Юрьева, то онъ освобожденъ 2 октября вмѣстѣ съ тещею подъ росписку. Тогда же крестьянинъ Федоръ Даниловъ, такъ некстати явившійся къ нему съ подушкой и кафтаномъ, посланъ въ дворцовую канцелярію для повѣрки его показаній.

(2) Верш. дѣла. Р. Д. тайн. канцел. картонъ № 15: дѣло стряпчаго Василія Деревнина. Оно состоитъ изъ трехъ частей. I. Дѣло, присланное изъ полиц. канцел. о В. Деревнинѣ 81 л., а въ немъ слѣд. документы: а) Вѣденіе Іевлева въ полицію 24 сент. б) Рѣшеніе Грекова 24 сент. в) Докладъ Пазухина. г) Заздравная и заукольная память Терскаго. д) Росписка въ приѣмъ арестантовъ подъ караулъ. е) Допросъ Игнатъевой. ж) Допр. Еремѣевой. з) Доп. Харитона Иванова. и) Допр. Петрова. і) Боровкова. к) Спиридонова. л) Валяевой. м) Приказъ Грекова о новой арестации. н) Допр. Юрьева. о) Юрьевой. п) Григорія Терскаго. р) Терской. с) Обязательство г. Терскаго. т) Допр. Ф. Данилова. у) Рѣшеніе Грекова 26 сентября. ф) Допр. Курочкина 27 сентября. х) Росписки поручныя разныхъ лицъ. ц) Указъ т. канц. о присылкѣ Терскаго. ч) 29 сент. вѣденіе под. Іевлевимъ. ш) 1 окт. донош. полиціи въ т. канц. щ) 2 окт. росп. поручителей за Юрьева и др. Опись всему дѣлу и экстрактъ для тайной канцеляріи. Во II ч. дѣл. о стряпч. Деревнинѣ — производ. въ тайн. канцел. 90 листовъ. Смотр. просьбу И. Терскаго — 27 сент., указъ Писарева, доношеніе Грекова о необходимости кончить сіе дѣло въ полиціи, допросы 1 окт. Терскаго и Деревнина.

VII

МЩЕНІЕ СТАРУШКИ.

«Благовѣрная государыня, взмилуйся и помилуй! Статно ли то, что ты дѣлаешь и что есть хорошаго?»

(*Стрелянной Гевлевъ 2-го Окт. 1722 г.*)

На другой день, 2 октября, Прасковья отложила поѣзку въ Москву до вечера, можетъ быть потому, что утромъ либо она сама, либо ея приближенные были развлечены любопытной, хотя и обыкновенной въ то время сценой: близъ города колесовали трехъ чело-вѣкъ убійць и фальшивыхъ монетчиковъ; они получили только по одному удару колесомъ, по каждой рукѣ и ногѣ; колесо изломало руки, перебило ноги, но преступники остались живы, и ихъ крѣпко привязали лицами къ колесамъ ⁽¹⁾. Зрѣлище было отвратительное; одинъ изъ нихъ, старикъ, изнеможенный предварительными пытками, нѣсколько часовъ послѣ казни испустилъ духъ; но остальные, молодые парни, долго еще боролись со смертью; можно было думать, что они проживутъ на колесѣ, какъ это и случилось, двое, трое, даже четверо сутокъ. Молодцы были румяны; равнодушно, чуть не весело поглядывали по сторонамъ, и ни стономъ, ни жалобой не обнаруживали страданій. Одинъ изъ нихъ, къ величайшему изумленію толпящихся зрителей, съ большимъ трудомъ поднялъ разможонную руку, повисшую межъ зубцовъ, отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто.

Но эффектъ былъ еще поразительнѣе, когда тотъ же страдалецъ, замѣтивъ, что онъ замаралъ колесо нѣсколькими каплями крови, съ страшнымъ усиліемъ вновь вытащилъ изувѣченную руку и бережно обтеръ колесо.

Толпа съ любопытствомъ глядѣла на страшную сцену. Многіе вспоминали при этомъ о недавнихъ казняхъ, рассказывали другъ-другу подобныя интересныя сцены: какъ-де одинъ повѣшенный за ребра въ первую же ночь приподнялся, вытащилъ изъ себя крюкъ и упалъ на землю; несчастный проползъ на четверинькахъ нѣсколько сотъ шаговъ, спрятался, его нашли и повѣсили на тотъ же крюкъ.

(1) Колеса обыкновенно утверждались горизонтально на толстыхъ столбахъ.

Другіе вспоминали о сожженіи на кострѣ живого раскольника: какъ неустрашимо глядѣлъ онъ на пылающую руку и только тогда от-вернулся, когда дымъ сталъ жечь глаза и вспыхнули его воло-сы... (1).

Хорошо было зрѣлище колесованныхъ, хороши были и воспо-минанія, вызванныя ихъ предсмертными муками; именитыя лица да любознательныя пноземцы разѣхались по гостямъ, стало тем-пѣть, разбрелся и народъ, толкуя о видѣнномъ и слышанномъ.

Между-тѣмъ Прасковья Федоровна пообѣдала и собравшись съ силами, «за часть до отдачи дневныхъ часовъ» приказала позвать главнаго своего стремяннаго, Никиту Ивановича Іевлева.

— Заложи *карету*, — приказывала царица, — созови людей, пусть полячка Михайловна возьметъ водку, да конюхъ Аксенъ за-хватитъ съ собой кулекъ съ кнутьями (2).

Въ шесть часовъ экипажъ былъ готовъ; закутанная царица взя-ла трость, и не въ состояніи будучи ходить (Прасковья сильно стра-дала, если не ошибаюсь, водяной), приказала служителямъ отнестъ ее въ карету. Царицу провожали человѣкъ двадцать: здѣсь были Сергѣй Тихменевъ, одинъ изъ враговъ Деревнина, Фрейлина или ся служавка, полька Михайловна, стремянной Никита Іевлевъ, братъ его, задворный конюхъ и подкдюшникъ Теокистъ Іевлевъ, пажи Тимофей Павловичъ Воейковъ и братъ его Федоръ Воейковъ, Кондратъ Ивановичъ Маскинъ, братъ его Михаилъ Маскинъ, Ва-силій Маломатовъ, дворцовый сторожъ и истопникъ Степанъ Пя-тилѣтъ, плѣнный шведъ — служитель Карлусъ-Орихтъ, стряпчій Андрей Седриковъ, конюхъ Аксенъ Синьковъ, приказный избы села Измайлова, подъячій Михайло Крупениковъ, конюхъ Анку-днѣвъ, Степанъ Трофимовъ и нѣкоторые другіе.

Кортежъ тронулся въ путь; погода была ясная: ночью выпало много снѣгу и на дворѣ трещалъ морозъ. Будучи по Мясницкой ули-цѣ, царица подозвала пажа Тимофея Воейкова: «Поѣзжай къ ца-ревнѣ Катеринѣ Ивановнѣ и доложи ей, чтобъ она немедля ѣхала

(1) *Бертольдъ*, ч. II, с. 282—284.

(2) Всѣ подробности настоящаго разсказа заимствуемъ изъ подлинныхъ пока-заній восьми служителей царицы и двухъ солдатъ тайной канцеляріи. Каждое показаніе болѣе или менѣе дополняется одно другимъ и объясняетъ сказанное. Мы свели въ одинъ связный разсказъ всѣ мелочи любопытнаго происшествія, что не совсѣмъ было легко, ибо онѣ разсыяны среди безпрестанныхъ повто-реній однихъ и тѣхъ же отвѣтовъ и оправданій, нерѣдко довольно спутанныхъ. Дѣла Р. Д. Т. К. карт. 27. дѣло о стряпчемъ Васильѣ Деревнинѣ, листы 51—91.

къ генералу Ивану Ивановичу Бутурлину и попросила выдать мѣ Деревнина и письмо, по которому его взяли.»

Тяжелая карета потащилась далѣе по Мясницкой въ тайную канцелярію; она находилась на концѣ Мясницкой, противъ церкви Пресвятыя Богородицы Гребневскія ⁽¹⁾. Кстати замѣтимъ, что такъ называемая карета была ничто иное, какъ колымага, сдѣланная снаружи на подобіе фургона; въ колымагѣ, вмѣсто спдѣній, наложеры были подушки, а окна и двери завѣшаны кожей, мѣстами золоченой и тисненой ⁽²⁾.

Прошло семь часовъ ⁽³⁾, когда царица, подѣхавъ къ «тайной» велѣла нести себя въ арестантскія палаты или подвалы, грязные и мрачные, никогда не опорожнявшіеся отъ заключенныхъ. Одни служителя несли царицу на особой скамьѣ, другіе шли впереди и сзади шумною толпою, съ зажжонными восковыми свѣчами.

Внесенная въ переднюю палату, Прасковья по старинному обычаю, тщательно выполняемому нѣкогда ею самой, стала раздавать колодникамъ милостыню. На этотъ разъ царица имѣла другую цѣль и раздача милостыни была только однимъ изъ средствъ къ ея достиженію.

— А гдѣ сидитъ Деревнинъ? — спросила она у провожавшихъ.

— Изволь, государыня, идтить въ другую палату, — молвилъ въ отвѣтъ стремянной.

По указанію Гевлева, царицу пронесли далѣе въ палату, наполненную раскольниковъ. Здѣсь вновь раздавая милостыню, старушка съ участіемъ спросила:

⁽¹⁾ Этотъ домъ въ настоящее время по наружности своей не имѣетъ ничего замѣчательнаго, огроменъ, хорошъ, новѣйшей архитектуры. Достоинъ замѣчанія, что въ царствованіе Александра I-го, которому и принадлежитъ честь уничтоженія всероссійскихъ пытокъ, въ домѣ бывшей тайной канцеляріи помѣщено было библейское общество. Старожилы московскіе еще помнили въ 1830-хъ годахъ желѣзныя ворота тайной *московской* канцеляріи; отъ выходили на Лубянскую площадь, караулъ стоялъ во внутренности двора; со страхомъ проходилъ мимо *тайной*, съ ужасомъ поглядывали на желѣзные затворы и рѣшотки... *Путевод. по Москвѣ*. 1831 г. ч. III с. 172.

⁽²⁾ Такъ описываетъ кареты или колымаги царица — *Щербатова* (О поврежд. нравовъ, с. 9). Кареты были до такой степени рѣдки, что бояринъ Лыковъ, человекъ пребогатый, выписавшій въ это время орѣховую карету, украшенную рѣзбой съ точеными стеклами, нестоившей и 1000 руб., возбудилъ столь сильную зависть князя Меншикова, что тотъ дѣлалъ нападки на Лыкова, чтобы только получить этотъ экипажъ. Дѣдъ Щербатова, наслѣдовавшій по смерти Лыкова карету, не хотѣлъ ее уступить свѣтлѣйшему князю — и за то лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній.

⁽³⁾ Село Измайлово лежитъ въ семи или восьми верстахъ отъ Москвы по большой дорогѣ.

— Гдѣ сидитъ мой служитель, Василій Деревнинъ, — я хочу и ему дать милостыньку?

Колодники сѣдѣли указать милостивой монархинѣ отдѣльную казенку, гдѣ сидѣлъ Деревнинъ.

— Онъ сидитъ здѣсь, благовѣрная государыня, — говорилъ часовой Красновъ, — въ крѣпкомъ мѣстѣ, пускать къ нему никого не вѣлено.

— Какіе вы дураки! кротко замѣтила Прасковья: — вы не пускаете меня, а я хочу ему только милостыньку дать! Несите меня къ казенкѣ!

— Да здѣсь никакого колодника нѣтъ, — говорили часовые, надѣясь хоть обманомъ остановить неожиданную гостью. Гостя не слушала; ее несли Пятилѣтъ, Карлусъ, Кондратъ Маскинъ, О. Воейковъ, О. Левлевъ и В. Маломаховъ; а другіе служителя, какъ-то: М. Маскинъ, Тихменевъ — шли впереди и освѣщали путь.

Подъячій государыни постучалъ въ дверь; дверь не отворяли: капраль Иванъ Красной, надзиравшій за этой тюрьмой, сопротивлялся; его ударили подъ бокъ, двухъ часовыхъ отбросили въ сторону, и кто-то изъ служителей силою отворилъ дверь.

Ярко освѣтилась казенка лишь только внесли въ нее государыню; струсившій Деревнинъ повалился въ землю.

— А, такъ ты вотъ гдѣ гость! заговорила старушка, внезапно измѣняя видъ и голосъ: — тутъ-то ты гость! хотѣла я тебѣ милостыню дать, да не за что: накости ты много мнѣ надѣлалъ! Какое ты письмо на меня подалъ, гдѣ взялъ, куда дѣвалъ?

— Нашолъ я его, благовѣрная государыня, на дворѣ у Василья Оedorовича Салтыкова.

— Куда дѣлъ... подай письмо сюда... говорила старушка; лицо ея загорѣлось гнѣвомъ и удары посыпались на арестанта. — Подай письмо, письмо давай сюда, — твердила она, и снова тяжелая трость опускалась на голову и лицо Деревнина.

Царицу отвлекъ отъ бесѣды съ Деревниннымъ Воейковъ.

— Былъ я у государыни царевны, — доносилъ пажъ, — и царевна Екатерина Ивановна ѣздила по твоему, государыня, приказу къ Бутурлину. Иванъ Ивановичъ обѣщалъ отдать Деревнина.

— Ступай опять къ царевнѣ, слышишь, скажи, чтобъ она сейчасъ же сѣздила въ другой разъ къ Бутурлину: пусть попроситъ отдать мнѣ Деревнина немедля; я буду ждать здѣсь... Деревнина мнѣ подайте!

Воейковъ сѣдѣлъ выполнить приказъ, а милостивая госуда-

рыня вновь соизволила взяться за трость, и новые удары покрыли «плоть, лицо и спину» бывшего ее стряпчаго.

— Письмо на меня подашь, казну покралъ, совѣмъ обокралъ меня — приговаривала царица, задыхаясь отъ гнѣва.

Въ казенкѣ было тѣсно, смрадно; въ ней набралось много народу; пылающія свѣчи увелпчивали жаръ. Успенныя движенія видимо разстроили старушку: она такъ старательно работала тростью, что забывъ болѣзнь, поднялась на ноги и тѣмъ скорѣе устала; ей нуженъ былъ просторъ — и она велѣла вести заключеннаго въ переднія палаты.

Толпа двинулась. Пятилѣтъ, Кондратъ Маскинъ, Н. Іевлевъ, С. Тихменевъ, Михайло Крупенковъ поволокли за собой Деревнина.

Встревоженный каптенармусъ Бобровскій, дежурный по караулу, думая, что Деревнина хотять вовсе увести изъ-подъ ареста, просилъ его не трогать; наконецъ видя, что просьбы не дѣйствуютъ, сталъ въ дверяхъ и силою хотѣлъ удержать исполнительныхъ челядницевъ.

— Помилуй, благовѣрная государыня, — взмолился каптенармусъ, низко кланяясь царицѣ и закрывая дверь: — мнѣ по артикулу — великій страхъ! Воля твоя, государыня, какъ изволишь; а я изъ-подъ караула его не отдамъ: онъ сидитъ въ государевѣ дѣлѣ.

Нетерпѣливая царица не слушала; она прикрикнула на служителей, тѣ двинулись впередъ, помjali бока Бобровскаго и Деревнина впереди носилокъ Прасковьи провели далѣе.

— Запирай, замыкай дверь на выходъ, не выпускать колодника! закричалъ каптенармусъ солдатамъ. Онъ очень хорошо памятовалъ артикулъ: «Когда-де кого стеречь приказано, а тотъ злодѣй чрезъ небреженіе караульнаго уйдетъ, или отъ караульнаго безъ указа отпустится, тогда виновный въ семь вмѣсто преступителя надлежащее наказаніе претерпитъ.» (1)

Старушка впрочемъ не была обязана знать воннекіе артикулы; «уставъ о процессахъ и экзекуціяхъ» не для нея былъ писанъ, и она никакъ не могла себѣ объяснить дерзость Бобровскаго.

— Какъ ты смѣешь не пускать меня? что-жъ ты за карауломъ што-ль держишь царицу?

— Я тебя, благовѣрная государыня, за карауломъ не держу, —

(1) Книга уставъ воінскій купно при семь артикулъ воінскій, пзд. 1719 г. Спб. Арт. 267.

отвѣчалъ дежурный, — а колодника изъ канцеляріи, какъ изво-
лишь, не отдамъ, потому по артикулу мнѣ страхъ немалый.

Процессія должна была остановиться въ передней или прихожей
палатъ. Въ негодованіи Прасковья опустила на скамью; къ ней
подвели трепещущаго Деревнина.

— Обыщите его хорошенько, — приказывала государыня, соби-
раясь съ силами: обыщите, нѣтъ ли при немъ пожара?

Быстро обшарили арестанта, ножа не нашли; отыскался мѣшо-
чекъ съ деньгами: служителя немедля вытрясли ихъ въ свои кар-
маны.

— Всемялостивѣйшая государыня, взмолился Деревнинъ: — гра-
бать меня, деньги у меня выняли, я дѣтище небогатый.

— Это я приказала взять у тебя деньги, — успокоительно отвѣ-
чала старушка: — для чего ты у меня разворовалъ, гдѣ ты письмо
взялъ?

Допрашиваемый внился въ томъ, въ чемъ и прежде.

— Держите его хорошенько, крѣпче, — говорила государыня и
вновь стала гнѣваться словами, а потомъ, по свидѣтельству служи-
телей, «мало помѣшкавъ, соизволила собственною ручкою и тростью
бить стряпчаго по плоти и по лицу многократно.»

Между-тѣмъ Бутурлинъ не пріѣзжалъ.

— Шведъ Карлусъ! поѣзжай ты къ Ивану Ивановичу, — пове-
дѣла Прасковья: — скажи, что я здѣсь — жду, пока выдадутъ мнѣ
Деревнина.

Чтобы скорѣй вызвать свою жертву изъ царскихъ подваловъ и
привести въ свои измайловскія казенки, Прасковья съ тѣмъ же
порученьемъ отправила Никиту Іевлева къ Скорнякову-Писареву
(къ нему еще прежде ѣздилъ Карлусъ, но безуспѣшно), члену тай-
ной канцеляріи.

Иванъ Ивановичъ и Григорій Григорьевичъ имѣли полное право
отказать Прасковью Федоровну; но, какъ люди, состарѣвшіеся въ
дѣлахъ придворныхъ, они вѣдали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, вѣдали,
что царица пользуется большимъ уваженьемъ монарха — и не дерз-
нули на прямой отказъ. Съ другой стороны исполнить просьбу было
дѣло опасное; они сами еще не знали, въ чемъ состоитъ цыфирное
письмо, какъ взглянуть на все происшествіе суровый господинъ,
не потребуетъ ли онъ отъ нихъ отчета, — а что значитъ давать от-
четъ Петру и на сколько сподручно оправдываться предъ нимъ —
всѣмъ было извѣстно.

Между двухъ огней, Бутурлинъ и Писаревъ прибѣгли къ одной
и той же ловкѣ: зная обо всемъ, происходившемъ въ тайной кан-

целярии изъ донесеній дежурнаго каптенармуса , они приказали часовымъ объявить вѣстовымъ царицы , что господь иѣтъ дома ; Бобровскому же послали тайный приказъ — отнюдь не отпускать Дервинна .

Всѣ эти неудачи еще болѣе раздражили Прасковью ; въ жилахъ ея разгоралась кровь деспотки-помѣщицы и властительной особы , не привыкшей къ отказамъ .

А предъ ней плакалъ и молилъ о пощадѣ недостойный служитель , ее огорчившій . Лицо его было покрыто синяками , ссадинами , ранами , по щекамъ струилась кровь , глаза заволакивались опухолью...

Картина эта не смягчила гнѣвную царицу .

— Держите его крѣпче , Пятилѣтъ , да ты , Карлусъ , жгите свѣчами лицо его , носъ , уши , шею , глаза поджигай , да бороду , бороду-то ему выжги !

Стряпчій , пораженный ужасомъ , задулъ одну свѣчку ; ее вновь зажгли ; онъ старался выбиться изъ рукъ служителей , но К. Маскинъ , Т. Воейковъ , Крупениковъ , Трофимовъ , Ф. Іевлевъ и другіе попеременно крѣпко держали его за руки и за волосы ; голову Дервинну загнули назадъ для болѣе удобнаго обжогу . Истопникъ Пятилѣтъ жогъ лицо , а шведъ Карлусъ , замѣтивъ , что носъ уже обожжонъ Васильемъ Моломаховымъ , старательно занялся выжиганіемъ бороды .

— Какое ты письмо на меня подалъ , гдѣ взялъ , куда его дѣлъ ? повторяла царица , какъ кажется не столько для вопроса , сколько изъ желанья что-нибудь причитывать въ одобренье доморощеннымъ палачамъ .

Дервиннъ мычалъ , стоналъ , тщетно бился : онъ былъ въ крѣпкихъ рукахъ .

— Государыня , смилуйся и помилуй ! — взмолился подъячій тайной канцелярии , Григорій Павловъ , падая въ ноги Прасковьи , — повели не чинить жженіе Дервинна , потому де за нимъ , за Дервиннымъ , дѣло есть государево , мы будемъ за него въ отвѣтъ .

— Гоня его прочь , да снимите съ злодѣя моего рубашку !

Павлова оттолкнули (1) . — Дервинну оголили спину . Колючъ

(1) На Павловѣ , какъ на подъячемъ тайной канцелярии , лежала большая отвѣтственность : въ силу указа 12 апрѣля 1722 года за несохраненіе арестантовъ , какъ-то : выпускъ ихъ изъ тюрьмы и проч. , «подъячихъ приказано было розыскивать и пытать вмѣстѣ съ караульщиками , дабы поманки не было . А буде судьи въ томъ подъячимъ поманку учинять , то сами подлежатъ , яко разбойники , казни смертной .» Желаніе спасти собственную свою спину отъ непріятностей розыска , должно было вызвать заступничество со стороны Павлова .

Аксентъ , по приказу монархини , явился съ кулькомъ , а въ немъ были кнутыя ; вынулъ Аксентъ кнутъ понадежнѣе и приготовился работать .

Посреди палаты , для острастки и обиденныхъ пытокъ арестантовъ , стоялъ между прочимъ деревянный козелъ ; на него обратила вниманіе царица и приказала взволочить на козелъ обожженного Деревнина .

Прасковья Федоровна поразила твердостью приказаній всѣхъ окружающихъ , чуть не съ малолѣтства уже привыкшихъ ко всякаго рода сильнымъ ощущеніямъ , начиная отъ домашняго батога до застѣбнаго кнута .

Бобровскій хлопоталъ не о томъ , чтобы не увезли Деревнина : онъ страшился уже , что отъ арестанта ничего не останется , молилъ о пощадѣ и ежеминутно напоминалъ : « за арестантомъ де есть дѣло государево . » Никита Іевлевъ также не вытерпѣлъ , и пользуясь значеніемъ своимъ при царицѣ , дерзнулъ доложить :

— Умплосердися , благовѣрная государыня , какъ изволишь , а необычно все это : статное ли это дѣло и что есть хорошаго ?

Старушка же напротивъ была убѣждена , что въ ея поступкахъ ничего не было дурного . « Я де имѣю полное право , мало того , я должна наказать , какъ хочу , вѣроломнаго служителя » ; такъ могла думать царица , и рѣшительно недоумѣвала , съ какой стати являются у Деревнина заступники .

И вотъ приказъ подтверждается , жертву волокутъ на козелъ .

Но распахнулась дверь — и въ палату , въ сопровожденіи пажы Восейкова , вошла герцогиня мекленбургская , царевна Катерина Ивановна . Она не поѣхала вторично къ Бутурлину , вѣроятно убѣдившись изъ перваго свиданія въ безуспѣшности просьбъ отпустить Деревнина , а отправилась къ матери прямо въ тайную канцелярію .

При входѣ въ нее , герцогиня была поражена оригинальнымъ зрѣлищемъ . Среди грязнаго подвала на козлѣ растянуть за руки и за ноги обнаженный Деревнинъ ; онъ стонетъ и вопитъ о пощадѣ ; казенки полны народу : здѣсь солдаты , караульные , подъячій , группы молчаливыхъ арестантовъ , раскольниковъ и другихъ колодниковъ , слѣдящихъ не безъ ужаса , какъ изволитъ гнѣваться государыня , царица Параскевія Федоровна ; сама она на скамьѣ , съ тростью въ рукахъ , дрожащая отъ гнѣва , съ побагровѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами ; картина освѣщена мрачнымъ , какимъ-то похороннымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей ; воздухъ смерть , пахнетъ жженымъ человѣческимъ мясомъ , волосомъ , и среди чада ярко вырп-

совывается атлетическая фигура Аксена съ кнутомъ въ рукахъ, готоваго по первому слову начать *штрафованье*.

Катерина Ивановна пошептала на ухо царицѣ, вѣроятно просила спустить стряпчаго съ козла. Старушка на этотъ разъ послушалась. Деревнина сняли и надѣли на него кафтанъ.

— Письмо куда дѣлать, откуда и гдѣ ты его взял? — въ сотый разъ спрашивала Прасковья.

— Я его поднялъ на дворѣ кравчаго Василья Федоровича Салтыкова.

И государыня снова взялась за прежнее, снова за трость, била Деревнина по лицу и по головѣ; а уставши, «паки» поручила Пятилѣту да Карлусу пообжечь его лицо и шею; Моломаховъ да Ѳ. Левель держали допрашиваемаго.

Слабые нервы герцогини не могли вынести сего зрѣлища: она поспѣшила проститься съ матерью и оставила ее одну упражняться въ изобрѣтеніяхъ новыхъ пытокъ.

За ними дѣло не стало. Живая фантазія Прасковьи скоро навела ее на мысль о пыткѣ, если не новой, то по крайней мѣрѣ рѣдко употреблявшейся.

— Полячка Михайлова! — закричала она фрейлинѣ, сходи въ карету, да принеси оттуда бутылку съ водкой.

Водку принесли. Моломаховъ, Крупениковъ и Воейковъ крѣпче взяли за арестанта. Шведу Карлусу повелѣно лить на голову Деревнина. Водка, или лучше сказать спиртъ (вино въ то время не разжижалось еще такъ щедро водой), потекъ по лицу, т. е. по отвратительной язвѣ и раздѣдалъ ее страшно. Какъ ни исполнительнъ былъ шведъ, но онъ лилъ немного, вылилъ не болѣе полубутылки. Жалко ли ему было Деревнина, или желалось сберечь водку для обратнаго пути въ Измайлово, неизвѣстно.

— Зажигай! крикнула царица, обращаясь къ Пятилѣту.

Истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, привыкшій жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказъ старушки; но монархиня собственноручно соизволила толкнуть его руку со свѣчею къ головѣ Деревнина — и голова всыхнула какъ порохъ!

Страшный, не человѣческій вопль огласилъ подвалы и казенки тайной канцеляріи и замеръ подъ ея мрачными сводами. Несчастнѣйшій судорожно рванулся изъ рукъ рабовъ, метнулся въ одну сторону, бросился въ другую, ударился о печку и въ страшныхъ конвульсіяхъ упалъ на полъ... Голова его пылала... Колодники, сторожа, слуги, палачи — все, кромѣ государыни, были въ оцѣпенѣніи!

А голова все пылала, все пылала и курилась невыносимымъ чадомъ.

Первый очнулся Бобровскій. Мысль, что за этимъ арестантомъ есть государево тайное дѣло, что его непременно нужно собрать для допросу, а можетъ быть и для пытокъ, какимъ благоволитъ его предать царское величество, мысль эта гвоздемъ засѣла въ голову дежурнаго каптенармуса, и онъ суетливо бросился распоряжаться тушеніемъ курьёзнаго пожара... Кто-то изъ колодниковъ, по его приказу, утушилъ огонь полою своего кафтана.

Прасковья пожелала посмотрѣть на копченаго стряпчаго и казначея. Узнать его не было возможности. Волосы сгорѣли; лицо вздулось, посинѣло, почернѣло, мѣстами вовсе выгорѣло; глаза заплавили опухолью; подбородокъ тщательно обожжонъ, и только сквозь раздутыя, черныя губы слышались стоны.

Видъ несчастнаго еще болѣе раздувалъ гнѣвъ царицы. Старушка, не чувствуя усталости, крайне занятая и оживленная своимъ дѣломъ, все еще находила, что мщеніе ея неполно, чего-то еще недостасть; она жаждала чего-то новаго, и въ ожиданіи его, принялась за старое: ручка монархини и крѣпкая трость вновь загуляли по ли... но вѣтъ, то не было уже лицо, въ громадной язвѣ не было даже и подобія образа человѣческаго.

Если не безъ ужаса и негодованія цѣпенѣемъ мы предъ страшною картиною, существованіе которой не можетъ быть оправдано ничѣмъ (истина всегда истина, въ какой бы вѣкъ она не существовала), то за то и не безъ удовольствія находимъ въ подлинныхъ документахъ указанія на то, что нѣкоторые служителя царицы, какъ напр. Кондратъ Маскинъ, Никита Іевлевъ, Тимофей Воейковъ, Осдоръ Воейковъ, Осоктистъ Іевлевъ, были поражены ужасомъ (если не состраданіемъ), и, не вынося страшнаго зрѣлища, «многokrатно» выходили на чистый воздухъ подышать и освѣжиться...

Бобровскій четыре раза уже посылалъ съ донесеніями о «всѣхъ дѣйствахъ» царицы къ генераль-маіору Скорнякову-Писареву, и всякій разъ получалъ въ отвѣтъ приказаніе — отнюдь не отпускать съ царицей Деревнина. Тоже говорилъ Бутурлинъ. Пожаръ головы арестанта заставилъ дежурнаго просить болѣе подробныхъ инструкцій о томъ, допускать ли дальнѣйшія истязанія? За этими инструкціями онъ послалъ къ генераль-лейтенанту Ягужинскому.

Ударило десять часовъ вечера. Въ «тайную» пріѣхалъ генераль-прокуроръ. Всѣ засуетились. У Деревнина, если онъ еще не потерялъ сознаніе, должна была мелькнуть мысль о спасеніи, у царицы же надежда получить наконецъ арестанта. Прасковья ошиблась... Ягужинскій... но позвольте познакомиться съ нимъ поближе.

Павелъ Ивановичъ , по отзывамъ современниковъ лично его знавшихъ , былъ видный мужчина , съ лицомъ неправильнымъ , но живымъ и выразительнымъ . Въ обхожденіи онъ былъ очень свободенъ , даже небреженъ ; но эта свобода весьма въ немъ естественна и всѣ были ею довольны . Ягужинскій былъ капризенъ , самолюбивъ , но при этомъ уменъ , разсудителенъ , живъ . Онъ въ одинъ день дѣлалъ столько , сколько другой не успѣвалъ въ недѣлю . Прямодушный , онъ твердо выполнялъ данное слово до такой степени , что готовъ былъ скорѣе умереть , нежели нарушить обѣщаніе . Мысли свои Павелъ Ивановичъ выражалъ безъ лести предъ самыми высшими сановниками . Буде первый сановникъ имперіи поступалъ несправедливо , Ягужинскій порицалъ его также смѣло и свободно , какъ послѣдняго чиновника . Сначала деньщикъ Петра , а потомъ генералъ-прокуроръ правительствующаго сената , онъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ любимцевъ преобразователя . Государь обыкновенно называлъ его своимъ глазомъ и зачастую говаривалъ : «если что Павелъ осмотритъ , то это такъ вѣрно , какъ будто я самъ видѣлъ» (1).

Если похвальные отзывы дюка Лирійскаго и лэди Рондо хоть на половину справедливы , то понятно , почему и въ настоящемъ случаѣ Ягужинскій не уклонился , подобно Скорнякову-Писареву и Бутурлину , отъ вмѣшательства въ дѣло Прасковьи , и хоть поздно , но явился на арену не совѣмъ невинныхъ ея развлеченій .

— Что ты дѣлаешь , государыня ? заговорилъ генералъ-прокуроръ , когда приглядѣлся наконецъ къ окружающимъ предметамъ , — что хорошаго , государыня , что изволишь по приказамъ ѣздить ночью (2) ?

— Отдайте мнѣ Деревнина , отвѣчала царица : — онъ воръ , воръ , онъ покралъ у меня казну !

— Безъ именнаго императорскаго величества указу отдать невозможно , твердо отвѣчалъ Ягужинскій , отдалъ приказъ увести Деревнина къ себѣ на домъ подъ караулъ , и тутъ же предложилъ Прасковьѣ Федоровнѣ оставить тайную канцелярію .

— Завтра , можетъ быть , я пришлю его къ тебѣ , государыня , — обманчиво увѣрилъ Ягужинскій , когда царица не прекращала упра-

(1) Mémoires du duc de Liria et de Berwik, écrits par lui-même. 1788, Paris. Также Lettres d'une dame anglaise. Rotterdam, 1776, и *Бергольцъ* ч II, стр. 261.

(2) Мы никакъ не думаемъ , чтобы генералъ-прокуроръ , приглядѣвшійся къ пыткамъ и казнямъ , вдругъ восчувствовалъ состраданіе къ Деревнину . Нѣтъ , не ради его спасенія , а во имя порядка , презрѣннаго Прасковьей , онъ явился остановить ея звѣрства .

шивать и умолять объ исполненіи ея просьбы. Наконецъ, огорченная старушка, съ слабой надеждой и немалой грустью, оставила Деревнина и отправилась обратно въ свою резиденцію, въ село Измайлово. Впереди, сзади и по бокамъ ѣхали исполнители ея предначертаній.

Была глубокая полночь, когда вернулась Прасковья въ свои хоромы; нѣжно обняла она ненаглядную свою внучку Аннушку и мирно опочила отъ трудовъ.

Вознаградилъ ли себя за труды водкообливателемъ и свѣчеобжигателемъ Карлусъ оставшейся полбутылкой пѣнника, изъ подлиннаго дѣла не видно (¹).

VIII

ВЪ ОЖИДАНИИ ЦАРСКАГО ПРИѢЗДА.

3-го октября 1722 г. исполнительный каптенармусъ Бобровскій, по долгу службы, вошелъ съ обстоятельнымъ рапортомъ о всемъ случившемся къ начальству тайной канцеляріи (²)

Бобровскій ничего не утаилъ, передалъ всѣ мелочи трагическаго событія, но героиню его, всеплостивѣйшую старушку называлъ въ рапортѣ не иначе, какъ «благовѣрнѣйшей государыней»... Въ тотъ же день, въ полдень, генераль-прокуроръ прислалъ Деревнина назадъ въ казенки тайной канцеляріи. Почетительное начальство ея, наканунѣ столь любезно предоставившее старушкѣ потѣшиться, нынѣ вступило въ свои обязанности: на Деревнинѣ приказано: «бой и жженіе описать и лечить его изъ аптеки». Опись коротко, но довольно краснорѣчиво повѣствуетъ о томъ, какъ сонзволила гнѣваться царственная старушка: «голова Деревнина, такъ оказалось по осмотру: избита во многихъ мѣстахъ и обожжена мѣстами; также и по носу и по лицу, и подъ глазами избито и обожжено, и почернѣло и опухло, за которою опухолью не знать и глазъ. А руки по запястья обожжены же; на груди противъ сердца избито и мѣстами красно».

Результатомъ осмотра было то, что здоровье арестанта найдено

(¹) Вершоныя дѣла Р. Д. Т. К. кар. л. 15, дѣл. о Вас. Дер. ч. II, дон. Бобровскаго л. 14—15, допросы: Деревнину, Бобровскому, Краснову, очныя ставки Маскину и Пятилѣту, допросы имъ, также Моломахову, Воейковымъ, экстрактъ изъ допросовъ Деревнина и другихъ л. 56—81.

(²) В. Д. Р. Д. Т. К., кар. XV, л. 14, 18, 20.

далеко не удовлетворительно ; Деревнинъ расхворается , пожалуй помретъ , а вернется царь-государь милостивый , захочетъ имъ « розыскивать въ дѣлѣ государевомъ » , не найдетъ его въ живыхъ и спроситъ *на нихъ* , на начальникахъ !.. « Господинъ докторъ ! поспѣшилъ отписать Скорняковъ-Писаревъ , — нѣкоторый колодникъ , по тайнымъ дѣламъ содержащійся въ тайной канцеляріи , весьма боленъ ; того ради , объявляю его императорскаго величества указомъ , извольте приказать онаго колодника осмотрѣть и приказать лечить , понеже онъ весьма нуженъ » .

Въ тоже время канцелярія освободила заарестованныхъ по дѣлу о цыфирномъ письмѣ , сняла мольбамъ ревельскаго школьника Юрьева , сняла печать и запрещеніе съ его дома и пожитковъ , наконецъ приложила къ дѣлу доношеніе Григорія Терскаго . Лишь только послѣдній замѣтилъ , что дѣло обратилось къ исходу болѣе или менѣе благоприятному ; что онъ можетъ быть покоенъ : до него не допустятъ ни допрощиковъ царицы , ни обязательнаго оберъ-полицеймейстера , — сообразивъ все это , Терскій постарался заявить все , что только могло служить ему оружіемъ противъ его недруговъ . Такимъ образомъ на другой же день послѣ жженія своего зятя Деревнина , онъ смѣло предъявилъ слѣдующее обстоятельство , для дѣла довольно важное : « Увѣдомился я отъ поманутаго Деревнига » , писалъ Терскій , « что государыня царица Прасковья Осдоровна , просила въ сенатѣ , чтобъ на комнату ея величества съ царевнами учинить окладъ противъ окладу , каковъ учиненъ былъ къ комнатѣ царевны Наталіи Алексѣевны . Въ сенатѣ безъ именнаго его величества указа , того не учинили . А чрезъ прошеніе ея величества такую , вышеобъявленную дачу учинилъ ей Василій Ершовъ обще съ дьякомъ Тихменевымъ , и за то взялъ себѣ деньгами и прочимъ не меньше 7000 руб . Все это явно , продолжалъ Терскій , по записнымъ книгамъ , которыя оный Тихменевъ взялъ къ себѣ будто для счету , а тѣ книги скрылъ , о чемъ я и доношеніе на него Тихменева въ надворный судъ подалъ и въ ономъ будутъ его , Тихменева , обличать я , Терскій , Деревнинъ , да купчина Антипъ Моисѣевъ »... (1)

Доношеніе Терскаго немножко освѣщаетъ ту безурядицу , которая царила въ хозяйскихъ дѣлахъ Прасковьи . Чтобъ познакомиться съ ними поближе и тѣмъ получить еще разъ возможность прослѣдить то значеніе , какое старушка имѣла при дворѣ , ея силу , любовь и вниманіе къ ней государя и государыни , позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе .

Прасковья , какъ мы уже знаемъ , вела себя относительно Петра

(1) В. Д. Р. Д. Т. К. кар. XV. л. 12—14.

и всѣхъ придворныхъ , по своему времени съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Самые противорѣчащіе другъ другу поступки совершенно спокойно улаживались въ ея поведеніи. Жѣнщина по своему религіозная , преданная стариннымъ обычаямъ и обрядности , она въ тоже время , по первому царскому зову , облакалась въ шутовскій костюмъ и выступала съ своими Фрейлиннами «въ смѣхотворной процессіи свадьбы князь-папы» (1). И нельзя сказать, чтобъ это дѣлала она изъ страха, по принужденію; нѣтъ! по крайней мѣрѣ этого не видно ни въ ея «шутливомъ обхожденіи» съ Петромъ , ни въ ея обращеніи съ толпой его деньщиковъ и временщиковъ, за которыми она ухаживала , зная ихъ силу и вліяніе на дѣла... Составилась ли какая-нибудь ассамблея , пиръ на чистомъ воздухѣ въ лѣтнемъ саду , попойка , ради какого-нибудь торжества въ правительствующемъ сенатѣ , публичный маскарадъ , свадьба , именины ли чьи праздновались дворомъ — въ кругу гостей неотмѣнно присутствовала старушка Прасковья. Зная , что присутствіе ея будетъ пріятно Петру , она не обращала вниманія на недуги , плелась въ своей колымагѣ на пирушку и здѣсь съ участіемъ слѣдила за прыганьемъ молодежи и съ большимъ усердіемъ осушала бокалы. Въ черномъ платьи , въ шапкѣ стариннаго русскаго покроя , она рѣзко выдѣлялась въ облакахъ табачнаго дыма , среди пудреной и расфранченной на нѣмецко-голландскій манеръ , толпѣ придворныхъ (2). Ея родная сестра Настасья , княгиня-кесарша Ромодановская , одарена была не меньшею угодливостью : по желанію царскому , она постоянно разыгрывала роль древней русскаго царицы , облакалась въ костюмъ стариннаго покроя , принимала съ достоюжною важностью всѣ смѣшныя почести ей воздаваемые и проч. Однимъ словомъ , въ ней олицетворилась довольно злая пародія Петра надъ стариною.

И та и другая сестра — частыя посѣтительницы монастырей , вкладчицы многихъ изъ нихъ , жаркія поклонницы разныхъ митрополитовъ , архіереевъ и другихъ духовныхъ сановниковъ , не только безъ негодованія смотрѣли на пьяный соборъ , учрежденный великимъ Петромъ : «соборъ всешутѣйшій и всепьянѣйшій князь-папы» (3) , — но присутствовали и мало того , зачастую принимали участіе съ государемъ и дворомъ въ ихъ оргіяхъ.

(1) Голиковъ VI. 235—286.

(2) Берхгольцъ I. 55. 166—176, 195—200, 232—233. II. 69—77. Хаецко его діаріушъ. Читенія. Общ. Истор. 1858 г. кн. I. Смѣсь. стр. 20—23.

(3) Члены его кардиналы , равно и глава собора , какъ извѣстно (по Голикову и друг.), носили костюмы русско-стариннаго духовенства , патріарха , архіереевъ и проч. чиновъ.

Всѣ капризныя требованія Петра на пирахъ, слѣпо выполняемыя дворомъ, выполнялись безусловно и Прасковьей: опомтъ царь государь дорогихъ собутыльниковъ и собутыльницъ, уйдетъ соснуть часа на два и велитъ часовымъ никого не выпускать изъ комнаты. Душно, смрадно, пахнетъ водкой, виномъ, отзывается послѣдствіями излишняго угощенія, по угламъ храпятъ пьяные, а Прасковья сидитъ подлѣ императрицы, ждетъ выхода царскаго и, скучая сама, старается однако занять бесѣдой «дорогую невѣстухку». Пришолъ государь, начались танцы; пожелалъ Петръ, чтобъ танцевала царевна Прасковья и старушка посылаетъ хворую, худую и вѣчно страдающую ногой дочку Парашу протанцевать, потѣшить «дяденьку съ тетенькой».

Было бы странно, еслибъ мы стали идеализировать и увѣрять, что всѣ эти пиры и попойки съ ихъ отвратительною обстановкою (съ нынѣшней точки зрѣнія), производили тяжелое впечатлѣніе на Прасковью и будто бы только нужда заставляла ее угождать требованіямъ и капризамъ Петра... Такъ думать, значило бы находить Прасковью выше своего времени, выше своего общества... Напротивъ! Если кто есть полнѣйшее воспроизведеніе своего времени, типъ петровскаго общества со всѣми его особенностями, такъ это именно Прасковья. Если мы и говоримъ о пирахъ, маскарадахъ и ассамблеяхъ ею посѣщаемыхъ, такъ только для того, чтобъ показать, какъ умѣла она примирить въ себѣ вѣрованіе и предразсудки, завѣщанныя стариной, съ воззрѣніями новой, переходной эпохи...

Теперь вспомнимъ, какъ величепріятно вѣровала Прасковья въ авторитетъ свояка государя; его слово — законъ, его мнѣніе — свято. Съ какою довѣренностью предоставила она ему распоряжаться судьбой ея дочерей, и онъ распорядился ими такъ, какъ этого требовали его планы и расчеты; какъ слѣпо вѣровала она въ спасительность его медицинскихъ совѣтовъ и какъ часто посѣщала его любимыя минеральныя воды, въ наивной увѣренности, что вода можетъ снасти ее отъ водки и вина, повергшихъ ее въ преждевременныя и тяжкіе недуги!

Такой преданности, такого уваженія къ своей особѣ, такого послушанія, Петръ находилъ въ весьма немногихъ изъ своихъ тетокъ, сестеръ и другихъ женскихъ лицъ царственной семьи. И такъ мудро ли, что въ признательность онъ былъ внимателенъ, любилъ и уважалъ Прасковью. Петръ зачастую посѣщалъ невѣстку, отдыхалъ у ней съ своею свитою, пировалъ въ ея теремахъ, шутилъ и балагурилъ ⁽¹⁾...

⁽¹⁾ Походный журналъ 1715 г. Спб. 1855 г. *Голицынь* VII. 633, 635, 369, 444—446, 436 и проч.

Вниманіе, даже уваженіе его къ невѣсткѣ было такъ велико, что сама императрица, иногда прибѣгала къ посредству Прасковьи, чтобъ устроить какое нибудь щекотливое дѣло. Такъ напр. въ извѣстномъ, кровавомъ эпизодѣ Фрейлины Гамильтонъ — императрица и министры не успѣвъ въ своихъ просьбахъ о помилованіи несчастной дѣвушки, «разсудили, такъ пишетъ Татищевъ, склонить къ просьбѣ царицу Прасковью Ѳедоровну, вѣдая, что государь ея совѣты почиталъ и ея просьбы не презиралъ». Извѣстно какой отвѣтъ вызвали у Петра «пространное разсужденіе Прасковьи и милости къ виновнымъ выхваленіе». Онъ предоставилъ судьбу Фрейлины всей строгости законовъ, иначе сказать, обрекъ ея на смерть. Увидавъ не успѣхъ своего ходатайства, старушка не потерялась и, «шуточнымъ прикладомъ рѣчь Петра пресѣкла» (1)...

Такимъ образомъ и тутъ, при ходатайствѣ въ дѣлахъ щекотливыхъ, — царица дѣйствовала осторожно, чтобъ не разсердить державнаго свюка. И свюакъ умѣлъ это цѣнить: два-три факта — достаточно знакомятъ съ его отношеніями къ Прасковѣ. Такъ напр. при отводѣ (въ 1716 г.) въ новой столицѣ мѣсть подъ дома своимъ приближеннымъ, государь предоставилъ невѣсткѣ самой выбрать мѣсто; за тѣмъ подарилъ ей мызу въ Петергофѣ, оказалъ ей содѣйствіе (въ 1720 г.) при постройкѣ дворца на Васильевскомъ острову, подарилъ Петровскій островъ и проч. (2)

Но вѣдомости, напечатанной у Голикова, окладъ содержанія на дворъ ц. Прасковьи и ея дочерей былъ весьма незначительный, но однако не меньше другихъ членовъ царской фамиліи. По Голикову на дворцовые расходы Прасковьи въ 1699 году, отпускалось 4,378 р. 24¼ коп., между тѣмъ какъ на содержаніе наследника престола шло

(1) *Татищевъ*: Судебникъ Ивана III изд. 1786 съ примѣчаніями. Стр. 87—88.

(2) *Рубанъ* стр. 61 Домъ Прасковьи на Васильевскомъ острову — отошолъ въ 1725 г. подъ Академію Наукъ. *Голиковъ*. XIII стр. 397. VI стр. 371. 635 и проч. Дома нѣкоторыхъ изъ придворныхъ царицы — были на большой Морской улицѣ, такъ напр. конюшаго Ив. Кормакова и друг. Каб. дѣл. II пол. т. XLVII л. 23—89. Петровскій же островъ не съ разу поступилъ во владѣніе Прасковьи, это видно изъ слѣдующаго письма: «Государыня моя невѣстущка царица Прасковья Ѳедоровна и проч., пишетъ Екатерина, прежде сего писала я къ в. в-ву, чтобъ вы изволили взять себѣ Крестовскій островъ; но понеже я тогда не вѣдала, что оный островъ, еще когда здравствовала ея в-ство блаженныя памяти герцогиня (не принцесса ли Шарлотта?), изволили уступить вмѣсто Петровскаго острова свѣтлѣйшему князю А. Д. Меншикову, на которомъ у него уже многое строеніе заведено. Того для, прошу ваше в-ство, чтобъ вмѣсто онаго Крестовскаго острова, изволили взять себѣ Петровскій островъ», и проч. *Каб. Дѣл.* I пол. LXIV т. 719 л.

только 3,932 руб. Всѣмъ тремъ дочерямъ царицы на дворцовые ихъ расходы шло 2,978 руб. (1)

Въ послѣдующіе годы окладъ и матери и дочкамъ значительно увеличенъ; изъ имѣющагося у насъ «Вѣдѣнія» видно, что всѣмъ имъ денегъ отпускалось 18,000 руб., на починку каретъ 40 р., дровъ 410 саж. Лошадей чрезъ два года вмѣсто упалыхъ стоялыхъ по 12, подъемныхъ — по 28, итого 40 лош. Затѣмъ сѣно, овесъ, солома — въ соразмѣрномъ количествѣ. Винъ краснаго и бѣлаго въ годъ по 14 бочекъ. Все это иногда замѣнялось, по требованію царицы, выдачею денегъ, — по соотвѣтствующимъ цѣнамъ (2). На служителей шла особенная денежная и хлѣбная дача: денегъ 1760 р. да въ соразмѣрномъ количествѣ овесъ и рожь.

Кромѣ окладовъ царскихъ Прасковья получала изрядные доходы съ своихъ вотчинъ. А ихъ было не мало: такъ напр. въ 1721 году въ разныхъ волостяхъ въ Новгородскомъ, Псковскомъ и Копорскомъ уѣздахъ, также въ Старопольской сотнѣ состояло въ ея владѣніи 2,477 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ (3). Нѣтъ сомнѣнія, что эта цифра еще не выражаетъ полного числа владѣній царицы, владѣла она дворами и душами и въ другихъ уѣздахъ, но только намъ не попадались о нихъ «вѣдѣнія» въ массѣ просмотрѣнныхъ бумагъ. Нельзя между-тѣмъ не замѣтить, что достатокъ старушки иногда увеличивался довольно оригинальными способами; Василій Оселоровичъ Салтыковъ, ея нѣжный братецъ (4), и нашъ добрый знакомый, въ 1705 году помѣнялся пустыми помѣстными землями съ жильцомъ Климонтовымъ и вымѣнялъ у него въ Кромскомъ уѣздѣ пустошь Курбакину (5). При отказѣ однако пустоши за Салтыковымъ оказалось, что земля была не пустая, на ней явилось нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ дворовъ. Это обстоятельство не согласовалось съ мѣновыми книгами, въ которыхъ было писано, что мѣна происходила пусто на пусто; однако же откащикъ записалъ за Салтыковымъ пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто ихъ

(1) Т. XIII стр. 707—708.

(2) Для любопытныхъ приводимъ тогдашнюю таксу: сажень дровъ обходился, по «Вѣдѣнію», 2 р. 20 алт.; мѣрная копна сѣна 4 р. 16 алт. 4 д.; возъ соломы 2 р. 2 алт. Стоялая лошадь цѣнилась въ 15 р., подъемная 7 р. 16 алт. 4 д. *Каб. дѣла.* II пол. т. ХСII л. 430.

(3) Каб. II пол. ХСII стр. 431—432.

(4) По свидѣтельству Берхгольца, графъ Салтыковъ не служилъ въ государственной службѣ, но состоялъ въ числѣ кавалеровъ сестры и имѣлъ польскій орденъ. I стр. 195.

(5) Подробности этого интереснаго процесса изложены *Побѣдоносцевымъ* въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній относ. до Россіи, 1859, кн. IV, смѣсь, стр. 10—15.

на той землѣ поселилъ, того въ отказныхъ книгахъ не означилъ. Съ тѣхъ поръ крестьянами сталъ владѣть Салтыковъ.

Между-тѣмъ сыскался законный владѣлецъ. Салтыковскіе крестьяне — оказались бѣглыми холопами стольника Засѣцкаго, Лѣтъ десять тому назадъ ихъ «завѣдомо бѣглыхъ», принялъ Салтыковъ и поселилъ на новой землѣ своей; а Засѣцкій въ тоже время долженъ былъ за нихъ вносить въ казну подати, по переписнымъ книгамъ.

Въ то время помѣстья и вотчины богатыхъ и знатныхъ людей, зачастую наполнялись бѣглыми крестьянами на счетъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Только въ 1712 году собравъ всѣ надлежащія свѣдѣнія объ укрываніи бѣглыхъ Салтыковымъ, Засѣцкій началъ съ нимъ искъ въ московскомъ приказѣ земскихъ дѣлъ. Избѣгая отвѣтственности Василій Федоровичъ Салтыковъ поспѣшилъ возвратити незаконно захваченныхъ холопей? — нѣтъ, ударитъ челомъ, ихъ дворами и животами, словомъ всѣмъ помѣстьемъ, сестрицѣ своей, царицѣ Прасковѣ. Водворивъ такимъ образомъ новую владѣльцу «персону знатную и сильную», бояринъ успокоился за ней, какъ за каменной стѣной. Въ самомъ дѣлѣ, Прасковью не осилили двѣнадцатилѣтнія хожденія по судамъ Засѣцкаго. Всѣ его челобитныя жалобы, протесты, волокиты по приказамъ разныхъ вѣдомствъ не привели ни къ чему. Салтыковъ положительно уклонился отъ отвѣтовъ судьямъ; тѣже съ своей стороны вели себя крайне осторожно, страшась озлобить именитаго человѣка. Благодаря ихъ уголивости, просьбы злополучнаго истца повторились и въ 1725 году, т. е. два года спустя послѣ смерти помѣщицы-царицы, и только смолкли совершенно въ 1730 годахъ, когда на престолъ взошла родная племянница Салтыкова — Анна Ивановна; тогда уже о правомъ рѣшеніи дѣла нечего было и думать.

Старушка Прасковья пеклась, на сколько позволяли ей досугъ и здоровье, о своихъ животахъ и дворахъ, и эти заботы для нея были тѣмъ легче, что она могла постоянно обращаться за покровительствомъ, либо къ дорогой невѣстушкѣ-государынѣ, либо къ разнымъ милостивцамъ второй руки.

Вотъ напр. съ какими грамотками относилась она къ кабинетъ-секретарю Макарову, человѣку мочному при дворѣ Петра :

«11 февраля 1714 г. С. Измайлово. Алексѣю Васильевичу здравія твоего желаю! Прошу у тебя, пожалуй, покажи всякую милость надъ Нефедомъ Кармилицынымъ. А мнѣ есть причина объ немъ просить, что мать его была въ кармилицахъ у государя моего, царя Ивана Алексѣевича. И чтобы ему не быть задержану о вышеписан-

номъ съ прощеніемъ прошу. За симъ остаюся, царица Прасковья, кланяюсь».

«Алексѣй Васильевичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пожалуй, пиши къ намъ о своемъ здоровьѣ, а я жива до воли Божіей и съ дѣтьми. Пожалуй, по твоей ко мнѣ любви, покажи милость о моихъ дѣлахъ, въ которыхъ станеть доносить человѣкъ мой. И поговори Якову Никитичу, (Шаховскому?) чтобъ изъ моихъ деревень, изъ Осѣчинскихъ волостей ⁽¹⁾, также изъ другихъ вывелъ (бы) драгунъ и солдатъ, и лошадей. А ежели онъ въ семь дѣлъ милости не покажетъ, и ты, пожалуй, донеси и побей челомъ государынѣ, моей невѣстушкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ за меня съ прилежаніемъ: чтобъ она въ моихъ дѣлахъ милость показала, также въ мызахъ и мѣстахъ, которыя раздавалъ Шаховской. А я во всемъ на тебя надежна. И мнѣ тѣ мѣста противъ иныхъ не всѣ даны. Пожалуй, Алексѣй Васильевичъ, особо донеси о мызахъ и о мѣстахъ невѣстушкѣ, и побей челомъ; а я на твое жалованье надежна *и буду твоей милости платить*. При семъ писавши, кланяюся царица Прасковья, о вышенисанномъ съ прошеніемъ прошу» ⁽²⁾.

Для Макарова едва ли и нужны были обѣщанія *подарковъ*; для него уже было достаточно знать благосклонность и пріязнь къ Прасковѣ государя и государыни и онъ спѣшилъ сдѣлать «все отъ него зависящее»... Государыня была особенно любезна къ старушкѣ. Секретарь Екатерины въ отвѣтныхъ рескриптахъ къ Прасковѣ старательно выводилъ отъ имени государыни самыя родственныя фразы: «Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Письма ваши, моей государыни, я получила, и за оныя зѣло благодарствую... Прошу только, дабы впредь почаще изволили ко мнѣ писать о своемъ здравіи, ибо я того усердно желаю и проч.» ⁽³⁾.

Въ благодарность за ласки и вниманье, Прасковья изливалась предъ государыней въ самыхъ нѣжныхъ эпитетахъ, между прочими именовала ее: «добродѣтельною мпротворительницею фамиліи царской и т. п.» ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Въ Новгородскомъ уѣздѣ.

⁽²⁾ Каб. II. пол. т. XXI л. 1038—1039. Мы не сохранили орфографію подлинниковъ, такъ какъ изъ писемъ, помѣщаемыхъ въ приложеніяхъ, читатель достаточно познакомятся съ правописаніемъ матушки императрицы Анны Ивановны.

⁽³⁾ Каб. I. пол. т. LXIV л. 727.

⁽⁴⁾ На этомъ эпитетѣ Голиковъ строить цѣлое разсужденіе о томъ, что сердце ея величества Екатерины Алексѣевны было не токмо не злобное, но самое добродѣтельное. т. VII с. 16.

Какъ бы то ни было однако, но ни услужливость Макарова, ни покровительство государыни не могло водворить въ административномъ и домашнемъ быту Прасковьи какой либо порядокъ... Удаленіе отъ дѣлъ ея казначея Деревнина, затѣмъ октябрьское донесеніе Терскаго, уже указали намъ на безурядицу, царившую въ дѣлахъ старушки.

Быль ли виновенъ Деревнинъ въ похищеніи ея казны — рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что при дѣлахъ сохранилось «извѣстіе», составленное Терскимъ въ защиту Деревнина.

Въ этомъ извѣстіи, ловко составленномъ, выведена слѣдующая смѣта: «въ приходѣ, взято изъ большой казны окладныхъ на 1715 г. 18,320 руб., на 1716 г. 24, 066 руб. 9 алт. 4 ден. На 1717 г. 12,600 руб. На 1718 г. 32,915 руб. Итого въ приходѣ 95,055 руб. 2 алт. 4 ден. И изъ того числа на разныя дачи въ расходѣ 95,055 руб. 2 алт. 2 ден.» (1).

Такимъ образомъ оказывалось, что Деревнинъ былъ чистъ — едва ли не какъ ангелъ: на немъ оставалось долгу всего 2 деньги! На сколько вѣренъ расчетъ его тестя, повторемъ, рѣшить трудно, такъ какъ дѣло, по самой сущности, выходило изъ вѣдомства тайной канцеляріи, и въ картонахъ дѣлъ, ею вѣршонныхъ, мы не находимъ данныхъ ни за, ни противъ Деревнина.

За то несомнѣнно, что воровали другіе ея управляющіе; изъ нихъ мы уже называли Аргамакова. На немъ и его сынѣ лежала обязанность собирать доходы съ нижегородскихъ имѣній царицы и вести приходо-расходныя книги. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ управленія, въ книгахъ замѣчено было до 300 подчистокъ: убавлены въ чистовыхъ книгахъ приходы денегъ и хлѣба, также и въ черновыхъ книгахъ многія статьи вычернены, денегъ и хлѣба убавлено; въ среднемъ числѣ, какъ каялись сами Аргамаковы, они клали въ свой карманъ изъ сотни — по рублю и болѣе (2).

Не смотря на крупныхъ и мелкихъ воришекъ, въ приходѣ все-таки были большія суммы, и если бы старушка умѣла заправлять хозяйствомъ, оно бы шло прекрасно; а между тѣмъ за ея безпечностью, да за недосмотрами возлюбленнаго Юшкова, на домѣ царицы были постоянные недочеты, такъ что зачастую обращалась Прасковья въ кабинетъ его и ея величествъ, еще чаще занимала у частныхъ лицъ... Кредиторы, не получая уплаты, входили съ просьбами объ удовлетвореніи въ тотъ же государевъ кабинетъ (3).

(1) Дѣло л. 12—14, 39—40. Вѣдѣніе о приходѣ и расходѣ подано Терскимъ 22 октября 1722 г.

(2) Каб. дѣла II полов. т. LXV л. 478.

(3) Смотри въ дѣл. Кабин. II пол. т. LVI л. 454, о выплатѣ Спб. купцамъ

1722 годъ нашолъ Прасковью и ея дочерей въ родимомъ селѣ Измайловѣ. Жизнь ихъ текла обычной колеей; русскіе сановники и иноземцы прїѣзжали сюда съ визитами, развлекали хворую старушку, слушали болтовню царевны Катерины, радовали всѣхъ ихъ вѣстями «съ персидскаго похода», о царѣ-государѣ, государынѣ и ихъ войскѣ, о взятіи ими городовъ да крѣпостей, о покореніи цѣлыхъ племенъ. Царскіе курьеры сообщали интересныя подробности о всѣхъ трудностяхъ похода, о большой смертности, о невыносимой жарѣ, о томъ, что императрица, чтобы хоть нѣсколько облегчить себя, должна была остричь свои волосы, и проч. и проч.

Не малое развлечение измайловскимъ обитательницамъ должны были доставлять вѣсти изъ Москвы: о торжественныхъ пирахъ, по случаю радостныхъ извѣстій съ театра войны; не менѣе любопытны были подробности о другихъ московскихъ диковинкахъ, какъ напр. о публичныхъ казняхъ — *политическихъ* и другихъ «злѣбѣвъ государственныхъ». Нѣкоторыя изъ этихъ казней дѣйствительно были довольно курьезны. Такъ напр. въ августѣ 1722 г. въ Москвѣ, на болотѣ казненъ старецъ безумный Левинъ за то, что находилъ въ Петрѣ олицетвореніе Антихриста. Послѣ длиннаго ряда арестовъ лицъ разныхъ сословій по этому дѣлу, послѣ лютыхъ пытокъ, старецъ Левинъ казненъ по приговору правительствующаго сената: отрубленная голова отправлена въ Пензу, мѣсто его родины, на выставку на столбъ, а тѣло сожжено (1).

10,000 занятыхъ на *пять дней* ц. Прасковьей, письмо Ю. Нелединскаго 1721 г. Августа 3. т. LXI л. 876—877: письмо Ягужинскаго о удовлетвореніи изъ кабинета кн. Настасьи Голицыной, по указу государя, 2000 руб., занятая у нея ц. Прасковьей, 12 июня 1722 г. и проч.

(1) Государь писалъ, чтобы старца казнить въ Пензѣ; А. И. Ушаковъ нашолъ это неудобнымъ, распорядился казнью въ Москвѣ, послѣ чего оправдывался слѣдующимъ наипочтительнѣйшимъ письмомъ. Москва 2 августа 1722 г... «казнь Левина не учинена въ Пензѣ для того, что помянутый плутъ въ винѣ своей прежде принесъ покаяніе, но потомъ паки на прежнюю свою злобу обратился. И при сенаторахъ будучи на спицахъ съ великою жесточью тѣ свои злыя слова говорилъ и объявилъ, что онъ прежде покаянье приносилъ для того, чтобы ему освободиться отъ смерти и отпустили бы его въ монастырь. И ежели бы до оное учинили, то имѣлъ онъ намѣреніе, чтобы въ градѣхъ и на путѣхъ прежнія злыя слова (Петръ де-антихристъ) народу разглашать. А потомъ, хотя онъ и принесъ чистое покаянье, написавъ своеручно, однакожъ опасшись вышепоказаннаго его къ злобѣ обращенія, чтобы онъ въ пути какимъ-нибудь образомъ тѣхъ злыхъ словъ народу не разсѣвалъ»... Ушаковъ распорядился его казнью въ Москвѣ, да и тутъ еще, изъ того же опасенія, велѣлъ предварительно, какъ самъ пишетъ, вырѣзать Левину на генеральномъ дворѣ языкъ. Вмѣстѣ съ Левинымъ, по его дѣлу, казнено 6 человекъ духовныхъ лицъ. Головы ихъ выставлены были на колахъ. Каб. II пол. т. LXI л. 544—545.

Изъ всѣхъ вѣстниковъ — какъ мѣстныхъ такъ и «изъ походу», для измайловской старушки, безъ сомнѣнiя, наипрiятнѣйшими были тѣ, которые привозили грамотки отъ царя-батюшки, либо отъ государыни-невѣстшукки. Последняя нѣсколько разъ втеченіе похода 1722 г. приказывала писать отъ своего имени къ царицѣ, и чтобъ потѣшить последнюю секретарь писалъ о событіяхъ въ шушливой формѣ.

«Государыня моя невѣстшукка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Объявляю вамъ, пишетъ секретарь въ одномъ изъ посланiй отъ лица Екатерины, что мы отъ Астрахани шли моремъ до Терека и отъ Терека до Астрахани. А тамъ, выбрався на землю дожидались долго кавалерiи. И потомъ дошли во владѣнiе салтана Мамута темышскаго; оный ни чѣмъ къ намъ не отозвался; того ради, августа 19 числа, поутру, послали къ нему съ письмомъ трехъ человекъ донскихъ казаковъ. И того жъ дня, въ три часа пополудни, сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ, которому гости зѣло были рады и, принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая контра-визитъ, и, побывъ тамъ, сдѣлали изъ всего его владѣнiя фейерверкъ для утѣхи имъ. — Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было съ 10.000 человекъ, и едва не половина ихъоты, изъ которой около 600 человекъ отъ нашихъ побито, да взято въ полонъ 30 чел. Съ нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ. Сего города наннъ (намѣстникъ) встрѣтилъ насъ и ключъ серебряный его величеству поднесъ у воротъ; правда, что люди съ нелицемѣрною любовью (насъ) приняли и такъ ради, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Сей городъ, Дербень, по всему видно, что старинный и великое каменное званіе имѣеть, о которомъ заподлинно повѣствуютъ, что строилъ его Александръ Великій. Маршъ сей, хотя недалеко, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ.» (1)

Подобныя грамотки дороги были Прасковѣ, онѣ напоминали ей о милости и расположенiи къ ней ея «благодѣтеля и благодѣтельницы.» Онѣ веселили, успокаивали ее... Спокойствіе и веселье было возмущено неудачной прогулкой старушки въ подвалы тайной канцелярiи...

Возвратясь къ этому кровавому эпизоду, мы, — послѣ столь длиннаго отступленiя, перейдемъ къ послѣдующимъ событіямъ. Въ ожиданiи царскаго прiѣзда, намъ остается узнать: что сдѣлано было «инквизиторамъ» — по дѣлу Дервинина, что говорили и какъ вели себя аристократы послѣ сожженiя стряпчаго, на сколько интересо-

(1) Письма Екатерины I, 1722 г. авг. 30, Дербеньтъ.

вались они этимъ эпизодомъ, чѣмъ и какъ развлекались, о чемъ вели бесѣду, наконецъ, что подѣлывали измайловскія обитательницы послѣ ночи 2 октября; измѣнили ли онѣ въ чемъ-нибудь свою жизнь, на сколько безпокоилась старушка по поводу своей вспышки? и проч.

На другой же день послѣ освобожденія Деревнина изъ рукъ доморощенныхъ палачей царицы Прасковьи, П. И. Ягужинскій весело проводилъ время у тайнаго совѣтника Бассевича. Здѣсь собралась большая компанія русскихъ и голштинцевъ съ своимъ герцогомъ, послушать музыку; но не она была на первомъ планѣ у веселыхъ собесѣдниковъ: бокалы не выходили изъ рукъ собесѣдниковъ, пили за обѣдомъ, пили во время концерта, пили во весь вечеръ, пили — стоя, сидя, наконецъ на колѣнкахъ. Генераль-прокуроръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ *питуховъ* въ водкопитіи: онъ провозглашалъ тостъ за тостомъ и когда поднять былъ бокалъ за здоровье сильно подгулявашаго герцога, нѣкоторые изъ его совѣтниковъ — въ избыткѣ преданности, поползли къ нему на колѣнкахъ и съ умиленіемъ лобызали ручку его герцогскаго высочества.

Вельможи вообще продолжали неустанно съѣзжаться на пиры и попойки: каждая вѣсть съ театра войны, мало-мальски пріятная, служила поводомъ къ немедленному сбору на водкопитіе, т. е. официальный, торжественный обѣдъ. За отсутствіемъ государя — обѣдами этимъ большею частью щеголяли А. Д. Меншиковъ, П. И. Ягужинскій, герцогъ голштинскій, его тайный совѣтникъ Бассевичъ и друг. Съ этихъ пирушекъ, благодаря его высочеству и другимъ питухамъ, которые пили съ замѣчательною энергіею и всячески старались напоить другъ-друга *до нельзя*, многіе сановники, по свидѣтельству одного изъ участниковъ пировъ, рѣдко что довозили до дому изъ того, что съѣдали... Вино занимало сановниковъ, танцы — развлекали дамъ, которыя прыгали тутъ же въ душныхъ и смрадныхъ палатахъ, на мѣстѣ вынесенныхъ столовъ... Особенно нескончаемы были танцы, когда являлся среди танцующихъ подгулявшій генераль-прокуроръ. Онъ требовалъ, чтобъ танцовали больше и больше, подгонялъ танцовать кавалеровъ, кружился самъ, требовалъ, чтобъ не отпускали дамъ — и балъ тянулся до тѣхъ поръ, пока всѣ не отбивались отъ ногъ. Ягужинскому никто не смѣлъ отказать; и ужъ чего онъ хочетъ, замѣчаетъ Берхгольдъ, «то непременно надо исполнить.» Петра не было, меньше въ ходу были штрафные кубки, — было свободнѣе — и веселились на распашку: не только Ягужинскій, свѣтлѣйшій Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ и другіе министры, но даже самъ Скорняковъ-Писаревъ, жолчный, злой — членъ страшнаго судилища и тотъ, отуманенный и увлеченный «пьянственнымъ весельемъ» — пускался иногда въ плясъ, вечеромъ, старательно вы-

дѣлывалъ на въ минуэтѣ — выхаживалъ въ польскомъ , а утромъ, шолъ въ застѣнокъ и ставилъ допрашиваемыхъ въ хомуть, тащилъ на виску, либо укладывалъ «персты» въ тиски, голову въ станокъ...

Герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ не силѣлось въ Измайловѣ съ больной маменькой-ворчуньей; ей скучно было слушать ея воркотню, скучно глядѣть на изможденную старуху, перевозимую изъ комнаты въ комнату въ креслѣ на колесахъ, и вотъ она не упускала случая посѣщать пиры и ассамблеи боярскія. Катерину Ивановну не останавливала даже непроѣздная московская мостовая.

Въ концѣ октября 1722 года сдѣлалась оттепель, пошли дожди и чуть не съ первой ея капли на улицахъ столицы сдѣлалась такая грязь, что балки деревянныхъ мостовыхъ почти плавали... По этому океану грязи, тѣмъ свободнѣе скоплавшейся на улицахъ, что ее не пускала въ канаву вынутаая изъ нихъ земля, — насыпи изъ нее были выше уровня середины улицъ, — по этому океану смѣло плавала въ колымагѣ-коляскѣ царевна Катерина.

Еслибъ мы могли перенестись на то время въ Москву, мы бы увидѣли любимицу царицы Прасковьи и у Меншикова, у Ягужинскаго, у Головкина, у Бассевича, и другихъ вельможъ на свадьбахъ, пмявинныхъ пирогахъ, «викторіальныхъ» пирахъ, танцевальныхъ собраніяхъ и проч. Герцогиня особенно много любезничала съ герцогомъ голштинскимъ и кавалерами его свиты, какъ не было кратко-временно ея пребыванье въ Германіи, но этого времени было достаточно, не на столько, чтобъ выучиться говорить, но чтобы полюбить нѣмцевъ... Катерина Ивановна вела себя на ассамблеяхъ совершенно непринужденно, отказывала однимъ, немедленно затѣмъ шла танцовать съ другимъ (1), болтала со всѣми и убѣдительно просила голштинцевъ навѣщать ее въ Измайловѣ. Въ 9, много въ 10 часовъ вечера, она всегда уже спѣшила туда, къ маменькѣ.

24 ноября 1724 года, день ангела императрицы, также и герцогини Катерины Ивановны, вся знать пировала въ зданіи сената. Между именитыми дамами присутствовала за обѣдомъ сама герцогиня. Временной генераль-прокуроръ Писаревъ (Ягужинскій уѣздаль въ это время, по царскому указу, въ Петербургѣ), былъ хозяиномъ пира, и дѣятельно угощалъ рядомъ кушаньева, притотовленныхъ въ русскомъ вкусѣ съ лукомъ и чеснокомъ, — для русскихъ прекрасно, для пріѣзжихъ иноземцевъ (шведскаго посланника, его секретаря и другихъ) отвратительно. Пили много, обѣдъ сопровождался обычными явленіями, характеризующими тогдашнее общество:

(1) Катерина Ивановна больше всего любила польскій; въ минуэтахъ и прочихъ танцахъ она была вообще неискусна.

такъ наир. одинъ весьма сановитый гость, преспокойно перелѣзъ, въ сапогахъ черезъ столъ, причеиъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что при этомъ наступилъ прямо въ средину какого-то блюда...

Съ сенатскаго обѣда отпраииитесь въ Измайлово. Здѣсь мы найдемъ обычныхъ его посѣтителей—Головкиныхъ и Ромодановскихъ (обѣ родственныя между собой фамилии, были какъ извѣстно въ родствѣ съ домомъ Салтыковыхъ); Катерина Ивановна также уже здѣсь; она съ нетерпѣнiемъ ждетъ герцога голштинскаго, которому общала даже, если онъ ее посѣтитъ, сдѣлать подарокъ.

Герцогъ исполнилъ свое обѣщанiе и радостная Катерина немедленно приказала фрейлинѣ принести изъ спальни прекрасно-сдѣланныя четки, подарокъ дорогому гостю.

Мы уже были въ измайловскихъ комнаткахъ (1); всѣ онѣ убраны плохо, расположены неудобно, почти всѣ спальни проходныя. Прасковья-старушка больная, лежала въ кровати, тѣмъ не менѣе она приняла гостей. Гости шли и говорили въ ея маленькой спальнѣ, шли и въ спальнѣ герцогини, наконецъ по ея приглашенiю, усѣлись ужинать за длинный узкiй столъ. Ужинъ былъ приготовленъ наскоро; кавалерамъ герцога ничего не досталось; за то послѣ стола, по желанiю Катерины Ивановны, всѣ они должны были танцовать и волею неволею прыгать съ нею; импровизированная вечеринка затуманилась было горячимъ споромъ герцогини съ Бассевичемъ за герцога мекленбургскаго и его дѣло; вѣроятно Бассевичъ обвинялъ его за сумазбурство, а преданная супруга горячо за него заступалась, но послѣ ужина миръ возстановился и гости частью съ пустыми желудками прыгали до 11 часовъ вечера. Шли впрочемъ немало, что видно ужъ изъ того, что на другой день у дорогого гостя (герцога голштинскаго) сильно болѣла голова.

Для три спустя Катерина Ивановна имѣла вновь удовольствiе видѣться съ герцогомъ на званномъ обѣдѣ у своего дядюшки Василя Федоровича Салтыкова. Обѣдъ былъ въ одномъ изъ его домовъ, подлѣ нѣмецкой слободы. Въ деревянномъ, ветхомъ, весьма плохомъ палаццо Василя Федоровича, собралось большое общество, болѣею частью либо родственниковъ, либо близкихъ почему бы то ни было къ царяцѣ: Ромодановскiе, Головкины, Татищевы, Матвѣевы, молодой Салтыковъ и другiе. Сама старушка по нездоровью быть не могла, да и младшая царевна Прасковья не могла высидѣть за столомъ: у нея разболѣлась нога. Несмотря на постъ, подавались для мужчинъ скромныя блюда; обстоятельство интересное,

(1) См. главу VI.

если вспомнить, что обѣдъ былъ у родного брата набожной до ханжества Прасковьи.

Въ день рожденія четырехлѣтней малютки Анны, дочери герцогини мекленбургской (7 декабря), тоже общество соединилось въ Измайловѣ. Вѣтхій, громадный домъ царицы представлялъ какъ бы лазаретъ хворыхъ женщинъ; въ одной спальнѣ сидѣла на постели больная ногой царевна Прасковья, въ другой лежала царица. Впрочемъ, герцогиня была весела и въ 12 часовъ усадила всѣхъ именитыхъ гостей обѣдать. Она хлопотливо всѣхъ угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неаппетитно, вина скверныя... Всѣ эти мелочныя замѣтки одного изъ гостей (Берхгольца) интересны въ томъ отношеніи, что они показываютъ какъ плохо шло съ болѣзнию Прасковьи ея хозяйство, какъ сальнѣ и грязнѣ дѣлалась съ каждымъ голомъ ея обстановка...

За обѣдомъ неминуемо послѣдовали танцы, герцогиня у себя дома прыгала и вертѣлась гораздо охотнѣе, нежели на ассамблеяхъ; ради дня рожденія ея дочери, танцовали до того, что въ комнатахъ стало такъ жарко, какъ въ банѣ; перешли въ спальню царевны Прасковьи. И здѣсь вертѣлись большую часть вечера, чтобъ повеселить себя, да притомъ разсѣять больную. Катерина была въ восторгѣ отъ герцога, который неустанно танцовалъ съ ней и придворными дамами ея матушки. Четырехлѣтняя Анна Карловна (Леопольдовна) также принимала участие въ танцахъ; малютка такъ растанцовалась, что герцогиня на другой день посылала просить къ себѣ герцогскаго камеръ-юнкера пріѣхать къ ней еще потанцовать...

Старушка Прасковья препятствовала забавляться пенаглядной Катюшкѣ, и Катюшка являлась то развязной, бойкой дамой на вечерахъ, то наѣздницей на затѣваемыхъ ею катаньяхъ съ своими дамами; она смѣло и съ большимъ искусствомъ правила лошадьми...

Затѣмъ ни изъ чего не видно, чтобъ страшная сцена пытки Деревнина, видѣнная ею въ подвалѣ тайной канцеляріи, оставила бы тяжелое впечатлѣніе на Катерину. Легкомысленная, вѣтренная женщина, она, какъ кажется, смотрѣла на это событіе, какъ на нѣчто обыденное, на простую расправу барыни, ея маменьки, съ провинившимся слугой; можетъ быть подобныя сцены видимы были ей и неразъ... Наше предположеніе утверждается еще болѣе тѣмъ, что дня четыре спустя, эта добрая и милостивая женщина, такъ называетъ Берхголецъ Катерину, посѣтила съ сестрой бывшего своего наставника Остермана старшаго, и здѣсь, будучи особенно весела, добра и милостива, соизволила изъ своихъ ручекъ такъ напоить (умышленно) стараго своего знакомаго графа Бонде, что тотъ не помнилъ, какъ воротился домой.

Изъ всѣхъ невинныхъ забавъ безцѣнной «Катюшки», самая оригинальная, самая характеристическая была страсть ея къ театру. Нѣтъ сомнѣнiя, что эту страсть царевна вывезла изъ Германiи и по своему, какъ умѣла старалась пересадить видѣнное и слышанное въ измайловскiя свѣтелки. Актрисы набирались изъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ, актеры изъ крѣпостныхъ, доморощенныхъ артистовъ, парикки брали у голштинцевъ, костюмы строились домашними средствами. Къ сожалѣнiю, мы не знаемъ что за пьесы разыгрывались на измайловской импровизированной сценѣ; за то, благодаря дневнику наблюдательнаго нѣмца—современника, мы живо можемъ представить всю обстановку, среди которой давались эти своеобразные спектакли.

Отправимтесь на одинъ изъ нихъ. Втеченіи нѣсколькихъ дней до спектакля, герцогиня въ страшныхъ хлопотахъ... Она присутствуетъ на репетиціяхъ, устриваетъ сцену, прилаживаетъ занавѣсъ, пригоняетъ костюмы актрисамъ, распекаетъ и наказываетъ актеровъ, набранныхъ изъ многочислѣннѣйшей ватаги праздныхъ, развратныхъ, вороватыхъ челядинцевъ царицы. Въ самый день спектакля хлопотъ, еще больше: Катюшка суетится въ комнатѣ отведенной подъ театръ, а въ спальнѣ, сидитъ въ креслѣ отбившаяся отъ ногъ больная маменька и коратаетъ время въ душеспасительной бесѣдѣ съ архіепископомъ новгородскимъ, епископомъ троцкимъ и другими членами святѣйшаго синода. Петровскимъ царствованiемъ эти духовные iерархи уже приучены смотрѣть на театральное позорище самымъ снисходительнымъ образомъ; сама Прасковья не раздѣляетъ уже взгляда своихъ предковъ на эту забаву и не мѣшаетъ тѣшиться милой Катюшкѣ.

Все готово, зрители собрались, приѣхали между прочимъ два кавалера изъ свиты герцога голштинскаго. Младшая царевна извѣстила маменьку, что представленіе начинается. Толпа горничныхъ и слугъ покатила старушку на креслѣ съ колесами. Въ 5 часовъ поднялся занавѣсъ; устройство сцены понравилось нѣмцамъ, по костюмы актеровъ, по ихъ замѣчанiю, не отличались изяществомъ. Не зная русскаго языка, нѣмцы не поняли содержанiя разыгрывавшихся фарсовъ, и тѣмъ лишили насъ возможности полнѣе познакомиться съ измайловскимъ театромъ. Впрочемъ, Берхгольцъ заключилъ по догадкѣ, что играли совершенные пустяки, причемъ и заплатился за спектакль табакеркой: кто-то не изъ артистовъ, а изъ зрителей, въ своемъ родѣ артистъ, весьма искусно виталилъ ее изъ кармана зазѣвавшагося нѣмца. Немудрено послѣ этого, что Берхгольцъ вынесъ о театрѣ самое невыгодное впечатлѣніе (1).

(1) Вообще говоря, театръ на Руси въ царствованіе Петра, находился въ са-

Артисты измайловской труппы вообще кажется оказывали больше способностей къ разнымъ «художествамъ», къ которымъ прибѣгали для добыванія денегъ на свою нищенствующую братію; не желали къ театру. Наканунѣ второго спектакля главный актеръ, съ другимъ артистомъ, талантъ второстепенный, стали разносить по городу афишки и тѣмъ собирать для себя милостыню. Огорченная герцогиня велѣла дать каждому изъ нихъ около 200 батоговъ; затѣмъ второстепенный актеръ былъ прогнанъ со сцены, а другой на другой же день явился на сценѣ предъ именитой публикой, въ роли короля; роль супруги батигированнаго короля играла дочь маршала царицы Прасковьи.

«Превеселая эта женщина, герцогиня мекленбургская, восклицаетъ по этому поводу Берхгольцъ, у нея никакъ не обойдется дѣло безъ множества презабавныхъ приключеній!» Катерина Ивановна сама рассказала о штрафованіи своего перваго артиста герцогу голштинскому, посѣтившему спектакль. На этотъ разъ нѣкоторые изъ его свиты поплатились шолковыми носовыми платками; ихъ вытащили, съ *искусствомъ*, дѣлавшимъ честь измайловскимъ «художникамъ.»

Въ то время, когда шумно и весело проводили сановники досужее время въ пирахъ и сходкахъ, когда коротала время въ разнообразныхъ развлеченіяхъ царевна Катерина, а охала и стонала отъ недуга ея маменька, — въ какомъ же положеніи находилось забытое нами дѣло Василія Деревнина?

Въ ожиданіи царскаго пріѣзда, оно нисколько не подвинулось впередъ. Арестанта держали въ тюрьмѣ, и худо или хорошо, но какъ важнаго секретнаго преступника, лечили казенными средствами. Между тѣмъ, 8 октября, Скорняковъ-Писаревъ и Бутурлинъ, составили обо всемъ случившемся обстоятельный докладъ и

момъ младенческомъ состояніи. Непонятно, какъ великій монархъ упустилъ изъ виду столь важное средство къ народному просвѣщенію. Къ числу немногихъ извѣстныхъ документовъ, относящихся до исторіи русскаго театра при Петрѣ, укажемъ на челобитную: «всеподданнѣйшаго раба Юганна Карла Эренберга», изъ Гамбурга, 11 іюля 1721 года. Въ этомъ документѣ челобитчикъ говоритъ, что государь въ прошломъ (1720 году) повелѣлъ привести въ Россію компанію комедіянтовъ и мастеровъ, которые по «веревкѣ танцуютъ». Эренбергъ повелѣніе исполнилъ, но не нашолъ средствъ для отправленія этихъ людей и ихъ багажа въ Россію, почему и проситъ государя, буде онъ прежнее намѣреніе не измѣнилъ, указать бы выдать чрезъ гамбургскаго своего резидента Бетгера ему, Эренбергу, 2,000 талеровъ. «Съ этими деньгами, заключаетъ челобитчикъ, я съ помянутою при мнѣ компаніей и съ тѣми, которыхъ я уже во Гданскъ отправилъ, съ Божією помощію къ Покрову дню, могъ бы пригнать въ Россію.»

Каб. II. пол. т. LIV, л. 1272.

отправили его въ Астрахань, на имя П. А. Толстаго, главы тайной канцеляріи; при докладѣ приложена была копія съ цыфирнаго письма царицы къ Юшкову. Инквизиторы испрашивали разрѣшенія: «слѣдовать ли о пріѣздѣ царицы, о боѣ и о женѣ Деревнина ея служителями? Также брать ли подъ караулъ Юшкова? подвергать ли его и служителей царицы пыткамъ? а безъ указа того чинить не смѣемъ.» (1)

Въ тотъ же день тайная канцелярія, по доношенію Терскаго на Ершова и Тихменева, въ дѣлѣ о учиненіи царцѣ великаго оклада изъ-за немалой взятки, отнеслась въ правительствующій сенатъ доношеніемъ съ запросомъ, гдѣ о томъ дѣлѣ слѣдовать? А между тѣмъ отъ оберъ-полиціймейстера вытребованы были въ тайную всѣ документы, относящіеся къ первымъ слѣдствіямъ по дѣлу Деревнина (2) и на повторительную просьбу Терскаго о распечатаніи его пожитковъ послѣдовало разрѣшеніе.

Но провинціаль-чиискаль уже не довольствовался этой уступкой; онъ жаждал мщенія, и 22-го октября выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ самоуправства главы московской полиціи и ея подвижниковъ. Въ длинномъ доношеніи онъ передалъ членамъ тайной всѣ подробности нашествія полицейскаго партизана Пазухина на дома его и Юрьева; подробности эти изложены нами въ своемъ мѣстѣ. Изъ дѣла не видно, чтобы протестъ Терскаго навлекъ грозу начальства на оберъ-полиціймейстера; его дѣянія какъ явленія, не выходившія изъ обыденной колеи, не вызвали даже ни одного замѣчанія; зато Терскій выигралъ хоть тѣмъ, что въ тотъ же день, по полагчѣ доношенія, остальные его люди были освобождены; самъ онъ былъ освобожденъ еще 8 октября, разумѣется на поруки, съ строжайшимъ наказомъ явиться въ судилище по первому востребованію; дворы и пожитки его и Юрьева распечатаны и отданы имъ до указа съ роспискою, впрочемъ не раньше, какъ 5 ноября; при сдачѣ домовъ и пожитковъ сдѣлана была опись всего разбитаго и разломаннаго во время набѣга партизана Пазухина. Послѣднимъ дѣйствіемъ членовъ тайной канцеляріи, по дѣлу Деревнина и Терскаго, въ ожиданіи царскаго

(1) В. Д. Р. Д. Т. К. карт. XV, л. 23—32. 12 октября отправлены были два курьера съ этими нужнѣйшими о тайныхъ государевыхъ дѣлахъ бумагами. «Тутъ же приложено было письмо Писарева къ А. П. Вольнскому, чтобы онъ отнюдь не задержалъ посланныхъ въ Астрахани, а препроводилъ бы ихъ туда, гдѣ обрѣтается государь. Прогоновъ выдано по 1 деньгъ на версту, на 2050 верстъ — 37 р. 16 ал. 4 д., да на прокормъ — 15 руб. на человѣка — всего 67 руб. двумъ.

(2) 16 октября 1722 г. л. 1—5, 33—38.

пріѣзда, была отписка о вершеніи дѣла провинціалъ-фискала съ Тихменевымъ, въ надворномъ судѣ.

Отвѣта царскаго на доношеніе о жженіи Деревнина, не послѣдовало, и арестантъ былъ пока забытъ съ своими увѣчьями; Писареву, Бутурлину и другимъ сановникамъ въ самомъ дѣлѣ не до того было въ это время, чтобъ интересоваться человѣкомъ, навлекшимъ на себя гнѣвъ Прасковьи: въ средѣ ихъ самихъ совершился скандалъ первостепенной важности, скандалъ, не перестававшій вызывать ежедневныя толки вельможъ и большія опасенія о его послѣдствіяхъ: то была крупная ссора въ сенатѣ, Меншикова съ Шафировымъ. Сторону перваго принялъ великій канцлеръ Головкинъ, и оба врага послали курьеровъ съ жалобами къ царю (1). Всѣ были увѣрены, что по возвращеніи государя, грянетъ надъ обоими гроза немнучая и страшная. Сановники раздѣлились на два лагерь; громадное большинство пристало разумѣется къ сторонѣ Меншикова, въ силу и значеніе котораго было больше вѣры; отъ Шафировыхъ почти все общество отшатнулось. Шафировыхъ не приглашали въ собранія, даже на официальныхъ обѣдахъ ихъ не было видно... Среди встревоженнаго общества ходили разные толки, между прочимъ говорили о объявленіи, прибитомъ на фонарномъ столбѣ, на Красной площади. Въ фонарѣ положено было 10 мѣшковъ, каждый будто бы со 100 рублями, а объявленіе гласило, что въ Кремлѣ найдено весьма важное письмо, и тому, кто назоветъ его составителя, обѣщана выложенная награда... Къ Шафировымъ ѣздили только иностранные послы, изъ русскихъ же весьма немногіе. Такъ напр. на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ у вице-канцлера Шафирова, изъ 18 гостей былъ только одинъ русскій — старикъ, князь Долгоруковъ, сынъ котораго женатъ былъ на Шафировой. Старикъ-хозяинъ спрашивалъ гостей: «правда ли что Меншиковъ меня всячески бранить и твердить, что по пріѣздѣ императора, меня закуютъ въ желѣза? Не знаю, продолжалъ Шафировъ, кто изъ насъ больше заслужилъ оковы? Хотя Меншиковъ и имперскій князь, а коли вздумаетъ государь, такъ и ему срубить голову, не ожидая на то позволенія отъ германской имперіи...»

(1) Каб. II пол. т. LX л. 592, и проч. Мы не приводимъ этихъ жалобъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ отношенія къ настоящей статьѣ. Особенно интересна жалоба Меншикова; читая ее, можно подумать, что онъ чистъ, яко агнецъ, во всемъ же виноватъ Шафировъ. Если вѣрить свѣтлѣйшему, вице-канцлеръ безъ всякаго повода бранилъ оберъ-прокурора Скорникова-Писарева воромъ, объявлялъ съ великимъ крикомъ, что гр. Головкинъ ему главный непріятель, затѣмъ съ такимъ же крикомъ называлъ его самага, князя Меншикова, великимъ злодѣемъ: «не хочу-де за твой дѣла головы своей потерять, такъ какъ князь Матвѣй Гагаринъ и князь Григорій Волконскій, ты можешь всѣхъ побить» и проч.

Вообще птенцы Петра Перваго смиренныя, ручныя при немъ, съ яростью клевали другъ друга, лишь только орелъ слеталъ съ своего гнѣзда и оставлялъ ихъ, съ общаго согласія, вѣдать и вершить дѣла имперіи. Общаго согласія не было, да и быть не могло. Въ обществѣ грубомъ, чуждомъ всякаго образованія, все пошлыя страсти, сдерживаемыя единымъ страхомъ, быстро развиваются лишь только падаетъ съ нихъ узда; птенцы Петра Великаго какъ бы щеголяли другъ передъ другомъ завистью, тщеславіемъ, властолюбіемъ и искусствомъ вести безконечныя, самыя каверзныя интриги. Это искусство, какъ извѣстно, завѣщано было петровскими птенцами пенатамъ новыхъ поколѣній, новымъ временщикамъ, новымъ придворнымъ и долго, долго еще страдала Русь отъ этихъ страшныхъ враговъ ея силы и могущества.

Петръ, зная слабости «птенцовъ», предъ отъѣздомъ въ персидскій походъ, приставилъ къ нимъ сторожа: то было его «око» Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Государь пожаловалъ его генераль-прокуроромъ и представляя его сенаторамъ (въ маѣ 1722 г.), сказалъ: «Вотъ мое око, имъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія, что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ *показалось*, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы однакожь то исполняйте, и увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія».

Подчинивъ высшее правительственное мѣсто воли одного человека, бывшаго своего деньщика, Петръ, возложилъ на этого деньщика должность крайнѣ трудную. Павлу Ивановичу рѣшительно было не по силамъ смирять птенцовъ великаго монарха. Какъ трудна была для него постоянная борьба съ «страстями вельможъ российскихъ», видно изъ его исповѣди, посланной къ Петру предъ отъѣздомъ въ Петербургъ 16 октября 1722 года. Въ этомъ интересномъ посланіи Ягужинскій сознается: «что сенатское *заобычное* несогласіе не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть и во истину не мало остановки тѣмъ бываетъ; и нынѣ нѣкоторыя партикулярныя ссоры и брани не токмо словесно, но и письменно произошли между оберъ-прокуроромъ (Писаревымъ) и барономъ Шафировымъ»... Генераль-прокуроръ въ особенности опасался, что во время его отлучки: «не безопасно, чтобы тѣ партіи, какъ писалъ онъ, страсти своей не продолжали». Вслѣдствіе чего, онъ нашолъ нужнымъ предъявить письменное предложеніе: «дабы такія партикулярныя ссоры и брани весьма удержаны были, и тѣмъ въ нужныхъ дѣлахъ помѣшательства никакого не чинилось, а которыя ссоры и несогласія нынѣ между ними, чтобъ до возвращенія вашего величества оставлены были, и притомъ въ тѣхъ своихъ

предложеніяхъ изобразилъ, что ежели въ моемъ отсутствіи такіа ссоры и явныя брани, отъ кого вновь будутъ происходить, чтобъ съ начинателемъ такъ поступали, какъ указы и регламенты повелевають. Всемилостивѣйшій государь, заключалъ Ягужинскій, я совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствую, сколько въ томъ моеи вѣрности и старанія ни было, однакоже съ превелікою трудностію *при такихъ страстяхъ*, дѣла въ порядкѣ содержать было можно»... (1)

Въ такомъ состояніи находилась высшая московская аристократія, когда стали ходить слухи о скоромъ пріѣздѣ грознаго царя-батюшки. Еще въ октябрѣ прибыли изъ Астрахани пѣвчіе императрицы; увѣряли по этому случаю, что императрица сама скоро будетъ, но что императоръ сперва поѣдетъ въ Казань; этимъ извѣстіямъ еще мало вѣрили. Вслѣдъ за тѣмъ пошла молва, что такъ какъ въ Персіи почти все уже приведено въ исполненіе, то государь не замедлитъ пріѣздомъ, канцелярія молъ его ѣдетъ уже назадъ, а въ Преображенскомъ дѣлаются большіе запасы дровъ и съѣстныхъ припасовъ. Письма придворныхъ изъ Астрахани подтверждали эти слухи, но только въ началѣ декабря стали являться въ Москву нѣкоторые изъ спутниковъ и спутницъ государя. Вслѣдъ за ними (11 декабря) прискакали курьеры съ извѣстіемъ, что императоръ, если только не остановится въ Воронежѣ, завтра же будетъ въ Москвѣ, потому что ѣдетъ весьма скоро...

Многіе, чувствовавшіе какіе либо за собою грѣшки, съ безпокойствомъ ждали Петра. Оберъ-полиціймейстеръ Грековъ съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ старался заявить свою дѣятельность, между прочимъ для вѣщаго порядка онъ запретилъ разнощикамъ кричать и ходить по улицамъ.

Надсмотрщики за дворцовыми постройками просто потеряли голову отъ страха, потому что пропустили лучшее время лѣта и не сдѣлали рѣшительно ничего, воображая, что императоръ еще не такъ скоро воротится.

Поздно вечеромъ 11-го декабря пришло извѣстіе, что государь всего въ 15 верстахъ отъ Москвы. У Меншикова отъ страха открылось сильное кровотеченіе горломъ; можно себѣ представить какъ трепетали остальные государственные люди всероссійской имперіи.

Какъ приняли извѣстіе о царскомъ пріѣздѣ измайловскія обитательницы?

Поздно вечеромъ, 11 декабря, прискакалъ въ Измайлово камеръ-юнкеръ Берхгольцъ. Онъ былъ первый вѣстникъ о пріѣздѣ импе-

(1) Каб. I пол. Т. LVIII. л. 131—132

ратора ; эта вѣсть была неожиданна ; герцогиня увѣрена была, что государь пріѣдетъ не раньше, какъ дня черезъ три. Какъ приняла эту новость старушка Прасковья, неизвѣстно ; надо думать, что безъ боязни, такъ какъ она увѣрена была въ любви и уваженіи къ ней Петра и дорогой невѣстушки ; что же касается до Катерины Ивановны, то она такъ обрадовалась, что запросто повела вѣстника къ матери, къ сестрѣ, наконецъ къ Фрейлинамъ, не смотря на то, что всѣ онѣ были раздѣты и лежали уже въ постеляхъ. Шутливая и разбитная хозяйка, вѣроятно имѣя въ виду доставить камеръ-юнкеру нѣсколько пріятныхъ минутъ, подводила его по очереди къ каждой Фрейлинѣ, никакъ не подозрѣвая, что это зрѣлище ни мало не доставляло удовольствія чопорному нѣмцу. Фрейлины лежали какъ бѣдныя дѣвки, одна подлѣ другой, почти полунагія... Грязная и бѣдная обстановка вызвала съ его стороны въ дневникѣ слѣдующую замѣтку : «вообще все это ночное посѣщеніе не сдѣлало на меня выгоднаго впечатлѣнія, хоть мнѣ и пришлось видѣть много голыхъ шей и грудей».

На другой день государь принималъ уже въ Новопретображенскомъ поздравленія съ пріѣздомъ, а съ 13-го декабря начались крутыя «свершенія по дѣламъ» : въ этотъ день казнены два фальшивыхъ монетчика ; имъ влили въ горло растопленное олово и потомъ навязали ихъ на колеса. Одинъ изъ нихъ, которому олово прожгло насквозь шею, былъ на слѣдующій день еще живъ ; а другой, будучи на колесѣ, доставленномъ надъ землею немного выше человѣческаго роста, хваталъ еще рукою монету, привѣшенную съ низу къ этому колесу...

IX

СУДЪ И РАСПРАВА.

Старушка Прасковья по болѣзни не могла явиться съ поклономъ и поздравленіемъ о пріѣздѣ къ государю и государынѣ ; вмѣсто себя она послала «свѣтъ Катюшку», и та приняла участіе во всѣхъ торжествахъ столицы, по случаю благополучнаго прибытія отца отечества. Парадный вѣздъ въ Москву Петра и Екатерины былъ совершенъ съ громаднымъ тріумфомъ. Колокола, пушки и народныя клики долго не умолкали ; у каждаго тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ еще въ прошломъ году, чинились торжественныя встрѣчи ; при чемъ тутъ же въ воротахъ шло угощеніе. Государь и вся его свита, какъ духовные, такъ и свѣтскіе сановники, ни мало не церемонились — и ѣли, и пили

такъ, какъ бы дня три лишены были стола. Достопамятный день заключился общимъ пиромъ всей аристократіи въ Преображенской съѣзжей избѣ у князя Ромодановскаго, въ присутствіи императора. Убѣжая оттуда, государь просилъ хозяина продолжать угощеніе сколько возможно усердіе, не смотря на то, что всѣ уже были презрѣдно пьяны.

Хмѣльные головы шумѣли, кричали, спорили, ссорились, и «мало помѣшкавъ», отъ ссоры дѣло дошло и до драки... Бой вспыхнулъ между двумя пменитѣйшими представителями петровской знати; то были князь-кесарь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій и князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Два лютыхъ супротивника издавна враждовали другъ съ другомъ, издавна подымали другъ на друга «всякую скверну», но оба сильные любовью и довѣріемъ государя и государыни, постоянно разлученные мѣстами своей служебной дѣятельности (Москва и Варшава), они не могли повалить другъ друга, мало имѣли случая дойти и до *ручного* объясненія...

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ непримиримой ненависти скрывалась въ семейныхъ распряхъ: Ромодановскій, какъ извѣстно, былъ женатъ на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой, а дочь Долгорукова была замужемъ за роднымъ братомъ княгини-кесарши Настасьи и царицы Прасковьи. Читатели наши безъ сомнѣнія помнятъ, какъ неделикатно обращался вѣжливый братецъ двухъ старушекъ съ своей злополучной суругой и какъ тщетно и упорно жаждалъ мести ея отецъ, уполномоченный посолъ и министръ царя русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что князь-кесарь въ процессѣ князя Долгорукова не мало помогъ своему свояку Салтыкову, и не мудрено, что князю Григорію Ѳедоровичу не удалось одолѣть противника.

Теперь за торжественнымъ пиромъ, въ одной и той же избѣ сошлись два врага-старца. И тотъ и другой были весьма шумны, и тотъ и другой не умѣшкали схватиться. Объясненіе началось съ какого-то тоста, предложеннаго хозяиномъ. Князь Долгоруковъ не хотѣлъ его вышить; тогда князь-кесарь сталъ его «всякими скверными лаями лаять»... «Ты воръ!» кричалъ между прочимъ совсѣмъ оныя нѣвшій кесарь, «ты предатель государства! Его величество не токмо тебя кнутомъ наказать, но и голову твою отсѣчь намѣреніе имѣть изволить...» Противникъ не уступалъ въ подборѣ сильныхъ выраженій и пряность ихъ довела до болѣе рѣзкихъ объясненій. Оба старца схватили другъ друга за волосы и съ полчаса неустанно били другъ друга кулаками... Зрители очистили арену и, изъ уваженія ли, или изъ боязни къ двумъ государственнымъ дѣятелямъ, не мѣшали имъ убѣждать другъ друга «словесно и ручно»; никто не смѣлъ раз-

нять сановниковъ. Князь Ромодановскій, какъ разсказывали тогда, оказался слабѣйшимъ...

Князя гнѣвомъ, велемочный кесарь повелѣлъ караульнымъ арестовать посла-министра, отнять у него шпагу и запереть въ особую комнату. Приказъ былъ выполненъ, и князь Григорій Федоровичъ отсыпался въ теченіе сутокъ подъ стражею своего врага. Освобожденный, по вмѣшательству въ дѣло Екатерины, онъ не хотѣлъ ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Дѣйствительно князь послѣдшилъ къ государю съ мольбой о сатисфакціи, и не дозволяясь этимъ, намоля нужнымъ ударить челобитной.

«...Князь Иванъ Ромодановскій, писалъ его противникъ, умысла за партикулярную свою злобу по факціямъ моихъ злохотящихъ, билъ меня и всякими скверными лаями лаялъ»... Если только судить дѣло по этому документу, то самъ Долгоруковъ велъ себя какъ нельзя болѣе кротко; въ его челобитной мы вовсе не видимъ старика, который послѣ потока самыхъ грязныхъ ругательствъ осилилъ кесаря въ кулачной перепалкѣ. Послушайте, что онъ пишетъ: «Я, опасаясь вашего величества гнѣва, во всемъ ему, Ромодановскому уступалъ, и просилъ (!) Гаврілу Ивановича (Головкина) и другихъ, дабы его отъ того удержали, но онъ выпустилъ другихъ, велѣлъ снять съ меня шпагу и взять за арестъ, какъ суцдаго вора; гдѣ мало не сутки былъ держанъ и у вашего величества за учиненную мнѣ смертную обиду сатисфакцію просилъ, о чемъ и нынѣ слезно прошу: сотворить со мною милость, дабы мнѣ не остаться на вѣки въ нестерпимомъ ругательствѣ». Долгоруковъ тѣмъ болѣе къ сердцу принималъ учиненный афронтъ, что онъ видѣлъ въ себѣ оскорбленнымъ великій санъ посла-министра, почему и настоятельно просилъ государя: «такое же противъ всенародныхъ правъ учиненный публичный афронтъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и вашего величества кавалеріи безъ отмщенія отпустить не изволите. Помилуй, государь! восклицалъ тайный совѣтникъ, не дай мнѣ безпорочный вѣкъ мой нынѣ при старости безвременно окончить въ безчестіи». (!)

Въ мольбахъ «всенижайшаго раба», птенца Петра Великаго, такъ и слышатся бояринъ стараго добраго времени съ прежними воззрѣніями на житейскія отношенія, способнаго дойти до ручного объясненія; но ужъ этотъ бояринъ стараго закала въ иноземномъ кафтанѣ, съ устъ его слышатся клятвы и завѣренія объ оскорбленіи въ лицѣ его достоинства сановника, кавалера... и какъ безстыдно лжотъ этотъ кавалеръ, чтобъ только досадить своему врагу.

(!) Кабин. дѣла, Полов. II. кн. LVIII, л. 575.

Дѣло разумѣется кончилось ни чѣмъ, такъ какъ кулачныя схватки государственныхъ людей того времени были явленіями довольно обыкновенными и постоянно переходились молчаніемъ.

Не прошла только молчаніемъ сенатская схватка Шафирова, Писарева и Меншикова. Первые два особенно должны были пострадать; надъ ними наряжена была слѣдственная коммисія, которая вела дѣло строго. Съ Шафирова скоро сняли знаки отличія, а за Писарева сильно начали опасаться его родные и друзья, такъ какъ на него поступило къ слѣдователямъ множество жалобъ... Впрочемъ государь, карая драчливыхъ птенцовъ своихъ, былъ это время постоянно веселъ и между государственными дѣлами, посвящая свои досуги на разнообразнѣйшія увеселенія. Съ свитою деньщиковъ, зачастую окруженный «безпокойною братією», т. е. «сумазброднѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ князь-папы», онъ разъѣзжалъ то въ театръ, устроившійся по примѣру Измайловскаго въ госпиталь, то на свадьбы, на публичныя маскарады, то наконецъ на ассамблеи, на которыя барабанный бой неустанно сзывалъ гостей; всѣ дамы и дѣвицы старше 10 лѣтъ непременно должны были являться въ тапцовальныя собранія. Толстенъкая герцогиня, «свѣтъ Катюшка», вновь запорхала въ этихъ собраніяхъ... Она беззаботно любезничала съ милыми кавалерами герцога Карла; то посылала имъ вафель съ своего стола, то зазывала къ себѣ и щедро угощала выпомъ... Мать старушка не вставала съ постели, тѣмъ не менѣе не лишала себя удовольствія принимать въ спальнѣ гостей и угощать ихъ настоянками. Государь по приѣздѣ посѣтилъ больную, обошелся съ ней какъ нельзя ласковѣе, и не остановившись на одномъ визитѣ, вѣкорѣ (20 января 1723 г.) послѣ пира у ея братца приѣхалъ къ ней въ Измайлово и тамъ веселился со свитою. Ничто не показывало, чтобъ государь гнѣвался на певѣтушку; самое дѣло Деревянна, казалось, его мало интересовало; онъ не спѣшилъ судомъ и расправой. За то не мѣшала старушка и, не смотря на то, что не оставляла по болѣзни постели, не переставала заносивать и задабривать окружающихъ царя, его любимцовъ-деньщиковъ... Почасту приглашаемые въ Измайлово, они находили тамъ самый радушный пріемъ. Имъ особенно бывалъ доволенъ любимѣйшій деньщикъ Петра — Василій Петровичъ. Еслибъ мы заѣхали въ Измайлово нѣсколько дней спустя послѣ царскаго наѣзда, мы бы застали здѣсь Василія, осушающаго стаканъ за стаканомъ. Съ нимъ бражничаетъ братецъ царицы, сильно угощаются дамы, пѣетъ какъ деньщикъ сама кесарша Настасья Ромодановская, обыкновенная посѣтительница больной царицы... Больна вертушка Катерина Ивановна; она въ кровати, сильно осип-

ла, но болтаетъ съ стоящимъ полкъ нея камеръ-юнкеромъ, дразнитъ гулякъ и хохочетъ надъ ними...

Что до государя, то конецъ января и половину февраля онъ былъ сильно занятъ процессомъ о поссорившихся сенаторахъ. 14-го февраля дѣло было кончено. Москва огласилась барабаннымъ боемъ, возвѣстившимъ, что завтра послѣдуетъ въ Кремль казнь бывшего государственнаго министра и вице-канцлера барона Шафирова. На другой день, въ 7 часовъ утра, вокругъ высокаго помоста стояло безчисленное множество народа, солдаты оцѣпляли мѣсто казни. Осужденнаго привезли на простыхъ саняхъ, подъ карауломъ изъ преображенскаго приказа. Въ прочитанномъ приговорѣ возглашались разныя злоупотребленія его по дѣламъ, за которыя виновный обрекался на смертную казнь, отсѣченіемъ головы. Съ него сняли парикъ, старую шубу и подвели къ плахѣ. Вице-канцлеръ оборотился къ церкви, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, ставъ на колѣни, положилъ голову на плаху. Но прислужники палача, имѣя ли на то особое приказаніе государя, либо изъ усердія къ дѣлу, не оставили государственнаго министра въ этомъ положеніи: они вытянули за ноги и растянули его на помостѣ, такъ что Шафирову пришлось лежать на толстомъ своемъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ взмахнулъ вверхъ большимъ топоромъ, и онъ уналъ — на скамью. Голова была пощажена государемъ. Смерть замѣнили ссылкой. Шафировъ поднялся на ноги и со слезами на глазахъ сошелъ съ помоста. Его повели въ зданіе сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же императорскій лейбъ-хирургъ пустилъ ему кровь, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія, Шафировъ сказалъ: лучше бы открыли мнѣ большую жилу, чтобъ разомъ прекратить мои мученія... Между тѣмъ у эшафота чинилась экзекуція: сенатскому секретарю Кирѣеву по шафировскому дѣлу дано 14 ударовъ кнутомъ, на его же долю выпала двукратная пытка при производствѣ слѣдствія; оберъ-прокуроръ и гвардіи майоръ Писаревъ, грозный членъ тайнаго трибунала, разжалованъ въ солдаты, а оберъ-секретарь сената Позняковъ въ писаря. Между другими лицами пострадалъ и нашъ знакомый, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ; за пристрастіе къ Шафирову онъ лишонъ былъ чиновъ, посаженъ на дому подъ арестъ и присужденъ къ денежному штрафу. Впрочемъ, государь скоро его простилъ. (1)

(1) См. «Судное дѣло» Шафирова въ Ж. М. Юст. 1859 г., ст. 49—55. Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ скончался въ Кронштадтѣ, 15 августа 1723 г. и погребенъ въ Петербургѣ.

Въ первый же день по окончаніи дѣла Шафирова, государь, какъ бы въ видѣ отдыха, перешолъ къ Терско-Деревнинскому дѣлу и велѣлъ представить его къ себѣ на разсмотрѣніе. Кабинетъ-секретарь Макаровъ поспѣшилъ увѣдомить Бутурлина о высочайшей волѣ: «Государь мой милостивый Иванъ Ивановичъ! писалъ Макаровъ, дѣло *Деревнина съ Терскимъ* и по тому дѣлу колодниковъ извольте прислать на генеральный дворъ (въ Преображенское) съ дьякомъ или съ старымъ подъячимъ, у которыхъ то дѣло слѣдуется».

Ни въ названіи дѣла, ни въ дальнѣйшихъ слѣдованіяхъ по немъ, о царицѣ либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ прописаніемъ титула: «благовѣрнѣйшая государыня царица» и проч.

Тайная канцелярія представила новый экстрактъ изъ всего дѣла и препроводила арестанта-стряпчаго по востребованію.

14-го февраля 1723 г. Василій Деревнинъ былъ приведенъ на генеральный дворъ къ допросу. Генеральный судъ, наряженный надъ Шафировымъ изъ сенаторовъ и генералитета, не былъ еще распущенъ, и вотъ по его приказу приступлено было къ допросу стряпчаго.

— Знаешь ли ты тѣхъ людей, которые въ пришествіи царицы Прасковьи Федоровны въ тайную канцелярію тебя водкою обливали и жгли?

Деревнинъ, хорошо знавшій по прежней службѣ своей при царицѣ весь ея придворный штатъ, безъ труда вспомнилъ шесть обжигальщиковъ, но замѣтилъ, что чьи они дѣти и прозваніемъ, того онъ не знаетъ; а и другіе дому царицы, продолжалъ стряпчій, многіе служителя при томъ были-жь, а кто по именамъ, того не упомяну. (1)

Для напamятованія на другой день призваны были капитанармусъ Бобровскій, да бутырсакаго полка капраль Красновъ, бывшіе въ роковой вечеръ «жженія» въ казенкахъ тайной канцеляріи.

— Знаете ли вы, кто изъ служителей ея величества царицы приходилъ съ ней въ тайную и кто изъ нихъ оторвалъ силою дверь казенки Деревнинской; о томъ знаете ли?

— Не усмотрѣлъ я, отвѣчалъ Бобровскій, — кто изъ служителей былъ, за многолюдствомъ; только де суще, какъ сталъ я въ дверяхъ и не сталъ Деревнина давать вести изъ канцеляріи, и изъ тѣхъ служителей одинъ ударилъ меня подъ бокъ, а присмотрѣть его за онымъ многолюдствомъ я не могъ.

— Не усмотрѣлъ и я, говорилъ капраль Красновъ, — кто оторвалъ

(1) Вер. Дѣл. Р. Д. Т. К. карт. XV л. 50—89.

дверь, понеже оныхъ служителей вошло въ казенку многолюдно, не сталъ было я ихъ пускать и они меня отъ двери оттиснули.

Посланная команда въ Измайлово привела служителей царицы; ихъ размѣстили по преображенскимъ кельямъ, затѣмъ генеральные судьи сняли допросъ съ каждаго порознь.

И вотъ одинъ за другимъ повѣдали водкообливатели и свѣшеобжигатели страшную повѣсть о прогулкѣ всемилоствѣйшей и благовѣрѣйшей государыни-царицы въ тайную на Лубянскую площадь; повѣдали о томъ, какъ соизволили онѣ утруждать себя гнѣвомъ не малымъ на недостойнаго служителя. Забытое, либо пропущенное однимъ, вспоминалось и пополнялось другимъ и такимъ образомъ всѣ подробности картины «мщенія старушки», обнажились во всей красотѣ.

Любопытно, что каждый изъ допрашиваемыхъ излагалъ событія такимъ образомъ, чтобъ представить себя сколь возможно незначительнѣйшимъ подвижникомъ сего дѣла. Прослушавши каждаго отдѣльно, можно было подумать, что служителя царицы всѣ безъ исключенія были не болѣе, не менѣе, какъ простыми зрителями.

Стряпчій *Кондратъ Маскинъ* первый разказалъ все дѣло, какъ можно обстоятельнѣе и первый же почелъ долгомъ смягчить свое участіе въ дѣлѣ: «каптенармуса я, Маскинъ, не бивалъ, дверей отъ казенки Деревнина не отрывалъ, караульнаго капрала отъ нихъ не отпихивалъ; да и чинить мнѣ, добавилъ Кондратъ, всего этого было невозможно, понеже несъ я царицу на скамѣ, а кто изъ служителей былъ дежурныхъ и отрывалъ дверь, того не вѣдаю». Стряпчій перечелъ затѣмъ главнѣйшихъ участниковъ и подмахнулъ свое имя съ обычной оговоркой: «буде сказалъ что ложно и за то указалъ бы его императорское величество учинить со мною чего достоинъ».

Въ самыхъ почтительныхъ фразахъ относительно своей госпожи царицы показалъ о дѣлѣ стремянной ея, коюхъ Никита Іевлевъ; онъ поставилъ на видъ свои напоминанія царицѣ о необычности ея гнѣва и нашолъ нужнымъ замѣтить: «о какомъ де письмѣ допрашивала царица, того я не знаю». Эта оговорка именно обнаруживала, что довѣренный стремянной, самъ же хлопотавшій въ полицейскомъ розыскѣ о письмѣ, очень хорошо, если не зналъ, то догадывался о его содержаніи. На счетъ побоевъ и толчковъ дежурнымъ, также объ отрываніи дверей, стремянной показалъ, что во всемъ этомъ невиненъ, а виноватыхъ не усмотрѣлъ. Чистосердечнѣе былъ братъ его, задворный коюхъ Феоктистъ Іевлевъ: онъ повинился, что оттолкнулъ, по приказу царицы, подъячаго Павлова, когда тотъ сузилъ съ мольбой прекратить жженіе Деревнина; но въ видѣ оправданія Феоктистъ замѣтилъ, что Павловъ его самого толкалъ.

— Дверь никто не отрывалъ силою , говорилъ между прочимъ другой стремянной конюхъ Карлусъ Орихтъ ; — подъячій Маломаховъ, идя со свѣчей впереди носилокъ, только постуцалъ въ нес, и ее отворили. А кто толкалъ потомъ кантенармуса, того я не усмотрѣлъ... Деревнина же, по приказу государыни-царицы, я жогъ подь бороду, токмо до этого уже у него былъ обожжонъ носъ презрядно. Водки я вылилъ на Деревнина только полбутылки ..

Показанія главнѣйшихъ участниковъ были очень длинны ; ихъ записали, скрѣпили по формѣ подписями допрошенныхъ служителей (все они оказались грамотными) и затѣмъ продолжали опробсы на другой день, 16-го февраля.

— Несъ я государыню на скамейкѣ, показывалъ о своемъ участіи въ дѣлѣ сторожъ и истопникъ Степанъ Пятилѣтъ ; — кто силою отворилъ дверь въ казенку, того я не усмотрѣлъ ; когда же Бобровскій сталъ не пускать Деревнина изъ казенки, въ то число Маскинъ, Н. Іевлевъ и Тихменевъ провели Деревнина въ дверь силою, а билъли они уридика, того я не усмотрѣлъ, понеже несъ государыню. Жогъ я Деревнина опосля какъ обжигали его Маломаховъ, а по немъ шведъ Карлусъ ; во время жъ жженія ихъ я съ другими служителями держалъ его, стряпчаго. А какъ государыня соизволила приказать мнѣ зажечь голову Деревнина и я ту голову своею свѣчою жечь поопасался ; государыня толкнула мою руку со свѣчою, и я зажогъ, и водка на головѣ Деревнина вспыхнула.

Въ показаніяхъ Пятилѣта оказались нѣкоторыя противорѣчія съ словами Н. Іевлева и Маскина. Всѣхъ трехъ немедленно свели на очную ставку.

— Предъ государыней я не шолъ въ казенку Деревнина, утверждалъ Н. Іевлевъ, — а взошолъ туда послѣ, да и изъ казенки-то шолъ назадъ носилокъ ея величества, а кто шолъ впереди и велъ Деревнина, того я не усмотрѣлъ.

— Никиту Іевлева, повинился Пятилѣтъ, — оговорилъ я, не опаматовавшись, кто же шолъ впереди или сзади и кто велъ Деревнина — не запомню : служителя въ ту казенку входили и выходили многократно.

— Да и Маскинъ показываетъ на меня напрасно, стоялъ на своемъ Н. Іевлевъ, — впереди я не шолъ и на казенку, гдѣ сидитъ Деревнинъ, царицѣ я не указывалъ.

— Гдѣ шолъ Іевлевъ и кто былъ укащикомъ государынѣ-царицѣ, винился Маскинъ, того я не упомяну, для того что имѣю на себѣ падучую болѣзнь отъ 15-ти лѣтъ.

За очной ставкой, опять потянулись допросы.

— Я несъ государыню, показывалъ задворный конюхъ Малома-

ховъ, на скамьѣ вмѣстѣ съ другими служителями; кто отворилъ казенку, не вѣдаю. А какъ въ передней палатѣ изволила государыня гаваться и бить тростью Деревнина по лицу и по плоти многократно, а шведъ Карлусъ и Пятилѣтъ жгли его свѣчами, и въ то число держалъ я Деревнина съ прочими служителями; самъ же свѣчою не жогъ.

Новая очная ставка.

— Какъ же ты показалъ, спрашивали Пятилѣта, — что Маломаховъ жогъ Деревнина?

— Маломаховъ Деревнина суще свѣчою жогъ подѣ ность, стоялъ на прежнемъ Пятилѣтѣ, — и Деревнинъ ту свѣчу задулъ.

— Нѣтъ! свѣчою я Деревнина не жогъ, упирался Маломаховъ, — Деревнинъ ее не задувалъ; а какъ жгли его Пятилѣтъ да Карлусъ и я держалъ его за волосы, по указу царицы.

Нажъ Тимофѣй Воейковъ разсказалъ о своихъ развѣздахъ за царевной Катериной Ивановной, объявилъ себя непричастнымъ ни въ жженіи арестанта, ни въ битіи дежурныхъ; братъ его нажъ Ѳедоръ Воейковъ свидѣтельствовалъ, что онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, никого не билъ, не жогъ, ни толкалъ. Юноша, какъ кажется, болѣе другихъ непривычный къ картинамъ истязаній, оставался все время на дворѣ, что впрочемъ не выгородило его изъ общей судьбы всѣхъ дѣятелей того вечера.

А приговоръ этой судьбы состоялся «немѣшкотно». Такъ что отвѣты свои Воейковы не успѣли еще скрѣпить подписями, а его величеству наскучили уже однообразныя показанія служителей царицы. Допрошено было всего семь; болѣе половины царицыной свиты оставалась еще не допрошена; не терпя проволочекъ, государь просмотрѣлъ экстрактъ изъ снятыхъ допросовъ Деревнина «и прочихъ о важныхъ рѣчахъ» — и въ тотъ же день самъ явился на экзекуцію.

Она учинена 16-го февраля на генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ: Масквинъ, Никита Іевлевъ, Ѳеоктистъ Іевлевъ, Карлусъ Орихтъ, Пятилѣтъ, Тимофѣй Воейковъ, Ѳедоръ Воейковъ, Василій Маломаховъ, подъячій Михайло Крупениковъ, всѣ девять человекъ опрошенные и неопрошенные, виновные и невинные, оставливавшіе государыню царицу и раболѣпно исполнившіе ея волю, всѣ безъ разбору — биты батоги нещадно и потомъ освобождены. Его величество самъ изволилъ присутствовать на штрафованіи (1).

(1) Дѣятельный монархъ въ тотъ же день успѣлъ утвердить нѣсколько государственныхъ постановленій; въ силу одного изъ нихъ приказано было объявить архіереямъ и прочимъ духовнымъ властямъ, дабы они въ церквахъ во время

Достойно замѣчанія, что Василій Алексѣичъ Юшковъ не былъ призванъ къ допросу по поводу таинственнаго къ нему посланія старушки. Допросилъ ли его государь самъ, одинъ, секретно, или не хотѣлъ компрометировать невѣстку генеральнымъ опросомъ ея фаворита изъ боязни, чтобъ тотъ не повѣдалъ какихъ-нибудь сердечныхъ тайнъ старушки, какъ бы то не было, только письменныхъ показаній съ Юшкова взято не было и предъ «генеральными судьями» привожденъ онъ не былъ». Но онъ не избѣгъ наказанія; на другой же день послѣ батожей расправы съ служителями невѣстки, государь повелѣлъ сослать Юшкова въ Нижній Новгородъ. Конвойный унтеръ-офицеръ получилъ слѣдующій рескриптъ императора для передачи Нижегородскому начальнику.

«Господинъ вице-губернаторъ! (Ржевскій) писалъ Петръ, по нашему указу, посланъ въ Нижній Василій Алексѣичъ, сынъ Юшкова, съ унтеръ-офицеромъ отъ гвардіи Никитою Ржевскимъ. И когда оный унтеръ-офицеръ съ нимъ въ Нижній пріѣдетъ, тогда Юшкова отъ него примите и до указа нашего велите ему жить въ Нижнемъ, не выѣзжая никуда».

Кабинетъ-секретарь Макаровъ самъ выправилъ арестанта, причемъ далъ унтеръ-офицеру инструкцію, въ которой вопреки обыкновенію не было ни малѣйшаго напамтованія о строгомъ обращеніи съ арестантомъ; приказано было только взять у вице-губернатора росписку въ полученіи Юшкова, какъ возвратиться къ Москвѣ и явиться на генеральный дворъ. Изъ этого можно видѣть, что если связи, сила и значеніе царственной старушки не могли спасти дорогого Юшкова, то все-таки наказаніе его постигшее, ради ея вліянія, было весьма смягчено: Юшкова поддерживала и укрѣпляла благодѣтельная рука немощной тѣломъ, но бодрой духомъ Прасковьи. Съ Василіемъ Алексѣичемъ отняли у ней и исполнительныхъ пажей: два брата Воейковы по высочайшему повелѣнію были записаны въ гвардію солдатами. (1).

Нѣсколько дней спустя, государь съ государыней отправился въ Петербургъ, а двѣ недѣли спустя (15 марта) потянулась за ними изъ первопрестольной столицы партія «самонужѣйшихъ колодниковъ», подъ охраною конвоя. Въ числѣ ихъ отправленъ былъ и Ва-

служенія никакихъ челобитень не принимали, «кромѣ государственныхъ великихъ и косненія не терпящихъ дѣлъ», по упражнялись бы тогда въ богомыслии и въ молитвахъ и давался бы тѣмъ людямъ образъ благоговѣйнаго въ церквахъ стоянія. Въ тотъ же день государь удосужился принять участіе въ публичномъ смѣловномъ маскарадѣ, устроенномъ на московскихъ улицахъ.

(1) Письмо А. Макарова къ И. И. Бутурлину 20 февраля 1723 г. дѣл. л. 85. Одинъ изъ этихъ Воейковыхъ былъ въ 1739-мъ году майоромъ.

сплѣи Деревнивъ. «Дѣло о его битіи и женіи, писалъ Казариновъ, заправлявшій дѣламъ московско-тайной канцеляріи къ А. И. Ушакову, петербургскому инквизитору, дѣло Деревнина рѣшено на генеральномъ дворѣ, но по *письму* (цыфирному) слѣдованія еще не было. Сообщается оно при подлинномъ дѣлѣ и запечатано въ особомъ пакетѣ, а на немъ надпись А. В. Макарова: «письмо, которое подалъ И. И. Бутурлинъ». И то подлинное дѣло и письмо по приказу кабинетъ-секретаря препровождается къ Вамъ» (1).

Дѣло «по письму» тянулось крайне медленно, либо оно никого не интересовало, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — щекотливость содержания письма относительно царицы заставляла судей показывать къ нему какъ можно меньше вниманья. Только два мѣсяца спустя (14 мая) Ушаковъ извѣстилъ Казарина о полученіи колодника и его дѣла и затѣмъ тайная канцелярія въ лицѣ Андрея Ивановича немедленно постановила: препроводить деревнинское дѣло *о причинномъ письмѣ* въ канцелярію вышняго суда, понеже тамъ начало сего дѣла и слѣдованіе было, «да и пельзя того, добавлялъ политичный Андрей Ивановичъ, чтобъ многіе канцелярскіе стужителя — *о важностяхъ* (сего дѣла) *свѣдомы были*».

Такимъ образомъ Ушаковъ съ Толстымъ спустили Деревнина съ причиннымъ письмомъ царицы въ вѣденіе вышняго суда. Но и отъ него скорого и прямого рѣшенья ожидать было нечего, такъ какъ члены суда большею частью были либо близкіе пріятели и знакомые царицы, либо даже свойственники; здѣсь засѣдали: графъ Андрей Матвѣевъ, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, Семень Блеклый, Александръ Бредихинъ, Иванъ Бахметевъ, секретаремъ былъ — Петръ Ижорскій.

Вотъ почему они не съ разу согласились даже принять Деревнина, не вдругъ рѣшились взять на себя слѣдованіе и судъ по цыфирному посланію; такъ что только послѣ двухнедѣльной переписки съ тайной канцеляріей, вышній судъ далъ свое согласіе (27 мая) чтобы «дѣло Деревнина къ намъ прислать, но певначе какъ съ подъячимъ, у котораго то дѣло было, понеже «къ *тому важному дѣлу* отъ другихъ дѣлъ подъячаго *опредѣлять не надлежитъ*».

Опять пошла переписка: подъячій тотъ въ Москвѣ, и такъ на чей коштъ его выписать? Это затрудненіе дало вышнему суду предлогъ сдать дѣло (18 іюня) въ кабинетъ. Но тамъ кабинетъ-секретарь его не принялъ, но приказалъ войти экстрактомъ для доклада его величества. И вотъ втеченіе цѣлаго *мѣсяца* ишутся два экстракта. Только 19 іюля явился съ ними въ кабинетъ секретарь

(1) В. Д. Р. Д. Т. К. карт. XV ч. 3 дѣл. л. 1—46.

тайной канцеляріи Топильскій, который и предложилъ тутъ же запечатанное въ пакетъ цыфирное посланіе — съ достойнымъ респектомъ (1).

Въ кабинетъ дѣло засѣло. Надо думать, что обязательный Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, которому такъ наивно писала царица: «что будетъ ему платить», не смѣшилъ входить къ государю съ всеподданѣйшимъ докладомъ. Резолюціи не было, а стряпчій продолжалъ томиться въ казamatъ. Такъ при дворѣ суроваго и повидимому столь ревниваго къ правдѣ монарха находили себѣ убѣжище взяточничество и лиценціатіе; связи и протекція и здѣсь оказывали свое вліяніе; вся разница съ послѣдующими царствованіями состояла только въ томъ, что при Петрѣ это дѣлалось несравненно скрытнѣе, «опасливѣе.»

Что же это было за письмо, отъ котораго такъ скоро отшатывались слѣдователи и судьи, къ которому такъ старательно не допускали канцелярскихъ служителей, наконецъ для сбереженія котораго даже тайная канцелярія не находила у себя тайнаго мѣста, чтобы чины ея «важности сего письма свѣдомы не были?»

Что въ этомъ письмѣ не было ничего государственнаго, «противнаго» въ смыслѣ политической тайны, въ этомъ нечего и сомнѣваться; въ противномъ случаѣ судьба Юшкова была бы рѣшена иначе, не избѣгла бы суда и осужденія сама Прасковья; но куда дѣлось таинственное посланіе послѣ долгихъ странствій изъ тайной въ кабинетъ, изъ кабинета въ тайную, оттуда въ высшій судъ, изъ суда въ кабинетъ, изъ кабинета опять въ тайную — неизвѣстно; только, ни при дѣлахъ послѣдней, ни въ бумагахъ кабинетскихъ — письма этого не сохранилось. Между-тѣмъ уцѣлѣла слѣдующая посланительная записка руки Прасковьи: записка азбуки:

о і w м w w 192
1 2 3 4,5 6,7 8 9 10.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, и т. д.
0, 5, 3, 7, 6, і, а, 2, я, 8, и, п, в, в, в, 9, п, з, и т. д.

Явно, что эта та цыфирная азбука, по которой написано было таинственное посланіе. Тутъ же сдѣлавъ и переводъ — къ сожалѣнію только первой фразы: «радость мой светъ...»

Для кого и для чего приготовлена была эта записка? Весьма вѣроятно, что Петръ еще въ бытность свою въ Астрахани, получивъ изъ тайной канцеляріи письмо, доставленное Деревиннымъ, потре-

(1) Каб. дѣла II полов. т. LXIV ст. 451.

бывалъ отъ невѣстки ключа къ цыфрп, и приведенная записка есть черновая подлинника.

Таинственное письмо старушки, безъ сомнѣнiя, касалось либо ея сердечныхъ, интимныхъ отношенiй къ своему главноуправляющему, либо трактовало о семейныхъ, секретныхъ дѣлахъ, трактовало притомъ не совсѣмъ скромно? Все это предположенiя и догадки, которыя могутъ подтвердиться или опровергнуться открытiемъ интимной цыдулки.

Х

С М Е Р Т Ъ .

Мы оставили царицу въ родномъ Измайловѣ. Государь распорядился о дачѣ подводъ невѣсткѣ и ея дочерямъ отъ города до города; хворая старушка поднялась въ путь въ первой половинѣ марта 1723 года. Собственные тяжкiе недуги, болѣзнь младшей дочери, наконецъ скверныя дороги мѣшали ей ѣхать скоро, и дотащившись до Новгорода, старушка рѣшилась отдохнуть и оправиться.

Съ дороги она нѣсколько разъ посылала грамотки къ «государынѣ своей милостивой, дорогой невѣстукѣ и матушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ,» которой непрестанно желала «здравiя свѣту моему, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкоймъ, императоромъ великимъ, Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ государынями цесаревнами на множество лѣтъ!»

Несмотря на эти длинныя пожеланiя, письма Прасковьи «къ свѣтамъ благодѣтелямъ» — были какъ-то суше, холоднѣе, можетъ быть ссылка безцѣннаго Юшкова потрясла старушку и она только по нуждѣ относилась къ невѣсткѣ.

А нужда настояла немалая. Дочка ея, Прасковья, «весьма расхворалась»: «пожалуй государыня моя невѣстуска и матушка, диктовала старушка секретарю 4 апрѣля 1723 г., прикажи увѣдомить насъ о общемъ здравiи вашемъ, — чего отъ сердца слышать желаемъ; при семъ вашему величеству доношу, что дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у вашего величества пожалуй, государыня моя, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою.

«Благодарствую государыня моя, милостивая невестушка, за милостивѣйшее писаніе...» (1).

Вспомнила старушка, что скоро день рожденія императрицы, и сѣшнѣ исполнить формальность: «5 апрѣля 1723 г. Новгородъ.... Поздравляемъ вамъ государынѣ, дражайшимъ днемъ рожденія вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ впредь вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи, и за смѣ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невестка ваша — Прасковья».

Съ такими же поздравленіями привѣтствовала она государя и государыню по поводу наступающаго праздника Христова Воскресенія: «отъ сердца желая препроводить оный во всякой радости и впредь идущихъ лѣтахъ, да благословитъ Богъ много такихъ торжественныхъ дней достигнуть въ добромъ здравіи и во всякомъ благополучіи...»

Императрица съ своей стороны отвѣчала вниманіемъ на предупредительность и вѣжливость старушки. Екатерина послала въ Новгородъ доктора и письменно просила Прасковью обрадовать ее скорымъ пріѣздомъ.

«Благодарствую государыня моя невестушка, отвѣчала царица (11 апрѣля, Новгородъ), что изволили прислать къ намъ доктора. А дочери моеи отъ болѣзни есть свободнѣе, только внучка (Аннушка) п....мъ не можетъ. А въ С. Петербургъ поѣдемъ на завтрее праздника, и какъ могу, такъ сѣшнѣ буду.»

Государь также показывалъ заботливость о Прасковѣ Ѳедоровнѣ и ея семейкѣ, разумѣется по своему, своеобразно. Онъ хлопоталъ объ окончательномъ, болѣе надежномъ закрѣпленіи Курляндіи за Россіей и всячески подыскивалъ жениха для вдовствующей, сѣтующей безъ мужа, Анны Ивановны. Государь писалъ по этому поводу въ Митаву къ Петру Бестужеву, приказывая ему стараться объ этомъ дѣлѣ, прочилъ Анну за герцога Вейсенфельскаго, но это сватовство почему-то не состоялось.

Царица прибыла между-тѣмъ въ Петербургъ, въ началѣ мая 1723 г., совершивъ это путешествіе болѣе спокойно, водою на судахъ, присланныхъ въ Новгородъ по высочайшему повелѣнію. Оставивъ хворыхъ маменьку и сестрицу въ постель, «свѣтъ Катюшка» вмѣсто ихъ объѣздила всѣхъ съ визитами и приняла участіе въ обычныхъ увеселеніяхъ двора. Мы не останавливаемся на нихъ по-

(1) Адресъ: «Всемилоостивѣйшей государынѣ моеи невестушкѣ, императрицѣ Екатерицѣ Алексѣевнѣ.»

тому, что они очень хорошо извѣстны, по крайвей мѣрѣ характеръ ихъ — изъ предыдущихъ главъ нашего очерка и многихъ иностранныхъ источниковъ.

Нельзя не замѣтить однако, что отъ участія въ нѣкоторыхъ изъ потѣхъ сего года не рѣшалась отказываться сама царица Прасковья, стоявшая одной изъ отнявшихся у ней ногъ въ гробу. Такъ на празднествахъ при спускѣ кораблей, празднествахъ особенно любезныхъ монарху, старушка, изъ вниманія къ нему, подѣзжала къ новорожденному кораблю на баркѣ; не будучи въ состояніи выйти изъ нея, больная обыкновенно оттуда поздравляла государя и всѣхъ пирующихъ. При спускѣ корабля «Михаилъ Архангель», 26 мая 1723 г., она отпустила съ своей барки на корабль «свѣтъ-Катюшку» и ей поручила принять участіе въ пирѣ. Пиръ былъ на весь міръ! Гости и гостыи ѣли и пили съ четырехъ часовъ по полудни до двухъ часовъ утра; самъ государь предупредивъ, что онъ въ этотъ день намѣренъ хорошенько напиться, выдержалъ свое обѣщанье на столько, что едва могъ стоять на ногахъ; герцогъ голштинскій доведенъ былъ угощеніемъ, по собственному выраженію Петра, до состоянія пьянаго нѣмца (Kerel d'Allemagne), то есть его высочество лежалъ въ безчувственномъ положеніи. Дамы, и нѣтъ сомнѣнія наша герцогиня, были напоены на столько, что къ нимъ не пускали мушкетъ...

Такой же характеръ имѣло пиршество при спускѣ другого корабля «Крейсеръ» — 23 іюля. И это торжество почтила своимъ присутвіемъ вдовствующая царица. Не смотря на всю свою немощь, она подѣзжала съ маленькою внучкою Аннушкою къ кораблю; по прежнему не выходила изъ барки, и высадивъ Катерину Ивановну, отправилась домой, гдѣ оставалась ея царевна Прасковья въ постели, съ распухшими на обѣихъ рукахъ пальцами.

Государь былъ очень любезенъ и внимателенъ къ веселой Катюшкѣ и совѣтовалъ между прочимъ отъ слишкомъ большой полноты, которая ей не мало досаждала, меньше спать и меньше ѣсть. Слѣпо вѣруя, вслѣлъ за маменькой, въ медицинскія познанія дядюшки, «свѣтъ Катюшка» серьезно начала лечиться: цѣлыя сутки не ѣла, не пила и не смыкала очей; затѣмъ — разрѣшила себѣ постный столъ. Но разумѣется всякій, знавшій Катерину Ивановну и ея страсть поспать хорошенько и поѣсть сколь можно положительнѣе, былъ напередъ убѣжденъ, что и постъ, и бленіе не долго продолжится.

Весь іюль и начало августа старушка провела на яхтѣ, участвуя въ морскомъ путешествіи всего двора въ Ревель и Ригу; морское путешествіе не доставило ей удовольствія; здоровье ея несколько не поправлялось; старушка видимо разрушалась и съ каж-

дымъ дцемъ быстро приближалась къ могилѣ; на яхтѣ ей сдѣлалось особенно дурно, такъ что нѣкоторое время царевна Катерина не отходила отъ постели матерн; болѣзнь Прасковьи не мѣшала впрочемъ веселиться другимъ, — и въ день возвращенія въ столицу, день, ознаменовавшійся встрѣчею знаменитаго ботика, дѣдушки русскаго флота, — всѣ отъ мала до велика, отъ послѣдняго деньщика до великаго монарха, пировали десять часовъ сряду. По свидѣтельству одного изъ участниковъ пира, императоръ былъ особенно расположенъ пить; нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напьется съ нимъ пьянъ, и всѣ, ревнуя показать свою преданность и любовь къ отцу-отечеству, такъ страшно пили, какъ не запомнить ни одинъ заѣзжій нѣмецъ — во все пребываніе свое въ Россіи. Не было пощады и дамамъ, т. е. императрицѣ, герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ и прочимъ членамъ царскаго семейства съ ихъ свитами. Ихъ отпустили послѣ шестичасоваго угощенья. Оно особенно размягчило сердце Петра. Съ нимъ случился рѣшительный припадокъ самой страстной, нѣжной чувствительности. Онъ безпрестанно цѣловалъ милаго герцога голштинскаго, оказавшаго необыкновенные успѣхи въ россійскомъ служеніи бахусу; государь, въ припадкѣ нѣжности безпрестанно трепалъ его, нѣсколько разъ срывалъ съ головы парикъ, цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку, то въ лобъ, даже оттягивалъ ему нижнюю губу и цѣловалъ въ ротъ между зубами и губами... Тоже сентиментальное чувство овладѣло многими знатными персонами: они плакали, цѣловались, обнимались, — за то другіе отъ нѣжныхъ поцѣлуевъ круто перешли къ рѣзкимъ объясненіямъ: такъ напр. адмиралъ Крѣйсъ далъ контръ-адмиралу Зандеру такую затрещину, что контръ-адмиралъ покотился подъ столъ, потерялъ парикъ и волею-неволею остался въ положеніи *безчувственнаго нѣмца*.

Достойно замѣчанія, что говоря о подобныхъ пиршествахъ, нельзя сказать, чтобы прекрасный полъ особенно тяготился усиленнымъ угощеніемъ. Привычка дѣлала чудеса, даже небесно прекрасныя цесаревны, какъ называетъ Берхгольцъ Анну и Елисавету, съ поразительною привѣтливостью подносили пирующимъ стаканы крѣпчайшаго венгерскаго вина и съ неподражаемою граціею сами осушали стаканы. Толстенькая герцогиня уступала имъ въ граціи, но по опытности своей и большому возрасту превосходила въ искусствѣ самоугощенія.

Начало сентября ознаменовалось восьмидневнымъ маскарадомъ въ честь годовщины Ништатскаго мира; всѣ были обязаны подпискою явиться на это празднество. Втеченіе восьми дней по улицамъ Петербурга выдвигались торжественныя процессіи, были самыя

разнообразные костюмы — халдейскіе, аббатскіе; государь Петръ Алексѣевичъ являлся то католическимъ кардиналомъ, то матросомъ барабанщикомъ; костюмы польскіе, старинно-нѣмецкіе, іезуитскіе, французскіе, итальянскіе, китайскіе, жидовскіе, капуцинскіе, индѣйскіе, японскіе, татарскіе и другіе пестрѣли на площадяхъ и улицахъ Петербурга. Тутъ же среди замаскированныхъ, какъ видно изъ печатной росписи, красовалась неусыпаемая обитель. Ее составляли: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи Фендрихъ Афанасій Татищевъ, князь Ярославскій, отъ гвардіи Фендрихъ Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и синклитомъ; обитель сопровождала большая свита въ разныхъ духовныхъ, арлекинскихъ, нищенскихъ и прочихъ странныхъ уборахъ мужчины и женщины. Далѣе по машкарадной росписи ⁽¹⁾ слѣдовали: извѣстный шутъ Семень Тургеневъ въ роли Нептуна, проповица пѣвчій Карповъ — бахусомъ; далѣе архіерей: Иваникандръ . . . митрополитъ С. Петербургскій, Морай . . . митрополитъ Кроншлоцкій и Котлинскій, Тарай . . . митрополитъ великаго Нова . . . и великихъ . . .; Никонъ Прыткой . . . митрополитъ Дербенской и Мидскій; Гниль . . . митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, Бибабръ, митрополитъ рѣки Охтинской и Седмимелницкой, М митрополитъ Пековскій и Изборскій; Феофанъ Красной . . . митрополитъ Смоленскій и Дорогобужскій, архидьяконъ Иди на . . Строевъ. Ключарь Формосовъ . . . Протасевъ. Всего 10 человекъ.

Государыня вслѣдъ за кесаршей Ромадановской шла въ фрижланскомъ уборѣ; 55 отдѣленіе вела государыня царица Катерина Ивановна; она, также княгиня Меншикова, дѣвица Юшкова и другія 7 персонъ дамскихъ были въ гишпанскихъ костюмахъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи была царица Прасковья Ивановна съ 13-ю дамами и дѣвицами въ платьяхъ «шкармуцкихъ.»

Удовольствій была бездна. Такъ напр. какой-то толстякъ представлялъ солнце. Онъ несъ большую, сдѣланную изъ холста и раскрашенную машину, которая была такъ устроена, что лицо его какъ разъ приходилось въ самой срединѣ свѣтила, гдѣ прорѣзана была дыра. Безпокойная братья «соборъ всеяныиѣшаго и всешумныиѣшаго князь-напы» нѣсколько разъ съ пѣснями проходила съ свѣтиломъ по саду, а подъ конецъ шутникъ взлѣзъ на лѣстницу, обратился лицомъ къ солнцу и говорилъ ему длинное смѣхотворное

⁽¹⁾ Роспись компаніи машкарада, бывшаго въ Спб. 30 августа по 6 сентября 1723 г. напечатана въ приложеніи къ III ч. Дневника Берхгольца. М. 1860 г. стр. 269—288.

слово. Для парода выкачены были бадьи съ пивомъ и виномъ. По-тѣхъ прекращались по барабанному бою императора.

Только извѣстный уже намъ характеръ беззаботной, смѣшливой герцогини давалъ ей возможность всецѣло предаваться удовольствіямъ двора; въ сущности ей было о чемъ побезпокоиться, было о чемъ призадуматься: съ одной стороны должны были вызывать эти думы страданія больной, умирающей матери, съ другой — самыя безотрадныя вѣсти о благовѣрномъ супругѣ. Она жаловалась своимъ знакомымъ, что герцогъ рѣшительно не хочетъ пріѣхать въ Россію, а между тѣмъ доходили до нея слухи, что римскій императоръ намѣренъ поручить управление Мекленбургіи брату Карла-Леопольда, Христіану-Лудвигу, если первый не изъявитъ покорности.

Вмѣстѣ съ свѣтъ Катюшкой заявляла свое сожалѣніе объ упрямствѣ зятя царица Прасковья; она удивлялась, какъ герцогъ, хорошо знающій объ отличномъ обращеніи государя съ голштинскимъ и гессенъ-гомбургскими принцами, не внемлетъ неоднократнымъ приглашеніямъ пріѣхать въ Россію. Такъ напр. въ маѣ 1723 года Петръ, по просьбѣ племянницы и невѣстки, еще разъ сдѣлалъ попытку вызвать изъ Мекленбурга герцога Карла-Леопольда. Это порученіе возложено было на генерала Бонна, хорошаго знакомаго, даже пріятеля взбалмошнаго герцога. Не смотря на этотъ выборъ посланнаго, Катерина Ивановна очень опасалась, что супругъ ея все-таки не дастъ убѣдить себя, не смотря на то, что пріѣздъ въ Россію былъ единственнымъ исходомъ изъ плохого положенія. Но герцогъ ни мало о немъ не задумывался и, къ огорченію супруги своей, велѣлъ между прочимъ отрубить въ Демицѣ голову тайному совѣтнику Вольфрату. Сѣтованія на мужа не на столько были однако велики у легкомысленной Катерины, чтобъ мѣшать ея задушевнымъ бесѣдамъ съ камеръ-юнкеромъ герцога Голштинскаго. Она продолжала зазывать его къ себѣ, просиживала съ нимъ цѣлые часы въ самой задушевной, интимной болтовнѣ о всевозможныхъ пустякахъ, дѣлала ему подарки, не пускала домой и проч.

Петербургская осень 1723 года была крайне непогодливая. 2 октября (годовщина мщенія старушки Прасковьи) случилось одно изъ сильнѣйшихъ наводненій: порывистый вѣтеръ съ моря дулъ долго, съ необыкновенной силой, и бурливая Нсва, затопивъ ночью всѣ улицы, поднялась на 7 футовъ и 7 дюймовъ (1). Жители были въ страхѣ и ежеминутной опасности погибнуть въ водяной пучинѣ; но въ домѣ нашей старушки было и другое безпокойство, другія

(1) *Аллеръ*: Оп. наводненій, бывшихъ въ Спб. 1826 г. с. 28.

опасенія: приближался роковой часъ, царица разставалась съ жизнью.

Еще 21 сентября она была на столько бодра, что принимала у себя императрицу, цесаревенъ и большое общество знати. Старушка въ послѣдній разъ въ жизни праздновала одинъ изъ праздниковъ своего семейства, день рожденія царевны Прасковьи, которой пошолъ 30 годъ.

Съ этого времени, съ каждымъ днемъ царицѣ становилось хуже и хуже, съ часу на часъ ждали ея кончины. 8 октября навѣстилъ ее государь и пробылъ у невѣстухи болѣе двухъ часовъ; въ палатахъ умирающей толпились челядинцы, рабы и рабыни царицы-помѣщицы; они тревожно ждали ея кончины въ невѣденіи, что послѣдуетъ съ ними послѣ ея смерти; тутъ же были высшіе духовные іерархи, робко тѣснилось и низшее духовенство, попы, разные церковники, штатные и нештатные пророки, вѣщуньи, юродивые и другія темныя лица, призрѣаемыя милосердой монархией. Но эти лица могли показываться не иначе, какъ съ большими опасеніями наткнуться на государя; а эта встрѣча значила просто на просто попасть подъ батоги, имъ извѣстно было, какъ безцеремонно поступилъ Петръ Алексѣевичъ съ ихней же братьей при кончинѣ царевны Маріи Алексѣевны (20 марта 1723 г.). Овъ засталъ въ покояхъ умирающей цѣлую толпу поповъ, которые, по заведенному изстаря обычаю, привесли ей яствъ, напитковъ и спрашивали, не нужно ли ей чего-нибудь, всего ли она имѣла вдоволь? Его величество немедленно всѣхъ ихъ выгналъ вонъ и строго настрого наказалъ, чтобъ впредь не повторялись подобныя вещи. Слѣдовательно немудрено, что при настоящемъ случаѣ многое не повторилось изъ старинныхъ обычаевъ, сопровождавшихъ проводы на тотъ свѣтъ...

Въ домѣ умирающей распоряжалась Катерина Ивановна. Императрица ободряла и утѣшала ее и часто провѣдывала больную. Между прочимъ, зная, что умирающая всегда была крайне немилостива къ средней своей дочери, мало того — почти ее прокляла, Катерина Алексѣевна напомнила о необходимости полного прощенья и примиренья. Старушка согласилась и закрѣпила это подписью на письмѣ къ государынѣ: въ этой грамоткѣ она простила пелюбезную ей Анну (1). Мало того, 11 октября, для успокоенія дочери и въ

(1) Письма этого къ сожалѣнію мы не нашли въ подлинныхъ бумагахъ, но о немъ свидѣльствуетъ Щербатовъ: «Анна, по словамъ сего историка, съ природы была права грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ ар-

угоду государыни-невѣстки, старушка продиктовала слѣдующее письмо :

«Любезнѣйшая моя царица Анна Ивановна! Понеже нынѣ болѣзни во мнѣ отчасу умножаются, и такъ отъ оныхъ стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла; того для, симъ моимъ письмомъ напоминаю вамъ, чтобы вы молились обо мнѣ Господу Богу, ежели Его Творца моего воля придетъ, что я отъ сего свѣта отыду. Также слышала я отъ моей вселюбезнѣйшей невѣстухи, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи, яко бы подъ запрещеніемъ (или тако рещи, проклятіемъ) отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сумнѣвайся; все для вышешюманутой ея величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстухи отпускаю вамъ, и прощаю васъ во всемъ, хотя въ чемъ вы предомноу и погрѣшили. Впрочемъ, предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божию, остаюсь мать ваша Прасковья.»

На другой день въ городѣ пронесся слухъ, что царица не проживетъ и нѣсколькихъ часовъ; но она промучилась еще сутки. Государыня была у ней утромъ, и потомъ провела день въ больномъ обществѣ: во дворцѣ былъ большой обѣдъ съ пушечной пальбой съ невскихъ судовъ, съ танцами и проч. Императора не было: онъ еще нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ съ небольшою свитой осматривать ладожскій каналъ, при прорытіи котораго оказалось множество злоупотребленій.

Такимъ образомъ Петръ Алексѣевичъ, вопреки Голкову (1), не присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни Прасковьи. На разсвѣтъ 13 октября 1723 года старушка, чувствуя приближеніе кончины, поручила своихъ дочерей «Катюшку и больную Парашу» материнскому попеченію императрицы, настоятельно просила, чтобъ съ ней въ гробъ положили портретъ ея мужа; наконецъ потребовала зеркало, долго въ него смотрѣлась, какъ бы прощаясь сама съ собой и испустила духъ. Капитанъ Бергеръ извѣстилъ дворъ и объѣхалъ сановниковъ съ вѣстью о кончинѣ благовѣрнѣйшей государыни-царицы.

Немедленно дали знать государю; отмѣнили спектакль, имѣвшій быть въ этотъ день во вновь построенномъ для труппы домѣ, и стали толковать о томъ, на сколько времени будетъ наложенъ

хивѣ Петра I-го одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка и проч. О поврежд. нравовъ въ Россіи, стр. 47.

(1) Дѣянія Петра I-го т. IX с. 529.

трауръ ; думали , что онъ протянется не менѣе полугода ; на другой же день дворъ и весь почти городъ облекся въ трауръ .

16 числа государь вернулся въ столицу и начался распоряженіе о пышныхъ похоронахъ . Онѣ были назначены 22 октября . Наканунѣ гвардіи майоръ А . И . Румянцевъ , въ качествѣ маршала погребенія , объѣхалъ именитыхъ лицъ съ приглашеніями , отъ имени дочерей покойной , пожаловать на другой день къ двѣнадцати часамъ на похороны царицы . Толковали (зная страсть государя къ катаньямъ) , что тѣло царицы повезутъ водой въ Невскую Лавру , но что оно останется тамъ только до тѣхъ поръ , пока въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ не отдѣлаютъ императорскій склепъ , и что трауръ продолжится не болѣе шести недѣль .

Государь , страстный охотникъ до устройства всякаго рода торжественныхъ и курьезныхъ зрѣлищъ , самъ озаботился объ украшеніи и обстановкѣ смертнаго одра царицы , по проекту графа Сантти . Ему было очень пріятно любопытство многочисленныхъ посѣтителей , приходившихъ не для одного поклона умершей , но и для того , чтобъ поглазѣть на убранство . Посѣтителей принимали генералы Алларъ и Ласси , первые маршалы погребенія . Вслѣдъ за голштинскимъ герцогомъ протолкаемся и мы къ парадному гробу Прасковьи .

Открытый гробъ съ ея тѣломъ стоялъ на катафалкѣ , устроенномъ какъ парадная постель . Надъ ней возвышался большой балдахинъ изъ фіолетоваго бархата , украшенный галунами и бахромой , а надъ гробомъ , на той части балдахина , которая спускается въ головахъ , вышитъ былъ золотой двуглавый орелъ на фонѣ , состоящемъ какъ бы изъ горностаеваго мѣха . На внутренней ея сторонѣ стоялъ вышитый же пшанной шифръ покойной съ императорскою короною , скипетромъ и державою на верху . Съ правой стороны , на красной бархатной подушкѣ , лежала царская корона , украшенная довольно богато драгоценными камнями и сдѣланная , сколько позволяла краткость времени , довольно изящно . Возлѣ нея стояло желтое государственное знамя . Гробъ былъ на возвышеніи о нѣсколькихъ ступеняхъ , обитъ фіолетовымъ бархатомъ и широкимъ галуномъ , крышка украшена крестомъ изъ бѣлой обьяри . Изъ той же обьяри было платье на Прасковѣ и покровъ , спускавшійся до катафалка , обтянутого бархатомъ . По обѣимъ сторонамъ гроба стояло двѣнадцать большихъ свѣчей ; кромѣ того въ комнатѣ висѣли три люстры и множество стѣнныхъ подсвѣчниковъ ; во всѣхъ горѣли восковыя свѣчи . Вся комната была обита кругомъ черной байкой , а сверху — по карнизу шла фалбала , эффектно собранная изъ бѣлаго и чернаго флера... По стѣнамъ висѣли разныя аллегоріи . Тѣло охраняло двѣ-

надцать капитановъ въ черныхъ кафтанахъ , длинныхъ мантияхъ , съ чернымъ флеромъ на шляпахъ и съ вызолоченными алебардами; на длинныхъ концахъ флера , обвязаннаго вокругъ нихъ , висѣли маленькіе щиты съ вензелемъ и гербомъ царицы. У дверей стояли гренадеры , со штыковъ ихъ ружей также спускался флеръ. Надъ тѣломъ поочередно отчитывали двое священниковъ... Все дѣлалось какъ нельзя болѣе чинно, стройно и хорошо. Порядокъ не былъ нарушенъ плакальщиками , стонами и воплями толпы челядинцевъ , приживалокъ покойной , такъ какъ подобныя завыванія и причитыванія надъ умершими строжайше были запрещены Петромъ въ 1716 году , при погребеніи царицы Марфы , вдовствовавшей супруги Оедора Алексѣевича (1).

Прежнее распоряженіе везти тѣло водой было почему-то отмѣнено государемъ въ самый день погребенія. Процессія началась въ три часа пополудни, 22 октября. Когда въ передней комнатѣ въ домѣ покойной собралась вся знать и пріѣхала царская фамилія , разнесли всѣмъ глиндвейнъ ; послѣ чего всѣ перешли въ большую траурную залу , гдѣ и отслушали панихиду ; ее служило все знатнѣйшее духовенство. Было четыре часа , когда вынесли тѣло изъ дому и длинная процессія медленно потянулась по оледенѣвшей , до такой степени скользкой грязи , что всѣ съ трудомъ передвигали ноги , ежеминутно рискуя упасть и вывихнуть ногу , либо свернуть шею. Ни ружейной , ни пушечной пальбы не было , но колокола всѣхъ церквей загудѣли по сигналу спущенныхъ ракетъ.

Шествіе открывалъ гвардіи поручикъ съ восемнадцатую унтеръ офицерами ; они держали на плечахъ тесаки , съ которыхъ спускался длинный флеръ. За ними шолъ первый маршалъ Румянцевъ въ главѣ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ ; всѣ они шли по старшинству , по трое и четверо въ рядъ. За ними должны были идти иностранныя министры , но они — во избѣжаніе споровъ о мѣстахъ , не явились ; герцогъ голштинскій шолъ со всѣмъ своимъ дворомъ , принцами гессенъ-гомбургскими , съ двумя вице-адмиралами и генераль-лейтенантами Ягужинскимъ и Минихомъ. Далѣе двигался большой хоръ императорскихъ пѣвчихъ и духовенство съ зажжонными свѣчами ; за другимъ маршаломъ — Мамоновымъ , выступалъ Матвѣевъ съ царской короной на подушкѣ , — прочихъ регалій и знаковъ не было ; двѣнадцать полковниковъ шли въ качествѣ носильщиковъ , однако тѣло не несли , а везли на открытой черной колесницѣ , на которой для большаго парада гробъ былъ по-

(1) Веберъ : Das veränderte Russland. Т. I. стр. 122—123. Берггольцъ ч. III стр. 133—145. Голицковъ IX, стр. 529—530.

ставленъ очень высоко; съ него спускался до земли чорный бархатный покровъ, обшитый серебряными галунами. Въ колесницу впряжена была шестерка большихъ, какъ слѣдуетъ завѣшанныхъ лошадей; шесть маіоровъ несли фіолетовый бархатный балдахинъ, вокругъ шло двѣнадцать капитановъ—аллебардистовъ и столько же поручиковъ съ большими свѣчами.

Маршалъ Алларъ съ громаднымъ жезломъ открывалъ третье отдѣленіе шествія: его составляли *траурные*. То были: императоръ, ведомый Апраксинымъ и Меншиковымъ, герцогиня мекленбургская въ глубочайшемъ траурѣ, съ совершенно закрытымъ лицомъ; ее вели подъ руки оберъ-полиціймейстеръ и А. И. Ушаковъ, шлейфъ несли четыре прапорщика гвардіи; въ такомъ же траурѣ шла Прасковья Ивановна, поддерживаемая контръ-адмираломъ Сениавинымъ и генералъ-адъютантомъ Нарышкинымъ, шлейфъ несли унтеръ-офицеры. Императрица также была въ траурѣ, съ закрытымъ лицомъ, равно какъ и остальные дамы ея свиты. До полутораста унтеръ-офицеровъ и солдатъ съ зажонными факелами вытягивались по сторонамъ; воинская же команда замыкала шествіе.

Оно подвигалось крайне медленно. Царевна Прасковья, за ней императрица, герцогиня и всѣ дамы сѣли въ кареты; мушны шли пѣшкомъ, скользили, выступали какъ гуси по льду и страшно мерзли. Болѣе двухъ часовъ двигалась процессія. Ее встрѣтили у воротъ обители всѣ монахи и духовенство; полковники торжественно внесли гробъ въ церковь. Здѣсь молодой священникъ почти цѣлый часъ говорилъ проповѣдь; это вѣроятно былъ паннирикъ умершей царицы, и во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что интересное для біографіи Прасковьи слово не сохранилось для потомства. По обыкновенномъ служеніи, архіепископъ новгородскій, а за нимъ и все духовенство облобызали руку царицы; къ ней же подвели царевень, онѣ громко рыдали; государыня поцѣловала невѣстуху въ губы; за тѣмъ начались прощанія всѣхъ предстоявшихъ; за цѣлованіемъ государя, положили на лицо покойной портретъ ея супруга, зашитый въ бѣлую обьярь, заколотили гробъ и опустили его въ могилу предъ алтаремъ, въ Благовѣщенской церкви. (1)

(1) Описаніе Спб. *Богданова*. 1751 г. изд. 1779 стр. 374—375. Описаніе Невской Лавры *Павлова*. 1842 г. с. 63. Оп. Петербурга *Пушкарева* I, с. 142. Царица Прасковья судьба привела почивать въ общемъ склепѣ съ «свѣтъ Катюшкой» (умерла 24 іюня 1733 г.) и ненаглядной внучкой Аннушкой, которой суждено было такъ много выстрадать въ злополучной и кратковременной жизни (погреб. 1 марта 1746 г.); въ той же церкви могила сестры царицы, княгини Настасьи Ромодановской (ум. 2 сент. 1736 г.)

Въ домѣ покойной совершены были по обычаю поминки; государь просидѣлъ за столомъ до 11 часовъ ночи. Дня два спустя была страшная попойка у герцога голштинскаго, на дворѣ императорскаго дома начались пытки, нѣсколько знатныхъ персонъ разсажены были подѣ стражею за какія-то «государственныя противности»; ихъ ежедневно водили въ цѣбяхъ въ присутствіе сената... все, однимъ словомъ, пошло обычной колеей.

«Свѣтъ-Катюшка», какъ и надо было ожидать по ея характеру, скоро очень развеселилась; она увѣряла, что причина ея веселости заключается въ добрыхъ вѣстяхъ о благовѣрномъ супругѣ: дѣла его будто бы поправлялись, въ Данцигѣ съ нимъ вели переговоры уполномоченные австрійскаго императора и англійскаго двора; Петръ также отправилъ туда курьера.

Братецъ покойной, Василій Ѳедоровичъ, хлопоталъ о раздачѣ монастырямъ и нищей братіи на поминъ о душѣ Прасковьи милостыни ⁽¹⁾, а государь приказалъ всѣ дѣла царицы привести въ надлежащій порядокъ, представить смѣту долговъ, удовлетворить кредиторовъ, положить штаты царевнамъ, позаботиться объ оставшихся больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ ея служителяхъ.

Долговъ у старушки оказалось немало; Прасковья до такой степени не умѣла заправлять своими недостатками, что постоянно нуждаясь въ деньгахъ, закладывала даже вещи; императоръ приказалъ Ѳедору Воейкову позаботиться о выкупѣ этихъ закладовъ. Выкупъ продолжался еще и въ 1724 году: такъ отъ 3 апрѣля сего года мы находимъ указъ государя Дмитріеву-Мамонову о заплатѣ денегъ строителю Бурнашеву за заложенные у него царицей камня и жемчугъ.

На погребеніе царицы употреблено было 624 свѣчи, всего сожжено воску 6 пудовъ 11 фунтовъ, по разнымъ цѣнамъ на 73 руб. Бергъ-коллегія потребовала этихъ денегъ отъ наслѣдницъ Прасковьи; но управитель ихъ отвѣчалъ: «что денежной казны въ присылкѣ изъ вотчинъ ихъ высочествъ не имѣется, а понеже тѣ восковые заводы заведены изъ кабинета его величества, и чтобъ тѣхъ денегъ на комнатѣ ихъ высочествъ не спрашивать, ибо тѣ свѣчи употреблены на погребеніе ся величества государыни царицы.»

Государь повелѣлъ поставить свѣчи на кабинетскій счетъ. ⁽²⁾ Въ кабинетъ его поступило, по случаю распорядка дѣлъ Прасковьи, много челобитень разныхъ лицъ объ удовлетвореніи ихъ слѣдую-

(1) Кабин. дѣло II полов. кн. LXIV л. 147, вѣдѣніе В. Ѳ. Салтыкова.

(2) Каб. дѣло II полн. кн. LXVI л. 888 въ кабинетъ Е. И. В. доношеніе.

мыми имъ деньгами, получки которыхъ они викакъ не могли добиться отъ царицы. Въ числѣ челобитчиковъ былъ и воспитатель дочерей Прасковьи, Стефанъ Рамбурхъ. «Въ прошломъ 1703 году, писалъ между прочимъ французъ, зачалъ я по указу со всякою прилежностью танцу учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ; служилъ имъ пять лѣтъ до 1708 года. А за оныя мои труды обѣцано мнѣ жалованья по 300 рублей на годъ, къ чему представляю въ свидѣтели Остермана, который тогда ихъ высочества нѣмецкому языку училъ. Однакожь принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ доукъ въ Москвѣ, домъ мой оставить, и пріѣхавъ въ Петербургъ, непрестанно просить о выдачѣ моихъ денегъ ея величество блаженной памяти государыню царицу, которая изволила ото дня до дня отлагать. А послѣ смерти ея величества былъ я челомъ ея высочеству, государынѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской, и ея высочество не изволила жъ мнѣ никакое удовольствованіе учинить»...

Вслѣдствіе чего Рамбурхъ просилъ государя выдать заслуженные имъ 1500 рублей, чтобъ вѣрныя труды вотще не остались и ему, Рамбурху, «при глубокой его старости съ великою фамиліею возможно было пропитаться, непрестанно Бога моля о здравіи государя и всего августѣйшаго дома.»

Государь внялъ мольбамъ. Французъ получилъ слѣдующія деньги, кромѣ того годовой окладъ, и обрадованный милостями, не замедлилъ ударить новой челобитной. Какъ истый французъ, онъ жаждалъ — чина! Съ упрекомъ ставилъ онъ на видъ то обстоятельство, что «французанинъ не возмогъ отъ царевень никакой уплаты трудамъ своимъ получить», а между тѣмъ ему принадлежитъ честь «обученія ихъ высочества зачалу или основанію французскаго языка». Учитель просилъ какого-нибудь чина, который, по его увѣренію, нуженъ былъ для упроченія и вяцшаго обученія двухъ его сыновей во Франціи «такимъ наукамъ и хуложествамъ, какія ея величество повелить, чтобы съ своимъ возвращеніемъ къ Россію возмогли бы достойно явиться въ службу и съ пользою могли бы быть употреблены.» (1)

Неизвѣстно получилъ ли желаемый чинъ докучливый французъ, но во всякомъ случаѣ справедливый упрекъ его Катеринѣ Ивановнѣ теряетъ свою силу, когда знаешь разстроенное положеніе ея финансовъ. Она смѣнила казначея Тихменева, стариннаго врага Деревнина, но дѣла отъ этого не улучшились. Секретарь Арцыбашевъ,

(1) Челобитныя Рамбурха 1723—1724 г. на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ въ *кабин. дѣл.* №1 полов. кн. LXV л. 726. кн. LXIX л. 118—119.

которому государь вмѣстѣ съ другими поручилъ разсмотрѣть приходо-расходныя смѣты компаты ихъ высочествъ, никакъ не могъ добиться толку, куда дѣлась та или другая сумма, выданная покойной царицѣ изъ кабинета и не введенная въ расходъ. ⁽¹⁾

Окладъ царевенъ Катерины и Прасковьи въ 1723—1724 годахъ былъ слѣдующій: въ годъ на двѣ комнаты отпускалось 9000 рубл.; на четыре комнаты, за конскіе кормы, за дрова и за починку каретъ — 3203 руб. 84 к., чиновнымъ боярынямъ, казначеямъ, постельницамъ, дѣвицамъ, истопникамъ, сторожамъ, крестовымъ дякамъ, портомоямъ и портомояннымъ сторожамъ — 953 р. 60 к. Дворовымъ, конюшеннымъ и верховымъ людямъ — 1740 р. 73¹/₂ к., и того на оба двора царевенъ въ годъ 14,898 рубл. 17¹/₂ коп.

Въ смѣтѣ на 1725 годъ послѣдовали нѣкоторыя перемѣны, но не къ увеличенію, а напротивъ къ уменьшенію оклада: на двѣ комнаты царевенъ отпущено было на годъ на конскіе кормы, на дрова и починку каретъ — 1601 руб. 92 коп.; чиновнымъ служительницамъ и крестовымъ дякамъ — 476 руб. 80 коп., дворовымъ и конюшеннаго чина людямъ — 870 руб. 36³/₄ коп.; да на рожь и овесъ — 3,380 руб., и того 6,329 руб. 8³/₄ коп. ⁽²⁾

Мы видѣли какъ скоро утѣшилась Катерина Ивановна, не долго тосковала по матери и сестра ея Прасковья. Иноземные писатели свидѣтельствуютъ, что она тайно обвинялась съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, генераломъ и сенаторомъ. Тайный супругъ царевны Прасковьи былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей при составленіи того акта, которымъ Анна Ивановна призывалась на всероссійскій престолъ, но ради жены своей не только не подвергся опалѣ, но снискалъ милости новой государыни. Онъ не долго пользовался ими: Мамоновъ умеръ скоропостижно въ 1730 году. Прасковья немногимъ пережила любезнаго ей супруга; она скончалась на рукахъ сестеръ въ 1731 году. ⁽³⁾

Прощаясь съ героями и героинями нашего разсказа, забудемъ ли Василія Федоровича Деревинна, благодаря жженію котораго мы

(1) *Кабин. дѣла II* пол. т. *LXVIII* л. 589—590. Оправдательное письмо Тихменева къ монарху о приходахъ и расходахъ царицы, 5 дек. 1724 г. Справки о томъ же: *Каб. дѣл. I* пол. кн. *LXIV* л. 367 и проч. Указъ въ москов. надворн. судъ о взысканіи съ служителей Аргамаковыхъ начетныхъ 3000 руб., принадлежащихъ царицѣ Прасковьи. *Голіковъ IX*, 474. Тяжба Тихменева съ Терскимъ продолжалась долго. Государь между прочимъ повелѣлъ Тихменеву отвѣтствовать на своеручные его запросы. Въ чемъ они состояли и чѣмъ кончилось дѣло, мы еще не доискались.

(2) *Каб. дѣла II* полов. кн. *LXV* л. 479. кн. *XCII* л. 433—437.

(3) *Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen*, соч. Шмита Физельдека.

познакомился съ нѣкоторыми особенностями характера благовѣрной старушки? Къ сожалѣнію свѣденія наши объ окончательной судьбѣ копченаго стряпчаго крайне неудовлетворительны; 24 сентября 1724 года, т. е. два года спустя послѣ объясненія Прасковьи съ стряпчимъ—казначеемъ, государь, улосужившись прочесть экстрактъ его дѣла, приказалъ генеральному суду либо принять Деревнина подъ свой караулъ, либо отослать его въ юстицъ-коллегію. Надо думать, что въ октябрѣ того же года состоялось о немъ какое-либо распоряженіе, такъ какъ дѣло, сдано было (24 октября) на храненіе въ тайную канцелярію, въ картонахъ которой оно находится и въ настоящее время.

Получилъ ли Деревнинъ свободу, или отправленъ для отвращенія дальнѣйшихъ проволочекъ (что случалось зачастую) въ Сибирь, «на государеву службу» — неизвѣстно. ⁽¹⁾

Какъ ни скуденъ нашъ очеркъ матеріалами (кто не знаетъ, какъ трудно они отыскиваются), но мы надѣемся, что личность блаженной памяти благовѣрнѣйшей государыни царицы Параскевы Федоровны обрисовалась предъ нашими читателями. До сихъ поръ мы встрѣчали эту женщину въ нашихъ печатныхъ источникахъ, въ спискахъ лицъ, участвовавшихъ въ той либо другой процессіи, либо читали два-три слова о вниманіи и расположеніи къ ней Петра Алексѣевича. Затѣмъ она все-таки оставалась какимъ-то безплотнымъ, безцвѣтнымъ существомъ, съ именемъ котораго мы не соединяли ни малѣйшаго понятія; Прасковья представлялась намъ такою же безличною тѣнью, какою до сихъ поръ остаются въ исторіи Петра большая часть его сподвижниковъ и сподвижницъ.

Мы убѣждены, что для полной исторіи того времени, для яснаго, отчетливаго знакомства съ обществомъ, съ духомъ той эпохи, съ обстановкою Петра, необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство не только съ государственными дѣятелями, сподручниками, претендами Петра, но и съ тѣми, мужскими и женскими, знатными

(1) Последняя бумага, относящаяся къ сему дѣлу, есть представленіе тайной канцеляріи, 9-го ноября 1724 г., въ кабинетъ его величества копии съ жалобы Терскаго (1722 г.) на московскую полицію и Степана Тихменева, «чтобъ была та просьба (а рѣшеніе по ней не положено) извѣстна въ кабинетѣ, а къ тайной канцеляріи впредь къ исправленію чего не причлось бы, понеже о деньгахъ (начеты на Деревнина царицею) по оной канцеляріи не причествуютъ.» Карт. XV. л. 45—46.

и пезнатными персонами, которымъ выдалась замѣтная роль въ общественной жизни, которыя наконецъ могутъ служить типическими представителями и представительницами своего общества.

Царица Прасковья — именно одна изъ такихъ личностей. Въ ней мы видимъ женщину до-петровскую, съ суевѣрїями, предрасудками и ханжествомъ, и женщину петербургской преобразовательной эпохи, съ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характерамъ вліятельныхъ лицъ, съ извѣстными уступками современному духу въ обученіи дѣтей, въ препровожденіи времени, въ забавахъ, развлеченіяхъ; наконецъ, — и это всего важнѣе, — личность Прасковьи интересна для насъ уже потому, что она мать императрицы Анны Ивановны. Исторія Анны (если мы ее дождемся) ни въ какомъ случаѣ не обойдетъ царицу Параскеву.

Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Анна, по свидѣтельству одного изъ нихъ, не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый рассудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы праву грубаго... ея природный грубый обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала... Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное содержать... Не можно оправдать ее въ томъ, что бывший у нея гофъ-мейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе, яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ фаворита», и проч. (1)

Подобные отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ, рассказы о ея суевѣрїи и проч., живо представляютъ намъ сродство ея характера, привычекъ, даже взглядовъ на вещи съ характеромъ, достоинствами и недостатками ея матушки. Вліяніе царицы Прасковьи не могло не отразиться на развитіи императрицы Анны. (2)

(1) *Щербатовъ* с. 47—48.

(2) Намъ остается сказать нѣсколько словъ о портретѣ Прасковьи. Онъ помѣщенъ въ изданіи г. Фридебурга: «Царственный домъ Романовыхъ», и какъ видно изъ подписи: «компонованъ съ портрета Московскаго Новоспасскаго монастыря.» Мы не видѣли оригинала; по словамъ г. Фридебурга — оригиналъ рисованъ масляными красками и надпись его гласитъ такъ: «Царица Праскева Федоровна.» Не смотря на надпись, мы однако сильно сомнѣваемся,

чтобъ это былъ портретъ царицы. Въ сомнѣніе повергаетъ насъ костюмъ Прасковьи: царица изображена какъ въ копіи, такъ и на оригиналъ (по свидѣтельству г. Фридебурга), съ открытою грудью, декольте, въ высокоемъ корсажѣ, съ выдавшимся лифомъ, съ короткими рукавами стянутыми брошками, въ богатой мѣховою мантии, небрежно накинутой на лѣвое плечо. Вообще костюмъ чисто иноземный, а извѣстно, что царица не любила и не носила его даже до старости, а тѣмъ болѣе не могла носить въ молодые годы; она представлена здѣсь красавицей, лѣтъ 25-ти. Наружность Прасковьи Федоровны, если вѣрить этому, быть можетъ мнимому, во всякомъ случаѣ единственному портрету, была весьма привлекательна; она изображена здѣсь стройною, статною, съ высокою грудью, полнымъ лицомъ и прекрасно очерченными бровями; волосы, зачесанные маленькими завитками на лбу, безъ пробору, густыми, роскошными косами ниспадають на плечи. Въ описаніяхъ Новоспаскаго монастыря, изд. 1802, 1821 г. и 1843 г., ничего не говорится о хранящихся въ монастырѣ портретахъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я

Въ текстѣ статьи нашей мы привели только болѣе характеристическіе отрывки изъ подлинныхъ писемъ царицы, ея дочери и другихъ лицъ. Но письма эти сами по себѣ, въ цѣломъ, составляютъ столь важные документы для біографіи Прасковьи, что мы пашли нужнымъ помѣстить ихъ здѣсь, разумѣется интереснѣйшія, съ соблюденіемъ орфографіи подлинниковъ, но съ разстановкой знаковъ препинанія. Печатаемъ въ настоящихъ приложеніяхъ 11 писемъ: первое изъ нихъ 1713 года принадлежитъ царевнѣ Катеринѣ, оно писано къ государынѣ; за тѣмъ остальные десять писаны Прасковьей къ ея дочери Катюшкѣ; только на одной изъ этихъ грамотокъ выставленъ 1722 годъ, 16 мая; но по содержанію остальныхъ писемъ видно, что они относятся къ послѣдней половинѣ 1721 и началу 1722 года. Нечего и говорить, что ни одно изъ писемъ не было еще напечатано, они скопированы нами съ подлинниковъ.

1) Предражаішая и прелюбезнѣйшая моя невѣстущка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй, свѣтъ мой на множество лѣтъ! Здравствуй матушка моя избратцемъ нашимъ, і сиваражденною тцарію вашею, а сивашею племянницею, съ царевною Маріею Петровною, на многія лѣта! А вновіи годъ подаі Господи царевича, чего отъ всего сердца желаемъ!

Мы за сие всемилостиваго Бога благодаримъ, что слышимъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ вдобромъ здравіи распростилъ чрезъ такой вашъ дальній путь и трудное.

Пача всего о томъ печально, что давно мы не слышимъ про братава бытія і здравія, о томъ мы всегда слышели желаемъ.

Благодарствуемъ мы і за сие, что вы, Государыня моя, насъ уведомілі о своемъ здравіи; а за сие, за что досаждать свѣтъ мой, что не писала, каки не время была, і впрядь галубушка моя о томъ просимъ, чтобы всѣгда слышеть обще о вашемъ здравіи.

Сердешныя моі малютачки, дарагія моі племянницы, Царевна Анна Петровна, Царевна Елисавета Петровна, здравствуйте моі галубушки, избатюшкомъ своимъ дарогимъ, і сматужскою своею, і ссестрицею своею махоточкою на многія лета! Тетка ваша Екатерина кланяюся.

Писавшій сие Екатерина, кланяюся до земли.

изъ Москвы 19 марта 1713 года.

2) Царевна Катерина Ивановна! Пишу я тебѣ слыша про вашу великую милость: изволили гаварити дядюшка самною; ежелиде она камиѣ приедеть, я де все ево дела суправлю, и ты Катюшка не потеряйте своево дела, нераскручинте его Гсдря и отъ Бога за нево примете гневъ, ежели не приедете кнамъ, и меня, на масі старасте назади (?) ее нахажу клятву и, какъ возъможна, делаі, штобы вамъ быть сюда.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Писано собственноручно на маленькомъ лоскуткѣ бумаги.

3) Катюшка свѣтъ мой! Будь на табою милость Божія и Пресвятые Богородицы милосердіе! Пиши, свѣтъ мой, про свое и про мужнее и продочкина здаровье; а я и дѣти, и сестра, да воли Божіей, живы. Давно Катюшка князя кнамъ дядюшка самною изволилъ гаварити, «што бы де приехалъ камиѣ» и ты какъ можна зави ево кнамъ. Будете паедете, не покидаіте дочьки, ненадсалите меня, при маей старости (далѣе рукой секретаря).

И какъ вы поѣдете сюда, і дядюшка, и тетюшка будутъ вамъ радн, и ваше дѣло все лучше управять, какъ сами увидите сними. Ныне, Божією милостию, дядюшкино дѣло все харашо и Гдъ Бгъ кнему милостивъ, можетъ онъ упроситъ у Бога и васъ утѣшитъ. Также и отъ меня позови ево (т. е. герцога) кнамъ. Да посалъ къ тебѣ дядюшка: десять косяковъ камокъ; да отъ меня тебѣ послано: мѣхъ лисей, да пару соболей; да сестра тебѣ посылаетъ: мѣхъ лисей, и горностаі нашъ, мѣхъ поднеси князю отъ Паранюшки, да семь брусковъ мыльца грецкаго, да три мѣха лисьихъ расхожихъ, на што згодитце. И тутъ же полажены въ Баулѣ (въ сундукѣ) гасинцы отъ другихъ; да приказано тебѣ, царевна, больше Окуневу на словахъ. Онъ о всемъ скажетъ. А што не своею рукою писала, право не могу, галавою и мало вижу. Все сокрушили меня ваши печали; всеконечно Катюшка дядюшка грилъ: «што какъ приедутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю», я не пишу никогда ложно. Да съ нимъ же Окуневымъ посланъ къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконъ Филиппъ і пѣвчей Филька; кажется, люди нарочиты; а буде плохъ, я по зимѣ другова пришло і чаю сама поѣду къ Москвѣ зимою, и тамъ выберу добрыхъ. А которая у меня дѣвушка грамоте умѣетъ, посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучка учить Русской грамоте. (далѣе собственноручно) При семь быть натабою мае и отцово благословенне.

Мать ваша Ц. П.

Примѣч. Вслѣдъ за этимъ письмомъ на лоскуткѣ сдѣланъ чертежъ, кажется рукою царицы, но объясненія чертежа не имѣется; это планъ какого-то большого жилья. (Не ея ли большого дома, который начали строить въ Спб. въ 1720

году?) При въѣздѣ въ обширный дворъ два большихъ и почти одинакихъ строенія, въ правомъ 7 отдѣленій, въ лѣвомъ 8; при обоихъ домахъ по два крыльца; къ задней стѣнѣ двора примыкають 8 маленькихъ строеній, вѣроятно слѣдствія.

4) Царевна Катерина Ивановна здравствуй и смужемъ, и слодчюкою! А я еще жива и сестра. Пиши ка мнѣ почаще, некрушите меня, также не большоі не зделаі печали, неподи въ законъ дрого неотста себя Бжіей клятвы и наше, а тебя подтверждаю Богомъ и Пресвят. Богородицею. Изволь держать Окунева долга, штобы мне поболше провась сказываль. А еду я вмаськву (въ концѣ 1721 года) повидаца свашимъ батюшка и Архангела(мъ). А я и сестра еще живы въ печалехъ своихъ. А большая мне печаль а тебѣ; а я очинь болна, помолися за меня. При семъ посыдаю тебѣ атцово и мае благословение. Внуцька, дружечикъ мой, поцалуі батюшка за меня и матушку; еще друк мой здравствуй! Болше стану писати смаерамъ Салтыковымъ.

Мать ваша Ц. П.

5) (Начало собственно ручно, ладѣ рукоі секретаря:) Царевна Екатерина Ивановна будь натабою милость Божия и Пресвятоі Богородицы милосердие и отцова и мае матирина благословение. Пиши ко мнѣ, про свое здоровье і про мужие, і про дочкино почаще. Да пишу ктебѣ свѣтъ моі Катюшка и подкрѣпляя тебя Бгомъ въ твоихъ печалехъ і болѣзняхъ, положи все свое упование на Гда Бга и на Прстюю Богородицу. Можетъ онъ всемилосердый владыка Прсятая Богородица несодѣланное сдѣлать здѣ и въ будущемъ; а печалью себя не убей не погуби души также и храни свой законъ, аки зеницу ока, чтобъ теби стати въ будущемъ со Христомъ во единой вѣре, хотя не вѣдомо што постражи. Не нареди на себя клятвы перковной и нашей. А о васъ Гедръ соболезнаеть очень и всяко хочеть помочь, только невидавши сваи нельзя сего дѣла делать. Все конечно надобно вамъ быть вригу. А Окуневъ посланъ квамъ держи сколько надобно. Поклонись отъ меня мужу своему і внуцки маей. А о себѣ пишу тебѣ: лежу болна совсемъ то въ расслабленні ссамаго Рождества, ногами не владѣю, толко что руками, и сестра также мало можетъ безпрестана. А больша на словахъ приказано сОкуневымъ. Да послала я внуцке ігрушечки: отдай ей бочечку, да мазикъ. Да прости меня Цревна Катерина, ежели что Гдъ сотворить; помяни, і я уже великихъ своихъ скорбехъ і не сносныхъ печалехъ не чаю себѣ жития долгова, еще бѣ жила толко убила себя печальми великими. А что пишешъ, себѣ про свое брюхо и я, по письму вашему не чаю, што ты брюхата. Живуть стакне случаи, что непознаете і я при отцѣ такъ

была: годъ чаяла брюхата, да такъ изашло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить? А мы смосквы еще не слышали находу; толко чаю, што скоро ѣхать. Вудеть мнѣ возможно будетъ ѣхать, и я смосквы прямо кводамъ проѣду. Да отпиши, пожалуй, подлинно, поѣдетель вы вригу или нѣтъ? І ежели тебѣ возможно отъ него, буде не брюхата, по прежнему у насъ побывать, какъ вычисесе для моеі старости і для моеі болезни, і ежели не брюхата и тебѣ, всеконечно, надобно быти а Олонцѣ, у маринальныхъ водъ для стакой болезни. Что пишешъ есть опухоль, і отъ такихъ балѣзней і повреження женскихъ немощей вода zelo ползуетъ і вылечиваетъ. Сестра Княгиня Настасья у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней и не пухнетъ и бокъ не болитъ, і немощи устались помѣсечно порядкомъ. Есть ли непослужать дохтурские лѣкарства, всеконечно надобно тебѣ кводамъ ѣхать на Олонецъ. Писавый мать ваша, посылаю благословение. О чемъ (собственно ручно) Катюшка свѣтъ моі писана содержи моі прикасы.

Ц. Пр.

Внучка свѣтъ моі! утѣшай батюшка и матушку, не давай имъ крушца. При семъ писавый Бабушка твоя старушка кланяеца

Царица Прасковья.

Москва 1722 года.

6) Катюшка свѣтъ мой здравствуй! Пиши ко мнѣ, о твоємъ здорьевѣ, и о мужнѣ, и о дочкѣ: какъ вы въ своихъ печалехъ живете. Пишешъ ты, чтобъ я къ тебѣ писала и таперъ пишу. Дядюшка и тетушка и сестрицы твои и Паранюшка все въ добромъ здравіи. А о себѣ пишу всеконечно больна и лежу въ расслабленіи, и тебѣ Катюшка всеконечно надобно ко мнѣ приѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ, также чтобъ мнѣ видить твою дочку безмѣрно желаю. То бѣ я утѣшилась чтобъ ея увидѣла. О приѣздѣ вашемъ доношу, что многое получите у дядюшки, чего желаетъ твой супругъ. Всеконечно упрасивай у мужа, чтобъ былъ въ Ригу: лучше быти въ Ригѣ, нежели во Гданскѣ, для самой вашей пользы, и дядюшка мнѣ самъ изволилъ приѣзжая грити, чтобъ писать вамъ, чтобъ вы были, по нуждѣ и хотъ бы одну тебя отпустилъ покаряе злочкою. А о болѣзни своей, что ты ко мнѣ писала, я удивляюся тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользаца и zelo сокрущаюся, ежели бы были вмѣстѣ, могли нѣ всякую пользу здевать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ воды дѣйствовать вашей болѣзни, также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чель письмо то, которое ко мнѣ пишешъ, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ, какъ вриге будете, для того что отъ риги недалеко. Сестра моя, княгиня Настасья, болши 15 лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожалѣла и распухла, и болѣзни ея и докторы все отказали, и ее Госдръ изволилъ послать кводамъ,

и она отъ тѣхъ водъ выздоровела: какъ небывало болѣзни, и все стало быть временно! Какъ можно царица Екатерина такъ дѣлать, чтобъ вамъ здѣсь быть, для ради моего утѣшенія и для своего дѣла; а больше дядюшку не раскручиньте что не быть, потому что время есть такое, что можно вамъ быть. А ежели за чѣмъ отложите, то дядюшку раскручиньте и меня опечалите, и отъ Бога грѣхъ будетъ. А у дядюшки всю свою пользу потеряете; всеконечно быть надобно любезному супругу вашему, а по нуждѣ хотябъ тебя прислалъ злочною; пожалуй дай мнѣ видѣть для самага Бога и Пресвятой Богородицы дочку свою, хать на часъ. А мнѣ не долга жить: болѣзни у меня поднелись великие мокротная, каменная, падагра и моеи натуре такихъ болѣзней долго не снести. А по прибытіи своемъ въ Ригу, ко мнѣ отправь тотчасъ изъ сестринныхъ служителей, да отпиши противъ сего письмо, какъ можно поскорѣе, хотя къ сестре въ Митаву, а она бѣ ко мнѣ тотчасъ прислала. А письма твои Катюшка чту и всегда плачу на ихъ смотря. Очень нужно намъ видѣтца: отъ меня проси зятя, своего любезнаго супруга, чтобы пожаловалъ меня послушалъ, приѣхалъ для самой своей лучшей пользы. И убытку вамъ здѣсь никакого не будетъ, все будетъ Государево. При семъ буди надъ тобою милость Божія и Пресвятой Бцы милосердіе, отца твоего и моего благословеніе.

Мать ваша Ц. Пр.

Василій Алексѣевичъ (Юшковъ) и все домашніе поклонъ отдають.

А Окунева Катюшка будетъ надобно, держи; буде есть нужда какая приказати и ты ко мнѣ его пришли; а я тотчасъ къ вамъ пошлю. А что пишешь, чтобъ не присылать женскаго роду (прислугу) вригу, и я вить пришлю не на твоимъ коште; хотя негодны будутъ вамъ и онѣ назадъ приѣдутъ, и о томъ отпиши присылать или нѣтъ.

Изъ Москвы 1722 года 15 мая.

Матушка моя Государыня здравствуй, кунно и съ супругомъ своимъ Гсдремъ моимъ и злочерью, моею Государынею!

Рабъ вашъ Василій Салтыковъ (братъ царицы).

7) Катюшка свѣтъ мой здравствуй! Паслала я ктебѣ Алексѣя Татищева для таво, што пиши(ешь, что) немогла (т. е. была больна) твоя дочка, а мая внучка. И я думаю, што вы долга не будете. Пришлите вѣдомость, где вы таперева? штобы вѣдать мнѣ и ежели сестра выедетъ васъ встрѣтить. — Пуще тошна. Ждемъ да не дождемся. Алѣксѣи квамъ наскоре посланъ и естли тебя Алѣксѣи Татищевъ встрѣтитъ на дароге, и ты і м вазми у него на дороге сестрины писма и будетъ, будетъ скѣмъ послать, и ты пошли кнеі; а ему не велела я ехать вмитаву. Писавші, мать ваша Ц. П. внучка моя

с м здравствуй приездаі с м поскорее, не магу я вась дождатца и Бгъ вѣсть, дождуся ли я или неть, по своей болезни Ц. П.

А сестрино письмо своею печатью запечатаі і оташли.

8) Царевна Катерина Ивановна здравствуй! Внучка свѣтъ мой здравствуй! Я вась, свѣтовъ своихъ, дождаю радости; а болши вѣры нейму, што будете; кажетце не будете; ежели можно поснѣшите поскоряе для того, что детяти долго вдароге быть трудно и для моеі балѣзни. А я вась послала встрѣтить Татьяну стоварици и какъ встрѣтять тебя, изволь ко мнѣ прислать Топоркова покаряе. Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду вась встрѣтить или сестру вышлю; у меня свѣтъ мой вамъ и харомы вычищены для вашево пакюю. Чаю, вамъ ѣхать трудно вдароге, а болше таво детяте великой трудъ; а я думаю никакъ вась недождусь по своей балѣзни. Отнакоже отъ лому есть палегче, толко нехажу. Хотя бы взглянуть на внучку. При семъ буди свами милость Божія и пресвятѣй Богородицы і мое благословение. А у меня вдомѣ, свѣтъ мой, всѣ радаютце твоему приѣзду; а наипаче дочки вашей. Я вась свѣтовъ маіхъ внучка и душечка пато (?)
Мать ваша Ц. П.

9) Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Василья Алексѣевича, вмѣсто себя, и ты Катюшка поддержи его у себя день; да ко мнѣ пришли поскоряе, чтобы я тебя встретила сама, ежели помогу. Внучка, свѣтъ мой, поскоряе ко мнѣ приѣзжай, а я тебя не могу дождаться!

Прибуди надъ вами милость Божія и пресветые Богородицы милосердие и мае благословение.
Мать ваша Ц. Пр.

Сестрица, свѣтъ мой, . . . здравствуй моі свѣтъ на дѣта многія! Пожалуй, светъ мой сестрица, изволь приѣзжать поскорая кнамъ; и спринцессаю здарагою нашею. Сестра твоя Прасковья.

друкъ мой племянница здравствуй!

Т. (тетка) П. (Прасковья.)

(далѣе приписываютъ сначала бабушка, потомъ тетка):

Послала я, свѣтъ моі, внучка, сережки маленькия. Наси на сдаровия. И я посылаю тебѣ, светъ мой племянница, каробачьку вологацькаго гасинца, тетка
Т. П.

И еще посылаю кошеньку (игрушку) серебряную.

10) (рукой секретаря:) Другъ мой сердешной внучка здравствуй збатушкой и сматушкой! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьи и про батюшкино и про матушкино здоровьи своею ручкою. Да поцелуй за меня Батюшка и матушку; Батюшка въ правой глазокъ, а матушку въ лѣвой. Да посылаю тебѣ, свѣтъ мой, гостинець: кафтанецъ теплой для того, чтобъ тебѣ тепленко ка мнѣ ѣхать; да послана ктебѣ баулочка (коробочка), а въ ней сто золотыхъ и ты изволь ими тѣшитце; да досканцы (табакерка) утѣшай, свѣтъ мой, батюшка и матушку, чтобъ онѣ не надсажались въ своихъ печалехъ и назови ихъ ка мнѣ вгости, і сама сними приезжай. І я чаю, што съ тобою увижусь, што ты у меня вумѣ непрестанно. При семъ отдай поклонъ отцу и матери отъ меня. (далѣ собственноручно) Да посылаю я тебѣ свои глаза ☺ ☺ старые, а уже чуть видѣть свѣтъ. Бабушка твоя старенькая хочитъ тебя внучьку маленькаю видѣть

Царица Прасковья.

11) Внучька, свѣтъ мой! Желаю я тебѣ, друкъ мой сердешной, всякаго блага, ото всево маево сердца. Да хочеца, хочеца, хочеца тебя, друкъ мой внучька, мнѣ бабушке старенькаі видитъ тебя маленькаю и подружица стабой. Старай смалой отчинь живутъ дружна. Да позави ка мнѣ батюшка и матушку вгости и поцалуй ихъ за меня, и што бы ане привозили и тебя. А мнѣ стабою івекакихъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ подумать и перегаваривать (надобно). При семъ еще здравствуй! Бабушка твоя кланяеця

Ц. Пр.

Примѣч. Писано на весьма маленькомъ листикѣ, тщательно обрѣзанномъ въ форматъ письма.

10. *Второй вопрос.* *Вопрос о том, что такое государство и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое закон и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое правосудие и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое право и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое государство и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое закон и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое правосудие и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое право и каковы его функции.*

Вопросы

11. *Вопрос о том, что такое государство и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое закон и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое правосудие и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое право и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое государство и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое закон и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое правосудие и каковы его функции.* *Вопрос о том, что такое право и каковы его функции.*

11. 10

Вопросы о том, что такое государство и каковы его функции. Вопросы о том, что такое закон и каковы его функции. Вопросы о том, что такое правосудие и каковы его функции. Вопросы о том, что такое право и каковы его функции.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: FEB 2002

Preservation Technologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

0 009 203 387 9

